

Гришутка Мішутка

ВТОРОЙ ШАНС
ДЛЯ СТАРИШКИ

На улице поднялся ветер от взмахов крыльев.

Ну наконец то обрадовалась я и кинулась к открывающейся двери.

Но дверь открылась почти слетев с петель и внутрь вихрем, бешено сверкая глазами влетел мой столичный, платиновый блондинчик.

Следом уже шел Ник и Мия.

— Ты-ы, заорал голубоглазый, тыча в меня палец.

— Ты-ы, отзеркалила я его. И попятилась к бару.

— Ну как, помнишь еще мои глаза, зашипел мужчина, надвигаясь на отступающую меня.

— Да, пискнула я и кинулась к кухонному выходу.

Но не тут-то было. Блондин снова оказался быстрее. Перехватил меня за талию и рванул на себя, да так, что я сложившись пополам, повисла на его руках.

1. Свет, лес, попала я

Свет, яркий свет, звук визжащих тормозов — и я взлетаю в воздух.

Вижу садящееся солнце и сгущающиеся тучи. Боль. Все тело болит. А дальше все, нет мыслей.

Слышу голос моей подруги из детства. Она убегает, голос отдаляется. Вижу ее, она прячется за прозрачной тканью.

Осмотрелась. Что это?

Кругом белым-бело. Сверху на меня что-то упало.

«Боже это бинт? Да, это бинт. А почему огромный такой? Как он меня не раздавил еще?»

А кругом много-много ватных валиков, и они крутятся, подминая под себя бинты, которые все падают и падают сверху, но вверху ничего нет, они появляются из ниоткуда и висят, как будто слои тюля, сотканного из тонких паутинок.

А подруга убегает и смеется, прячась за этим тюлем.

Я пытаюсь бежать за ней, но ватных валиков становится больше.

Один из валиков меня зацепил и начинает закручивать под себя. А я, будто пластилиновая, прогибаюсь и проминаюсь под него, даже висящие рядом бинты не могут помочь мне выбраться.

Я пытаюсь кричать, но голоса нет, будто вата поглощает все звуки.

«Подружка ведь смеялась, я слышала ее голос, что происходит?»

И вот я под валиком полностью. Я растворилась, теперь я и бинт, падающий сверху, и валик, закручивающий его под себя в новый рулон, и следующий валик, отправляющий рулон в дальнейшее падение, и так по кругу.

А подруга испарилась, будто и не было.

Резкая боль в левом боку решительно вернула меня в реальность. Мысли, как мухи в меду, застряли и никак не хотели шевелиться.

Авария? Я попала в аварию? Нет, хотя возможно! Не зря машина тормозила, а у меня все тело болит. Последнее воспоминание? А нет его. Кроме звонкого смеха, но чьего?

Сбоку послышалось шуршание.

— Сейчас мы с тобой развлечемся, красавица, погоди немного, — услышала я мужской голос, звучавший глухо, будто меня колпаком накрыли.

Сквозь приоткрытые веки увидела косматого мужика. Он стоял надо мной, видимо на коленях, и гнилыми зубами скалился прямо мне в лицо.

Я хотела было его отпихнуть. Или отползти сама, да не тут-то было. От попытки двинуться боль прострелила все тело, и меня накрыла спасительная темнота.

Видимо, в отключке я была недолго, так как, придя в себя, снова увидела того косматого лешего, а ручки его уже шарили по моей груди. Да-да, по груди.

«Фу, мерзость какая, — взбунтовалась во мне женщина. — Как ты, дикобраз, посмел ко мне прикасаться своими грязными шершавыми ручищами?»

Но, похоже, его мои возмущения не особо отрезвили, даже более того, он не обратил на них внимания.

— Слышишь меня, ты, леший косматый? — снова попыталась я взбунтоваться, но опять безуспешно.

А вместо своего голоса я слышала хрипы с булькающими звуками, вырывающиеся изо рта.

— Борода, ты что, полудохлую драть собрался? На кой она тебе сдалась? Пошли. Оставь ее зверью, — услышала я грубый низкий голос второго мужлана.

— Думаешь? — остановился первый. — Да бабу хочется невмочь, а тут эта, сама так и просится, — заржал этот леший.

А руки уже убрал и даже майку опустил.

Хоть что-то радуется.

«Идите и не возвращайтесь, черти немытые. Только меня не трогайте больше».

Мои бедные серые клеточки в шоке жались друг к другу и не могли сообразить, как выкрутиться из сложившейся ситуации!

— Конечно, прям-таки и просится, только вот ее драть — что самому рукоблудством заниматься. Тьфу.

— Да, тут ты прав, Сизый, — поднимаясь, сказал леший, почесывая затылок.

— Пошли давай, дело есть. Нетрудное, и золотом платят, — снова отвлек космача партнер.

— Что за дело? — спохватился леший. — Кто ж это такой щедрый?

— Да есть тут у нас один график. Золотишка много, видать. Дочурку проучить хочет. Надо подсобить. А потом уже и по живым да подвижным девкам пройдемся, — заржал грубиян.

— Прямо-таки граф? — удивился леший.

— Да, — подтвердил подельник.

— Ну пошли. Негоже заставлять таких людей ждать. Что-то меня уже это бездыханное мясо не привлекает.

Леший пнул меня по ноге, сплюнул, и голоса стали отдаляться, а вскоре и вовсе затихли.

«Батюшки, это что ж, он обо мне? Бездыханная? Мясо? Я что же, умираю? Мысли тут. Холодно. Чувствую ветер и запах хвои. На чем лежу, непонятно, хотя, раз кругом деревья, видимо, в лесу и, похоже, на земле. Подложить-то под меня никто ничего не додумается, да и надо ли им это? Фух, не умерла. Надо притихнуть и не показывать свою "небездыханность". Мало ли что они там напридумают еще. А вот со зверьми дело посерьезнее. Как я в лесу-то оказалась, живу же в центре города?»

Приоткрыла один глаз, тело не слушалось. Что за бред?

В голове начало проясняться, мысли зашевелились.

Меня сбили и, чтобы скрыть следы преступления, отвезли в лес? Просто прекрасно!

Раз тело чувствует боль, не все так плохо.

Я попробовала пошевелить руками, с большим трудом получилось только поднять одну правую. Попыталась приподняться, головная боль прострелила так, что в глазах все потемнело. Да здравствует обморок от болевого шока, ага, видимо, «не мой день» сегодня продлится до ночи.

Не отключилась. Наверное, повредили позвоночник.

Теперь мне точно капец. Или сама помру, или волки растерзают, кто вперед?

Бедная моя семья, как они там? Наверное, с ног сбились в поисках. Так и не отметили мой юбилей. Жизнь я, конечно, прожила, но не настолько долгую, чтобы вот так умереть.

Додумать не успела, сбоку услышала хруст веток.

Не дай боги снова космачи, лучше уж звери. Хотя нет, не лучше.

А мое невменяемое сознание начало подбрасывать картины моего печального будущего.

— Милка, ох, батюшки, да кто ж тебя так? Да как же это?! — услышала я причитания какой-то старушки.

— Спасена, — прохрипела я.

И напряжение, сковавшее меня, как сжатую пружину, отпустило в пучину обморочной отключки.

2. А спасена ли?

Ноющая боль в левом боку снова выдернула меня из очередной спасительной комы.

В голове лихорадочно скакали мысли, подкидывая эпизоды последних событий.

Я дернулась от отвратительных воспоминаний и открыла глаза. Темнота.

Я еще теперь и ослепла? Или это мне глаза выели, пока без сознания была?

Поморгала. Глазные яблоки вроде на месте, я просто ослепла. Я всхлипнула от обиды.

Так, вроде слышала рядом женщину. Или это мой больной мозг выдал желаемое за действительное?

Стало обидно и страшно.

Так и не отпраздновала свой юбилей. Лежу тут гнию потихоньку.

Я зажмурилась сильнее, стиснула зубы до скрежета. Голова закружилась до тошноты.

— В себя еще не приходила? — услышала голос мужчины около меня. Насторожилась.

Сердце так забилося от страха, что, казалось, вот-вот пробьет грудную клетку. «Только не это, только не они снова».

— Нет, Пахом, пока нет. Не знаю, выкарабкается ли она. Молоденькая ведь совсем, — ответила женщина совсем рядом со мной. — И когда ж этих душегубов поймают-то? — всхлипывала она.

«Меня все-таки спасли», — обрадовалась я и опять отключилась.

Второе пробуждение было не столь легким. Живот снова свела судорога от боли слева.

Что происходит? Меня режут? А вдруг вскрытие производить собрались, а я тут еще живая?

— Эй... — только и смогла выдавить из себя.

Услышала какой-то хрип, шипение, но не то, что я произнесла.

— Жива? — услышала тот же женский голос. — Жива, милка, ты жива. Пахом, Пахом, она очнулась! — позвала она мужчину. — Щас, щас, погоди, щас дам вару тебе, — засуетилась женщина и снова крикнула: — Пахом, Пахом, где тебя носит нелегкая, когда ты нужен?

— Да тут я, чего орешь? Что, померла все-таки? — зашел в комнату мужчина.

— Очнулась, Пахом. Жива, — радостно защебетала женщина. — Побудь с ней, вару ей принесу. А то слабенька она.

Я проморгалась. Черная пелена с глаз начала спадать, боль удвоилась, я издала стон. Ну как стон? Снова хрип-шипение.

Повернула голову в сторону говоривших. «Батюшки, я не в больнице. Но самое главное — я вижу, глаза на месте. Ура!»

Какая-то деревянная изба, как была в моем детстве у деда. Хорошо хоть, чисто.

Двое говоривших стояли у двери. Старушка лет семидесяти и мужчина лет шестидесяти пяти. В общем, недалеко от меня ушли.

Деревянный стол и две табуретки, грубо сколоченные. Видимо, мы в какой-то дальней глуши, раз даже скорую не вызвали.

— Где я? — просипела пересохшим ртом, глядя на оставшегося со мной мужчину.

— Ты близ города Грозящего в деревушке Цветное. В землях герцога Феликса из рода пресветлого Идана, наделенного силой молнии, несущего страх и погибель врагу земель

наших.

— Чего? — Видимо, я ослышалась. — В России таких городов нет, да и герцоги уже давно поиспарялись! А уж про наделение молнией промолчу, — усмехнулась я.

Точнее, попыталась усмехнуться, и снова боль пронзила живот.

— Тебя как звать-то, дочка? — проигнорировав меня, задал вопрос старик. — Семейку надо твою оповестить, что ты нашлась и жива.

— Лилия Егоровна, — ответила я шепотом. — Дочке позвоните, она организует мое перемещение домой. А почему я ног и рук не чувствую? Меня, наверное, парализовало? И живот болит сильно. Что со мной?

Начала накрывать паника.

«Так, так, дыши, Лилия, дыши, этому всему есть логическое объяснение. Вот сейчас этот человек мне все и объяснит», — вела я с собой внутренний диалог. И с неммым вопросом уставилась на дедка.

В комнату кто-то вошел.

— А это я тебе сейчас объясню, милая, — увидела я старушку, державшую в руках глиняный кувшин. — Я тебя в лесу нашла. Почитай, уже дней шесть как ты у меня тут. Думали, не выживешь, а оно вон как, душа сильная оказалась. Кто тебя так изувечил, не знаем, документов при тебе тоже не было. Думали, ты, как придешь в себя, нам и поведаешь все. Хорошо хоть, жива, да и то ладно. На-ка вот, выпей, боль снимет.

Она приподняла мою голову и стала вливать в рот жидкость. Горло пересохло, и я обрадовалась этой кружке как оазису в пустыне. Отвар был горьким, но терпимо. Главное, жидким. А меня начали одолевать мысли и вопросы.

Почему не отправили в больницу, как нашли? Как это — шесть дней я тут? Меня дети с внуками на празднике ждали. А самое главное, почему я боль чувствую, а пошевелиться не могу?

— Пей, милая, пей, это поможет от боли, и раны побыстрее затянутся. Мелкие-то уже все порозовели, а вот на животе два больших пореза, пока еще даже кровоточат, — кивнула она на мой живот. — Но ничего, по сравнению с тем, что было, они уже тоже почти зажили. Я весь резерв свой в тебя влила, но силенок маловато, сделала что смогла. Сама теперь восстанавливаюсь, — вздохнула женщина.

Я даже поперхнулась. В смысле — раны, порезы? Меня же вроде машина сбила? Это я и озвучила старушке с дедулей, молча стоявшим около стола.

— Что еще за машина? — удивился мужчина.

Почесав свою белую, коротко стриженную бородку, он прищурил выцветшие голубые глаза, отчего его и так немалый нос картошкой визуально увеличился в размерах.

— Не знаю, не разглядела. Я дорогу переходила, в магазин за сыром шла, а на меня вылетела машина, свет фар все перебил. Я слышала визг тормозов, увидела вспышку, а дальше темнота.

— Вроде и говорит по-нашему, а не пойму о чем, — пожал плечами мужчина. — Про дочку говорит, но сама еще ребенок. Наверное, голову отбили, — размышлял старик, все так же теребя бороду. — Ты не местная? Городская, что ли? Откуда ты, помнишь?

— Да, я помню! Из Брянска! — прохрипела я снова.

— Это какого еще такого Брянска? Не припомню таких городов у нас, — почесал снова бородку старик. — А с земель какого герцога или графа, помнишь?

— Это в России, дедуль, на планете Земля, — уточнила я этому непонятливому. — И

какого еще графа? Что вы мне тут шутки все шутите? — возмутилась я. — Графья у нас уже давно в историю ушли.

Дед даже подскочил со стула.

— С какой планеты? Приходящая, что ли? — нагнулся он ко мне, таращась во все глаза. — Да быть такого не может, — мотнул он головой и махнул рукой. — Четвертое столетие уже никто не приходил, а ты придумывать мастерица. — Он потряс указательным пальцем перед моим носом. — Тебе сказки писать надо.

Вернувшись на свое место, мужчина постучал пальцами по столу.

— Сказочников и без меня хватает. Скажите, где я? Почему не вызвали скорую? Я тела не чувствую! — уже злясь, возмущенно прохрипела я.

— Какую еще скорую, что это? — удивленно подняла брови старушка.

— Скорая помощь — это машина в больницах, приезжает, когда им по телефону звонишь и сообщаешь о происшествии. У них там все необходимые лекарства для оказания первой помощи, в машине этой, — объяснила я этим двоим. — И они везут тебя в больницу. Или у вас что, в этой глуши телефона нет? — с сарказмом выдала я.

— Ой-ой, Машка, ой-ой, она либо сильно ударилась головой, либо и правда приходящая. Надо же, — засуетился старик. — Срочно отсылаю весточку его сиятельству Николасу, пусть летит немедля. Это ж надо, четыре сотни лет почти прошло. Это ж надо, приходящая. Думал, не доживу до такого события, — бурчал мужчина, вышагивая по комнате. — Только ты это, Мария, смотри, никому не Расскажи по глупости. Меньше знают, меньше проблем. Скажем, что к тебе родственница приехала издалека, сиротой стала, а кроме тебя, никого нету. По дороге на нее напали, а ты выхаживаешь теперь.

Женщина молча кивнула.

Дедуля остановился у стола, потом вынул из кармана камень молочного цвета и стал с ним разговаривать. В это время он сам будто засиял золотистым цветом.

Я зажмурилась. Боже мой, они что, еще и психи? С камнем разговаривает, о скорой не слышали.

Старушка, переводя взгляд с меня на мужчину, поняла, видимо, все по-своему и стала меня успокаивать.

Подоткнув одеяло, погладила меня по голове, приговаривая какую-то тарабарщину.

От нее тоже исходило сияние, только не как у дедули, а какое-то зеленоватое. Неужели инопланетяне? Ужас не успел меня накрыть, так как стало клонить в сон.

3. Радужное сокровище

Я услышала незнакомый мужской голос.

Видимо, это тот Николас. Что же теперь будет? Они назвали меня приходящей. Куда я пришла-то? Да еще этот сияющий дед с его камнем и бабуля. Может, у меня кома и это мое воображение?

— Она точно пришла в себя? — спросил незнакомец.

М-м-м, какой голос бархатный, еще б немного хрипотцы — и цены б тебе не было. Интересно, какие губы произносят так сладко?

Да что это со мной? Будто гормоны у подростка в голову стучат.

— Николас, прояви немного терпения. Я дала ей вару и усыпила. Ей пока сложно осмыслить себя здесь, — заворчала старушка. — Тело еще двигаться не начало, она переживает. Все, что смогла, я сделала, теперь все будет зависеть только от ее желания встать!

— А с чего вы решили, что она приходящая? — спросил этот незнакомец.

Да, да, мне тоже очень интересно, с чего и кто это такие? А встать я встану, еще как встану, не догоните.

— Ну так это ж! — воскликнул старик. — Она рассказала, как попала к нам. Ее сбила какая-то... тью-у-у, забыл. В общем, ее что-то сбило, потом была вспышка, и она оказалась в лесу, а там Мария неподалеку собирала серебрянку и вот нашла ее.

— Да, да, все так и было. Еле доволокла ее. Хорошо, земля уже сухая, а то сама там с ней слегла бы, по грязи таскаясь. Да и одежда на ней странная. Накидка из шерсти да рукава на полруки, а брюки как у мужика, про белье промолчу. Я выстирала все, одела ее в рубашу нижнюю, да и ту пришлось разрезать, а то тяжело было раны обрабатывать.

Это что ж, она про мой кардиган и классические брюки говорит? Я что, в средневековье, что ли?

— Так, ясно, — ответил незнакомец.

А мне безумно захотелось увидеть обладателя такого дивного голоса.

Приоткрыла глаза, осмотрелась.

Дедуля сидел на своем месте и уже не сверкал. Фух, все-таки привиделось.

А вот и он, бархатный голос, сидит за столом, какими-то блестяшками играет в руках.

Около кровати сидела старушка, слава богу, тоже не сияла. Я снова перевела взгляд на молодого человека.

Аристократический профиль. Длинные русые волосы, забранные в хвост, густые брови, тонкий прямой нос и тонкие губы. Сидит весь такой серьезный, даже морщинка на лбу от размышлений. Одет в темно-синий костюм строгого кроя, будто военный. Не хватает медалей да нашивок разных.

— Не хмурьтесь, а то морщины появятся, — сказала я ему не своим голосом, открыв глаза окончательно.

Ну а что? Разговор они закончили, а лежать в тишине я смысла не видела. Все повернулись ко мне.

— Проснулась! — скорее утверждая, чем спрашивая, произнес молодой человек. — Как себя чувствуете? Говорить можете? Мне надо с вами побеседовать и все записать для отчета в столицу.

— Да, говорить могу, — кивнула я. — Вот только двигаться не могу. Наверное, позвоночник поврежден, рук и ног не чувствую. — И я прикрыла глаза.

— Ничего-ничего, милка, на-ка нового вару. Через пару часов подвижность вернется, и все будешь чувствовать как новая. Я проверяла, у тебя нет глубоких повреждений ни костей, ни внутренних органов. А которые были — в основном поверхностные, да и те уже почти зажили, — суетилась около меня старушка.

Она снова поправила одеяло и приподняла меня на подушке повыше, чтобы удобнее было беседовать.

— Мне надо, чтобы вы нас оставили, — строго сказал этот бархатный голосок.

Старики удалились, и только потом мужчина перевел взгляд на меня.

— Батюшки, у вас что, цветные линзы? — воскликнула я.

Потому что его глаза были темно-синего цвета, но такими яркими, что казались нереальными для природы, несуществующими.

— Нет у меня никаких линз. А цвет глаз такой с рождения. Просто дракон придает им яркость.

— Ух ты! Никогда еще не видела такого цвета глаз. Красота какая, — восхитилась я.

Видимо, не зря, так как он даже улыбнулся. И вы знаете, очень даже красивая улыбка у него.

— А что это за дракон, придающий яркость? Мне, думаю, он бы не помешал. У меня глаза зеленые, но тусклые, было бы красиво, будь они поярче.

— С драконьей сущностью нужно родиться и пробудить ее. Простые люди ее не имеют, только правящие ветви, — улыбнулся он, как-то грустновато улыбнулся.

— Тут все такие шутники-сказочники? Старики про герцогов, вы про дракона. Это вы так мое состояние сгладить пытаетесь? — спросила я у следователя.

— Сказки — это хорошо, но моя вторая ипостась — водный дракон.

И на лице парня проросли голубые и зеленые чешуйки. Они не появились, а вылезли, как волоски, только много и из кожи.

На пальцах вместо ногтей проросли когти, а зрачок стал вертикальным, узким.

— Мама дорогая, роди меня обратно, — заорала я пискляво.

«Не хватает раздвоенного языка», — подумала в испуге.

Руки поднялись в защитном жесте, я дернулась в сторону в попытке отползти, но не судьба. С меня свалилось одеяло, представив на обозрение мою не прикрытую рубахой грудь с торчащими розовыми сосками, что меня удивило еще больше. На этом силы покинули меня, руки плетми упали на кровать.

Я осмотрела то, что открылось взору. Грудь в ссадинах, зеленовато-черных синяках, мелких порезах. Даже про дракона забыла, но он не забыл.

Мужчина кинулся ко мне, прикрыл снова одеялом, при этом покраснев, как девчушка, и лепеча извинения.

— Может, мы все же приступим к беседе? — отвернувшись и стеснительно покашливая, спросил он.

— Да, наверное, давайте приступим, — все еще нервно подрагивая от увиденного, ответила я.

Попыталась также улыбнуться, но, видимо, вышло не очень. Он снова посерьезнел и надел непроницаемую маску.

— Мое имя — Николас Бурный из рода пресветлого Идана. Я следователь из Грозящего,

это главный город земель нашего герцога Феликса Светлого из рода пресветлого Идана. В этих местах очень беспокойно, пропадает и погибает много людей, вы единственная выжившая и, к счастью, пришедшая в себя. Так что надеюсь на плодотворное общение с вами.

Я кивнула. Скрывать мне нечего, может, подлечат и домой отправят. Потому что по названию местности я так и не поняла, где нахожусь.

Он положил передо мной голубой и зеленый камни и начал допрос.

— Назовитесь, — потребовал он.

— Евсеева Лилия Егоровна.

Зеленый камень засветился.

— Ваш возраст?

— Шестьдесят пять лет. Авария произошла как раз в мой день рождения, — погрузилась я.

Зеленый камень снова засветился.

— Хм...Странно, — почесал задумчиво висок этот следователь. — На вид вам и двадцати нет.

— В смысле — двадцати? Ваши шутки неуместны в моей ситуации, — возмутилась я. Снова каким-то не своим голосом.

Стоп... Голос, он не мой. А грудь-то тоже не моя была.

— У... у вас есть зеркало? — спросила я у молодого человека, слегка заикаясь.

— Да, пожалуйста. — Он взял со стола рамку и поднес к моему лицу.

Из-за моего визга от ужаса от увиденного в комнату вбежали старики. Правда, почти сразу же вышли, так и не узнав, почему я ору. Видимо, убедились, что не убивают, и решили, что этого достаточно.

Нет, в зеркале не было уродца или обезображенного лица. Там была я. Но не шестидесяти пяти лет, а я лет шестнадцати.

Господи помилуй, что за фокусы тут?

Я зажмурилась, а потом снова посмотрела на себя. Изображение никуда не делось. Да чтоб меня. Вот откуда те округлые выпуклости.

— Это я, только в молодости, — произнесла наконец осипшим голосом, удивленно рассматривая себя — худую, без седины в волосах, бледную и с огромными кругами под глазами. Вот это видок, стыдоба.

Зеленый камень снова засветился.

— Видимо, за переход сюда магия забрала у вас возраст как оплату, — убирая зеркало, произнес следователь. — Значит, все же приходящая, — утвердительно кивнул он самому себе.

— Как такое возможно? Я что, не на Земле?

— Верно, — кивнул следователь. И зеленый камень снова засверкал.

— Вы не могли бы выключить эту мигающую лампочку, в глазах режет от такого света, — попросила я.

— Вы видите его сияние? — изумился он.

— Конечно, вижу. А вы что же, нет?

— Нет, — подняв брови, ответил Николас. Его видят только... Эм... Скажите, а Мария или Пахом проводили проверку на ваш магический потенциал?

— А кто это? Те люди? Никто на мне ничего не проводил. Я только в себя пришла. Хотя

не уверена, — тут же опешила я. А вдруг провели, пока я спала? И задала вполне резонный вопрос: — А как его проводят?

Но меня, видимо, уже не слышали, копаясь у себя в сумке и что-то бурча себе под нос.

— Господин хороший, скажите, пожалуйста, долго ли еще продлится этот допрос? А то я устала уже, — воззвала я к следователю.

— Сейчас, секундочку подождите.

Он наконец выудил из своей сумки прозрачный круглый гладкий камень размером с ладонь. Видимо, на моем лице отобразился испуг, так как Николас тут же заверил о его безопасном воздействии.

— Разрешите, пожалуйста, я сниму одеяло, его надо положить вам на грудь. Хотя, наверное, лучше это сделает Мария, — смущенно произнес он.

— Не думаю, что вы там увидите что-то для себя новенькое, поэтому можете сделать сами.

— Да? — удивился он. — Ну, если вас это не смутит...

Он еще какое-то время помялся, смотря на меня, потом немного отодвинул одеяло и положил камень мне между ключиц. Кашлянул. Поспешно отошел и убрал камни, которые лежали около меня, в карман пиджака.

Какое-то время ничего не происходило. Потом от камня пошло тепло. Оно распространилось по телу. Стало так приятно. Я даже расслабилась и прикрыла глаза. Не знаю, сколько я так лежала, но показалось, я задремала.

— Не может быть! — воскликнул мой следователь. — Такого не бывает.

Я открыла глаза, от камня на груди исходило разноцветное свечение. Как радуга. Красиво, но страшновато.

— Что происходит? — спросила я, начиная нервничать.

— Ты... ты... вы стихийник. Быть не может. Все стихии. Все присутствуют, — тараща глаза на камень, произнес, заикаясь, следователь. — Вот почему дракон нервничает. Водницу почувствовал. Четыреста лет, четыреста лет, не может быть.

— Ничего не поняла. Но не могли бы вы убрать с меня эту радугу? А то глаза слезятся уже.

— Да, да, конечно, — продолжая таращиться на меня, произнес он. Убрав камень, снова почесал висок.

— Чем мне грозит этот ваш стихийник?

Судя по его задумчивости и восторженности, ничем хорошим.

— Вы сейчас похожи на сумасшедшего ученого, который нашел диковинку для своего опыта. Вы меня пугаете!

— А? — оторвался следователь от раздумий и премило улыбнулся. — Нет, ничего страшного. Просто вы сокровище, как оказалось.

А мне показалось, что он совсем не следователь, а просто мальчишка, играющий роль серьезного мужчины.

— Я и предположить не мог, что такое когда-либо произойдет. За четыре столетия вы первый стихийник, появившийся у нас, да еще и с такими возможностями, — всплеснул он руками и уставился на меня влюбленными глазами. — Жаль, отец этого не видит.

«Только этого мне не хватало», — вздохнула я.

— До вас появлялись, но с даром к одной стихии, а тут все пять, и две побочных. — Он встал со стула и пошел по комнате. — А что, если это ошибка? Нет, нет, таких ошибок не

было еще. Ну а вдруг? Ведь и столько сразу тоже не было. А может, это дар за прошлые столетия, когда никто не появлялся?

Он взъерошил волосы и продолжил рассуждать, расхаживая по комнате.

«Да ему даже и собеседник не нужен, сам спрашивает, сам и отвечает».

— Хотя... — Следователь остановился у кровати, глядя на меня, почесал подбородок. — Если сообщить о вас в столицу, они отправят вас к архимагам, те проверят, но вот вернуться вы уже не сможете, оттуда назад никто не возвращается. Может, стоит немного подождать до вашего выздоровления? — Он потер нижнюю губу большим пальцем.

— А может, и вовсе им не будем сообщать обо мне? — испугалась я. — А то мало ли почему от них там не возвращаются. Вдруг они опыты смертельные ставят на таких, как я? Хочется пожить еще немного. Я ведь еще так молода.

— Вы не так меня поняли, — рассмеялся следователь. — Просто они забирают всех особенных к себе и развивают их дар, но дар этот впоследствии служит только королю и стране. Такие маги, как вы, очень редки, вы не можете жить среди людей. Вас могут захотеть использовать против короны. А там вас будут обучать, готовить как к мирной жизни, так и к военным действиям, но все в пределах территории архимагов.

— То есть как в армии? И что же, мне придется провести там всю жизнь? — возмутилась я. — Я и так отдала тут все свои годы, получила второй шанс, а меня закрыть хотят. Я не согласна, не надо сообщать обо мне кому-либо!

— Не нервничайте, пожалуйста, мне требуется немного все обдумать. А сейчас надо продолжить беседу, мне следует отправить данные о вас в столицу. Пожалуй, пересмотрю список вопросов. Мы же не хотим, чтобы они узнали о вас?

Я кивнула следователю, соглашаясь сохранить все в тайне.

— Обсудим, что надо говорить, а что нет, так нам легче будет отвести ненужное внимание.

Он снова достал синий и зеленый камни и положил около меня. Пара пассов руками — и камни, засветившись на секунду, потухли.

— Продолжим?

Я рассказала версию Пахома о нападении в лесу, которую слышала, думая, что это сон. Как меня нашла Маша и как я пришла в себя уже тут.

На все мои ответы загорался зеленый камень.

Когда рассказ завершился и следователь собрался уходить, я не удержалась и задала вопросы:

— Почему зеленый камень горит, а синий нет? Что теперь со мной будет? И не передадут ли из столицы информацию о попавшей из другого мира архимагам, для проверки?

— Хм. Зеленый камень при каждом ответе фиксирует правдивость сказанного вами, а синий просто записывает происходящее, это парные артефакты. Что касается остального... — Он на секунду задумался. — Мы нигде не указали, что вы из другого мира, думаю, все пройдет гладко. Дайте мне немного времени, поправляйтесь. Скоро я вас навещу. А пока я попрошу Пахома и Машу присмотреть за вами и рассказать о нашем мире. И не говорите никому о своей магии, скажите, что камень выявил слабый лекарский и ментальный потенциал. Я сам подберу вам литературу для обучения. А так как я водный маг, то и обучать вас начнем водной магии. — Посмеиваясь своим мыслям, Николас развернулся на выход. — Это ж надо, такой потенциал, брат с ума сойдет, когда узнает.

— Хорошо, — кивнула я в ответ, игнорируя его бурчание о брате. — Вы же не собираетесь сдать меня своим архимагам?

Этот вопрос меня волновал, пожалуй, больше всех остальных.

— Нет, не собираюсь. И нам придется все хорошенько продумать, чтобы про вас не прознали. Поэтому мне надо сейчас на работу, там я все обдумаю и вынесу решение. Отдыхайте и поправляйтесь. Вам необходимо сейчас думать о выздоровлении.

Он вышел за дверь, около которой уже топтались старики.

4. И снова здорова

Выздоровление мое не заставило себя долго ждать.

Уже на третий день после пробуждения, я шевелила руками и ногами. Сесть не получилось, открылась рана на животе. На что ухаживающая за мной Мария, седая старушка с серыми глазами, добрыми морщинками на лице и слегка пухлыми щечками, сильно меня отругала.

Даже смешно стало: меня, старую даму, отчитывает такая же. Хотя какая я теперь старая? Даже молодой не назвать, ребенок еще.

По лечению, предписанному мне этой доброй ворчливой женщиной, оказавшейся местным лекарем, я пролежала еще четыре дня.

В сознании я находилась уже неделю, а все никак не могла привыкнуть, что я не на Земле.

На седьмой день я смогла сама встать и наконец-то сходить нормально в туалет и искупаться. Ходить в магический пузырь я безумно стеснялась и терпела до последнего. За что снова получала от моего персонального лекаря.

Николас, как и обещал, приезжал, навещал, общался, привез книги по водной стихии, которую я не понимала, как смогу использовать.

Знаний прибавлялось, а практики не было.

Зато я узнала много интересного об этом мире.

На материке было пять правящих родов и шесть видов существ: эльфы, василиски, гномы, орки и драконы.

А правили они кем? Правильно! Людьюми, самыми слабыми существами на материке, а еще полукровками. Полукровок отдавали либо подкидывали в людские приюты при храмах белых дев.

За детьми-полукровками, которые были отданы правящими, наблюдали до совершеннолетия.

Если пробуждался дар, по уровню достаточный для правящего рода, ребенка отдавали на воспитание дальним ветками. Если же дара не имелось, ребенок был обречен на бедное существование и смерть.

Материк был огромен, раньше постоянно велись войны за земли, пока не появились драконы. Своей силой и мудростью они остановили кровопролития, разделив материк и поселившись в середине его, дабы удерживать народы от новых войн.

Эльфы и василиски получили обширные территории с лесами, оркам достались равнины и предгорья, а гномам — гористые земли.

Драконы же владели частью всех этих земель. Каждый народ смог ужиться с соседом и даже наладить торговлю.

Наша деревня, как и все земли нашего герцога, находилась на границе с эльфами и орками.

Народы василисков и эльфов — перфекционисты, так бы я их описала за постоянную усердную работу, направленную на укрепление мирного сосуществования с соседями.

Орки и гномы были вспыльчивы. С осторожностью принимали посторонних, но и сами никуда не лезли.

Орки старались оставаться на своей земле, производя прекраснейшие ювелирные

изделия из руд и камней, добытых гномами.

Людям же жилось при каждом народе по-разному, но самые счастливые жили на территориях эльфов и драконов. Поэтому на этих землях было множество как людей, так и полукровок.

Утро выдалось пасмурным, в комнате царил полумрак. Маша снова сидела за столом с кипой документов и тяжело вздыхала, перебирая их и что-то чиркая на бумаге.

— Ты чего там все читаешь? Письмо плохое? — приподнялась я на подушке, глядя на нее.

— Ась? — обернулась женщина, сгребая бумаги в кучу, будто ее застукали за кражей.

— Письмо плохое пришло, спрашиваю? Вздыхаешь очень тяжело.

— А-а-а, нет, это уведомление. Собственность за долги отобрать хотят, — помахала она бумагами в руке.

— А почему ты вогнала себя в долги-то?

За неделю Мария и Пахом, оказавшийся кладезем знаний, много рассказывали о мире, куда я попала. О законах и прочем, но ничего о себе.

Кроме того, что Пахом был старостой деревни, и у него имелось четыре сына в завидных женихах и жена Аля. А Маша — местный лекарь с маленьким потенциалом. Поэтому местный и дешевый.

Деревня наша стояла на пути между двух больших городов, принадлежащих герцогу Феликсу.

Герцог заботился о своих людях.

Молодым семьям либо строили новый дом, либо расширяли тот, где они уже проживали. И все на выделенные им деньги.

Налоги герцог брал мизерные, но в ответ требовал хорошей работы и не менее хорошей отдачи от этой работы.

Что можно сказать, молодец. О людях печется, значит, не все так плохо, как я на придумывала. Хотя почему с долгами не помогает? Придумал бы что-то и для стариков.

— Я и не вгоняла. Меня сынок мой вогнал, — печально вздохнула Маша.

— Посмотри, сколько бумаг на расходы и приходы по этой собственности приходится заполнять. — Она потрясла стопкой желтых листков. — Да и какие тут доходы? Расходы одни.

— А что за собственность-то? — уточнила я.

— Да как постоянный двор у края села. Близ дороги городской.

— А почему ты им занимаешься? Раз он твоего сына, пусть у него голова и болит, — хмурясь, пожала я плечами.

Сын за то время, что я тут, ни разу не приходил. Видимо, отношения у них плохие.

— Что ты, — махнула она рукой. — Помер он уже как год. Когда он выкупил трактир, думал разбогатеть, а получилось, наоборот. Деньги в казну не пересылал, отчетности не вел, зато гулял как богатей. А когда пришли с него спросить за долги, он пытался убежать, его заклинанием и разорвало, — дрожащим голосом ответила старушка и бесшумно разрыдалась, прижимая края платка к глазам.

— Боже мой, прости, прости меня, Маш. Я ж не знала, прости. — Я поднялась с постели и обняла женщину. — Все будет хорошо, слышишь, все наладится. Давай посмотрю твои бумажки, я у себя бухгалтером была, знаю, как вести такие документы. Если, конечно, у вас они не сильно отличаются. — Я погладила ее по плечам.

— Да как тут справиться? — обреченно произнесла она. — Тут сам лихой шею переломит. — Она откинула от себя пару листков и похлопала меня по руке, все еще обнимающей ее.

— Все же я посмотрю, если ты не против? Может, вместе разберемся. У нас говорят: одна голова хорошо, а две лучше.

Бумаги оказались простейшими. Приход, расход, остаток.

Были еще бумаги по налоговым сборам за землю, используемую Машей для трактира.

Хорошо хоть, на листках были проставлены даты, и я быстро все рассчитала, занося данные в книгу злосчастливого постоялого двора.

— А что это за оплаченная квитанция? — взяла я последний листок. — На нем написано «овчина невыделанная», это что, ее цена? Не могу разобрать, это покупка или продажа. И откуда овчина на постоялом дворе? — Я с недоумением взглянула на Машу.

— Это не оттуда. Прости, это моя бумага. Я отару остригла, вот продала овчину эльфам, а большую часть этих денег пошлю в казну в счет уплаты долга. Чуть позже еще две отары остричь надо, только я не успеваю. Стара стала. Раньше хоть сын помогал, а сейчас совсем некому, — снова всхлипнула она.

— Так, погоди, ты постоялым двором сейчас занимаешься и овец еще разводишь? — перевела я тему, дабы прекратить надвигающийся потоп.

— Да чем там заниматься. В упадке он. Две комнаты сдала за тот месяц, да и то за гроши, — снова махнула она рукой. — Обслуги там нету, кухня пуста, закрома тоже. Кормила постояльцев, что себе готовила, то и им. Так мимо все проезжают, — тяжело вздохнула женщина.

А у меня возникло желание взглянуть на этот постоялый двор в упадке. Любопытство кошку сгубило, скажете вы. А вдруг я там что дельное смогу предложить? Надо отрабатывать доброту.

Да и неудивительно, что постояльцев нет.

Если она кормила их тем, что и сама ела, то они скорее мимо проедут и сами приготовят на костре, все вкуснее.

— Может, нам прогуляться до твоего постоялого двора? — спросила я, зная, что сейчас опять услышу эмоциональные восклицания о моем лечении и необходимости покоя.

— Я ведь снова здорова, не так ли? — Я вопросительно подняла брови, глядя на старушку.

И она меня удивила.

Глянула на меня, на заполненную книгу в руках, секунду подумала о чем-то и поманила за собой.

Правда, перед выходом заставила одеться в платье из серого материала, похожего на лен. Еще дала накидку на плечи и лодочки на ноги.

PS: Земли василисков: равнины с небольшим количеством леса. Столица — Май-то.

Земли эльфов: Большое количество лесов. Столица — Аллиода.

Земли орков: Равнины с небольшим количеством леса и горных возвышенностей. Столица — Гарко

Земли гномов: Горные хребты и немного густой, лесной растительности. Столица — Риолит

Земли Воздушных драконов: соседствуют с василисками и эльфами. Столица — Поветра.

Земли Водных драконов: соседствуют с эльфами и орками. Столица — Грозный.
Земли огненных драконов: соседствуют с орками и гномами. Столица — Фого.
Земли земляных драконов: граничат с гномами и василисками. Столица — Уюта.

5. А мы как фениксы, из пепла

Выйдя на улицу, я ненадолго застыла. Село выглядело как-то не по-сельски, хотя вокруг был лес, а за ним поля и луга, даже река.

Дома практически все были сложены из бревен, с черепицей на крыше. Дорога была будто засыпана и утрамбована щебнем. Деревья кругом, зелень, красота. А самое главное — везде сновали люди. Будто тут базарная площадь. С лотками, кувшинами, тележками. Жизнь бурлила.

От резкого шума меня немного повело в сторону, голова закружилась.

— Дома шума слышно не было, даже когда окно было открыто, — озвучила я Маше.

— Так Николас перед отъездом купол от шума поставил. Чтобы тебя лишний раз не беспокоило ничего.

— Вон оно как. Молодец паренек. Заботливый.

— Да, как и брат его. Мы ими гордимся, — заулыбалась хозяйка.

— Смотрю, и домов новых много. А почему ваш граф не хочет помочь вам с трактором? Раз тот стоит на прибыльном месте, почему бы его не возродить? —

пропустив информацию про брата Николаса, спросила я Машу.

— Его призвали служить в столицу, а после смерти отца он нечасто тут бывает. Лет пять прошло уже с тех пор, как он последний раз приезжал, — ответила старушка, погрузнев.

— Молодые ребятки совсем одни остались. Сначала мать ушла, а следом от горя и отец.

— Странный герцог. Чтобы люди тут жили, строит им новые дома, а чтобы заработали, ничего не предпринимает.

— Отчего ж странный? У нас ведь есть руки и ноги, образование какое-никакое тоже имеется. Торговлей занимаемся. Кто на что выучился, тот тем ремеслом и занят, — пояснила она мне как неразумной. — Люди-то магией обделены практически, вот и приходится крутиться.

И я прикусила язык, а то мало ли, обижу ее чем, и сама не пойму. Лучше осмотрюсь.

Дом Маши ничем не выделялся из остальных. Построены были все однотипно. Отличались лишь оградками спереди или их отсутствием, ну и еще зеленью, растущей у домов.

По улице мы дошли прямо до края села. Сказать, что я была удивлена увиденным, это ничего не сказать.

Перед нами раскинулось огромное пространство с покосившимися деревянными постройками и зеленым цветущим садом, видимо фруктовым.

Высокий железный забор ранее выглядел чудесно, привлекая своей кованой красотой. Сейчас же он был кое-где истерзан ржавчиной, а где-то и вовсе отсутствовал.

И посреди всего этого, так сказать, великолепия стояло старое каменное двухэтажное здание.

Рамы рассохлись, на втором этаже кое-где выпали стекла. Местами стены поросли мхом, на крыше поехала черепица, оголяя доски под ней.

Табличка от времени покосилась, буквы облупились, но из того, что осталось, я прочла: «...сный глаз».

Вокруг стояла высокая сухая прошлогодняя трава и уже подрастающая молоденькая

зеленая.

— Батюшки, это и есть твой трактир? — воскликнула я, глядя на это чудо строительства. — А название какое, не пойму вообще? «Ясный глаз»? — попробовала угадать.

— Нет, милка, не «Ясный», а «Красный». Буковки отвалились, а поправить некому. Вот и висит как есть.

— Понятно, почему все стороной обходят: люди думают, что трактир заброшен и там никого нет. Хорошо хоть, дорожку к двери выкосили, — попеняла я хозяйке.

Состояние таверны было просто вопиюще плачевным.

Не пойму, как в ней еще кто-то мог остановиться. Может, полуслепой путник. Или забулдыга пьяный, но нормальный человек — никогда!

Ворот просто не было, калитка стояла, прислоненная к столбу, ограда, где она имелась, вся поросла плющом.

Внутри все выглядело не лучше: грязные доски пола; закопченные окна, будто тут постоянно и курили, и готовили прямо в зале и без вытяжки; столы со слоем пыли и пятнами непонятого происхождения; мебель, оставлявшая желать лучшего.

Но были и плюсы. Большая крепкая барная стойка. За ней шкаф с полками, грязными и с очередным слоем пыли. На полках расположились пустые бутылки. Рядом пара высоких стульев для посетителей и бочка, видимо с пивом. На этом плюсы пока закончились.

У стены, за шкафом, обнаружился проем, вел он в четыре небольшие комнатухи, двери в которые еле держались.

В конце коридора оказалась просторная кухня с выходом на двор.

— Это для обслуги, кому жить негде или ходить далеко, они тут жили, — пояснила Маша про комнаты.

Их убранство вообще вызывало шок.

Стол и стул, матрас на полу, подушка и что-то напоминающее шерстяной плед.

На второй этаж вела лестница, трухлявая на вид, со скрипучими ступеньками. Под ней обнаружился вход в подвал.

В подвале было сыро, холодно и темно, а главное — почти пусто. Еды не было.

— Чем же вы постояльцев-то кормили? Тут ведь ничего нет, — заканчивая осмотр, спросила я у старушки.

— Ну как же, вот себе похлебку сварила — и им несу. Так и жили, — пожалала она плечами, продолжая молча тенью ходить за мной.

— А комнаты для гостей только на втором этаже? — боясь подниматься по этой лестнице, решила уточнить я.

Интересно же, как выглядит номер для гостя. Если для прислуги всего лишь матрас на полу, может, тому хоть перина.

— Нет, конечно, — заворчала старушка. Видимо, ей надоел мой осмотр. — По другую сторону зала есть проход к другим комнатам. — И она махнула рукой в нужном направлении.

Вход оказался также рядом с барной стойкой, только чуть дальше середины общего зала. Комнат было по восемь с каждой стороны, с хорошими дверьми, обитыми листами железа.

— А это для чего? — трогая дверь, спросила я у хозяйки.

— Так первый же этаж. Рядом зал, часто драки, вдруг вышибут. Вот меры и приняли.

Правда, купили-то мы трактир уже с этими дверьми, — уточнила старушка.

— А-а-а, вот оно что. Я подумала, что для каких-то особых гостей, чтобы их не беспокоили и, не дай бог, не обокрали.

— Для таких гостей на втором этаже несколько комнат выделено. Но они за ненадобностью давно поросли пылью.

Обследовав пару комнат, я пришла к неутешительным выводам. Постельное белье старое и грязное, кровати деревянные, с перинами и такими же пледами, как у обслуги, полы такие же замусоленные, как и везде.

— У вас же есть магия, почему бы не навести тут порядок? — задала я вполне логичный вопрос.

— Вот ты интересная, а денег где взять на тех магов-то? Они за уборку три шкуры сдерут и не подавятся, — воскликнула Мария недовольно. — Я сама как могла прибрала две первые комнаты да основной стол, — это она про барную стойку, видимо, — а толку убирать? Постояльцев нет.

— Хм, да откуда ж им взяться, если таверна хуже конуры выглядит? — возмутилась я.

— А мне некогда тут шебаршить, мне хозяйство вести надо. Толку от этой развалины? Только последние деньги высасывает, — не менее возмущенно ответила старушка. — Еще лет семьдесят назад я бы, может, ее и попробовала восстановить, но сейчас ни сил, ни желания нет. Подумываю ее продать, чтобы долг с меня списался. А то, глядишь, и сама по миру пойду, — глубоко вздохнула она.

— Постой, я сейчас ослышалась? Сколько лет назад?

— Ну, лет шестьдесят или семьдесят. Эх, молодость.

Мои глаза попытались выскочить.

— А сколько тебе лет, Маш? Прости, если это бестактный вопрос, — уставилась я на нее.

— А чего ж бестактного, в возрасте нет ничего страшного. Мне двести пятьдесят семь годков уже. Жизнь к закату идет.

— Батюшки, — воскликнула я, прикрывая рот рукой. — Ты долгожитель?

— Отчего ж долгожитель? Нормальный возраст. Вот Пахом еще молодой, ему сто восемьдесят пять, а Николас совсем мальчишка, ему пятьдесят только исполнилось.

— Мать моя женщина, а мне тогда сколько? — удивленно воскликнула я.

— Ну, на вид ты совсем дитя еще. Хотя мышление у тебя на уровне взрослого человека. Возможно, тебе лет десять, может пятнадцать, а по уму лет на пятьдесят потянешь, — оценивающе осмотрела меня женщина.

— Да ты что?! Нет, я себя в зеркале видела и могу сказать, что мне лет шестнадцать. Но там, на Земле, мне было шестьдесят пять лет, и выглядела я примерно, как ты.

— Серьезно? — удивилась она. — Видимо, твой возраст тут пропорционален твоему уму там. Поэтому ты так выглядишь и ничего не забыла, — размышляла она.

— Ну да, все возможно, — почесала я лоб.

Еще немного осмотрев здание и прилегающую к нему территорию, я решила, что трактир можно возродить. Что и предложила с горящим взором Маше. Та мой энтузиазм не восприняла всерьез. Но согласилась остаться тут жить и попытаться мне помочь.

Первым делом мы отмыли окна и сняли со стен старые, все в паутине, гобелены.

Щетками смели пыль со стен и потолка, сдвинули столы. Время обеда подкралось незаметно. Хорошо, старушка оказалась предусмотрительной и заранее приготовила поесть.

Пока я отчищала бар, она сходила домой и принесла обед. После трапезы Маша снова ушла. Ей надо было хозяйство кормить и проверить.

Пока ее не было, я отдраила полы. Доски почти приняли свой первоначальный вид, даже посветлели. Оттерев еще несколько столов и лавок, поставила их поближе к бару. Удобнее будет обслуживать клиентов.

Села перевести дух. За окном уже стемнело. Тут вернулась Маша.

— Ого-о. Ты отлично поработала. Как же ты умудрилась так все отчистить? — выставляя на стол принесенный ужин, спросила меня хозяйка.

— Да вон теми щетками, что ты оставила, и водой, которую нашла в бочке на улице. — Я указала на предметы, ранее бывшие щетками. — Кстати, бочку можно поставить под слив от дождя, тогда для мытья пола всегда будет чистая вода.

— А что, в доме вода грязная? — удивилась она, прожевав картофелину.

— А тут где-то есть вода? — не менее удивленно спросила я.

— Конечно, на кухню выведена труба, а в пристройке есть несколько больших железных бочек, в них вода. По трубе она поступает в раковину. Там раньше обслуга посуду мыла, — будто дитю неразумному, объяснила Маша. — От печи вода нагревалась, и всегда теплая была, да и можно было быстрее натаскать в ванну гостю, а сейчас печь даже и не топится, — погрустнела снова старушка.

— Не расстраивайся, — похлопала я ее по плечу. — Все еще, возможно, вернется, главное — верить. Мы возродим твой трактир, или дом, как ты его там называешь, как феникса из пепла, — улыбнулась я.

Поужинав, мы все же отправились спать домой, решив приступить к дальнейшей уборке завтра. А по дороге решили попросить Пахома о помощи — покосить траву во дворе и перед трактиром.

6. Не тронь чужое тело, свое будет цело!

Утром Маша со мной не пошла. Ей требовалось остричь овец, в помощь ей напросилась пара местных молодых ребят за несколько монет.

Пахом с младшим сыном обкашивали трактир.

Я решила, что надо уборку начать с комнат.

Кому захочется спать в такой грязи?

В первой комнате сняла оставшиеся пару гобеленов, отмыла окно, отодвинула мебель сначала в один угол и оттерла половицы также до светлого состояния, перетащила мебель к выходу и все, что мне показалось грязным и страшным, отправила в коридор, сорвав с постели все тряпье.

Я попробовала призвать на мытье магию воды, но не тут-то было. Ведро с водой опрокинулось под ноги, и она просто растеклась, показывая свое отношение к моим потугам.

Дальше я продолжила пыхтеть вручную, орудуя оставшимися щетками и тряпками.

Отмыла всю мебель, насколько это представилось возможным. Благо мебели было мало: кровать, стол, пара стульев и ширма с железной бадьей в углу.

В том же углу обнаружилось подобие местной канализации: вся расплескавшаяся вода по наклонному полу стекала в дыру, а потом по трубе — на улицу во двор, что мне очень не понравилось.

Это ж какая вонища будет летом стоять, да и грязища. А если будет занято больше десяти комнат, вообще наступит потоп. Надо либо выводить трубу за пределы двора, либо делать яму, как у нас в деревнях, за неимением развитой канализации.

В комнате я сделала перестановку, перед окном поставила стол и стулья, а кровать задвинула в дальний угол. Надо будет придумать какие-то подушечки для стульев, а то некрасиво, да и твердо. А угол можно отгородить ширмой, чтобы немного разделить пространство комнаты.

Гобелены, которые мы сняли, пришлось выволочь на улицу. Они были хоть и грязными, но не ветхими и не рваными, еще могли послужить после стирки.

Я вытащила из комнаты большую бадью и, выбив один гобелен палкой, замочила его в воде. Пришлось даже печь в кухне растопить, вспомнилось детство в деревне.

Вода и правда быстро нагрелась, чему я несказанно обрадовалась.

Матрасы выволокла во двор и хорошенько выбила. Хорошо, день выдался жарким. Солнце припекало.

Вытащила еще несколько матрасов из других комнат и также их выбила.

Местные ребятишки с любопытством наблюдали за моими действиями.

А когда я стала топтаться в ванне по гобелену, расплескивая воду, они пришли в восторг и решили мне помочь. Отказывать в веселой для них игре я не стала. Мне помощь не помешает, и дети под присмотром.

Выволокла еще несколько таких ванн и покидала туда постельное белье. Горячую воду я развела до приемлемо теплой и добавила мыльный раствор, который нашелся тут же в прачечной. Ей оказалась одна из ближайших построек. Дети пришли в восторг от пены, которая взбилась от их топанья.

До обеда у нас уже было выстирано почти все постельное белье с первого этажа. А

также пара гобеленов и несколько пледов, которые имели более-менее нормальный вид.

На второй этаж я так и не решилась заглянуть. Потому что, когда я встала на первую ступеньку, она заскрипела и прогнулась, а вторая и вовсе обломилась. Я решила не искушать судьбу.

Ребяшня убежала по домам, а я развесила белье на найденные веревки возле прачечной. Гобелены раскинула на заборе, туда же отправились и пледы.

Достала из принесенной с утра корзины снедь, разложила на пороге и принялась уплетать, нежась под солнышком.

К приходу хозяйки я отмыла еще две комнаты для гостей и решила идти мыть комнаты для работников. «Одну из них заберу себе, — определилась я. — Негоже старушку лишать ее койко-места».

Когда я озвучила Маше свои предложения, она лишь покачала головой и поцокала языком. Мол, зря я занимаюсь этим.

Ни к чему это не приведет.

Однако мои усилия оказались не напрасны.

В этот же вечер у нас остановилась семья с двумя детьми, ехавшая из столицы. И купец лет сорока, везущий в столицу на продажу свои изделия из Песочни.

Мария быстро сбегала домой, принесла картошку, капусту, свеклу и забила двух куриц. Решила варить похлебку, так она называла борщ. На что я ее остановила и отправила заправить кровати нашим гостям.

Хорошо, хоть три комнаты были чистые, а постельное белье уже высохло и пахло свежестью.

Печь тоже еще не прогорела. Закинув туда пару поленьев, я разделала кур, одну пустила на борщ, а вторую запекла с картошкой и зеленью, которая тоже обнаружилась в местном подобии огорода.

Маша выращивала немного для себя. Хотя полоть, видимо, не умела, а может, и времени не было, там все заросло травой.

Семья на ужин вышла в зал, а вот мужчина попросил принести еду ему в комнату.

Посмотрев, как гости уплетали мой борщ, я обрадовалась.

Когда утром я им принесла молочную кашу и пирожки с повидлом к чаю — с последним повидлом, как ругалась на меня Маша, —

люди меня отблагодарили, оставив хорошие чаевые за мое доброе отношение.

Хозяйка была не сказать, чтобы удивлена, но ворчать перестала. Потому что доход с трех комнат у нас вышел как за пять.

Купец, который ехал в столицу, обещал на обратном пути остановиться снова у нас. «Так, глядишь, сарафанное радио заработает», — порадовалась я.

На следующий день выдраила оставшиеся пять комнат с одной стороны и вечером просто валилась с ног.

Дети снова пришли поиграть в пенную стирку, на этот раз их прибавилось.

Иногда появлялись обеспокоенные мамы — посмотреть, куда запропастились их чада, но, убеждаясь в безопасности, разрешали детям остаться.

За этот день мы выстирали все оставшееся белье и гобелены и даже успели несколько гобеленов повесить обратно в зале таверны.

За помощь со стиркой я напекла разных пирожков и булочек для ребят. И до вечера их энтузиазм не прогорел.

На вырученные деньги мы купили пару бутылей вина, дополнительно овощей, муку, сахар, пару новых пледов, а часть отложили для уплаты налогов.

Одну из комнат прислуги я все же забрала себе, перетащила туда кровать из дальней комнаты и постелила чистое белье. Прожаренные на солнце подушки и матрасы также пахли свежестью. Внутри домик стал преображаться.

Кухню мы мыли постепенно, потому что она была огромна, со множеством шкафов, полок и столов. Посуды было немерено, и вся в копоти и плесневелом жире. Два дня мы отдирали песком всю эту черноту. Отдраили почти до блеска.

— Не стыдно теперь и повара приглашать! — воскликнула Маша, увидев сверкающую чистотой посуду.

— Ага, только денег на оплату того повара у нас нет, — скептически ответила я.

На что она только развела руками, подтверждая мои слова.

— Есть тут кто, хозяева? — услышали мы голоса в зале.

Я скинула грязный фартук, обмыла руки и, пригладив выбившиеся из косы пряди, поспешила в зал.

У порога топтались двое мужчин в военной форме с висящими на боку мечами, у одного за спиной был арбалет, и у каждого огромные вещмешки за плечами.

С ними была женщина, которая стояла за их спинами. Под капюшоном я не рассмотрела ее лица, но то, что это женщина, сказали мне русые кудри, выглядывавшие из-под него.

— Чем могу быть полезна? — нацепив дежурную улыбку, пропела я.

— Две комнаты нам, девка, и побыстрее, — рявкнул на меня тот, что стоял с арбалетом.

А второй облизав меня похотливым взглядом, широко улыбнулся.

— Хорошо, уважаемые, — не показывая своего испуга, так же улыбаясь, ответила им. — Пройдемте за мной. — И я указала направление в сторону комнат.

Хорошо хоть, мы с Машей готовить уже начали, но плохо, что не рассчитали, на сколько человек придется готовить.

— Нам нужна комната с двумя кроватями, — снова повысил голос на меня арбалетчик.

Я даже немного опешила. А ведь и правда, если в комнате будет по несколько человек, так же и гостей можно больше заселить, и деньги брать не за комнату, а за койко-место в ней.

— Девка, ты чего застыла? — пихнул меня в бок этот хам.

— Я вам не девка! — зло сверкнула я на него глазами и выпалила прежде, чем подумала: — Я хозяйка тут. И если продолжите мне хамить, то идите ищите себе другое место для ночлега. — Я уперла руки в боки.

— Ах ты ж... — замахнулся он на меня, я в испуге отшатнулась.

— Марк, ты действительно перегибаешь, — произнес тихий мелодичный женский голос. — Извините нас, пожалуйста, мы очень долго были в пути, хочется наконец-то отдохнуть.

Я перевела взгляд на девушку, так и не снявшую полностью капюшон, но выступившую вперед из-за спины своего, видимо, охранника.

— Ничего страшного, мужчинам это свойственно, — махнула я рукой. Девушка улыбнулась. — У нас, к сожалению, нет комнат с парой кроватей. Но если ваши спутники помогут переместить одну из другой комнаты, то мы сможем удовлетворить ваше требование.

Девушка одобрительно кивнула. Ей я отдала первую комнату, куда она тут же юркнула,

оставив охранников со мной. Мужчинам показала седьмую комнату, они ловко подхватили кровать и выволокли ее в коридор, занесли во вторую комнату и поставили почти у двери. Я всего лишь пожала плечами. Их дело, как хотят, так и пусть спят. Потом переставлю, как мне нравится.

— Ужин будет через два часа, накроем в общем зале. Сейчас принесу воду для вашей спутницы. Если хотите, можете помочь мне принести воду и вам. Смоете дорожную пыль, — улыбнулась я и направилась на выход.

Но не успела даже за дверь выйти, как вскрикнула от боли, пронзившей мою пятую точку. Похотливый Марк, уже без арбалета, шлепнул меня, скалясь во все тридцать два зуба.

Он уже был полураздет и играл мышцами, пытаясь то ли смутить, то ли завлечь меня. И когда раздеться-то успел?

— Это последнее предупреждение о хамском поведении. Еще раз позвольте себе что-то подобное...

— То, что, что ты сделаешь? — грозно спросил арбалетчик.

Угрозой их не проймешь, я закусил губу. Они больше и сильнее.

— Я насыплю вам слабительный порошок в еду и буду наблюдать, как вы оба бегаєте в туалет, а то и вовсе там ночуете, — сложив руки в замок у талии и улыбаясь, ответила я этим хамам. Арбалетчик даже кашлянул, а второй громко сглотнул.

— Не тронь чужое тело, свое будет цело! — подняв палец, поучала я их. — Ну так что, мы с вами разобрались с поведением? Теперь я могу идти? Не хочу задерживать мытье вашей спутницы. — Я вопросительно посмотрела на мужчин. — А еще и ужин накрыть надо.

На кухне уже всю кипела картошка и куриные ножки. Маша все же закинула еще пару-тройку штук в кастрюлю. А за то время, что я была с гостями, она успела начистить новую порцию картошки и принесла зелень с огорода.

Из блюд быстрого приготовления на ум пришло только пюре с куриными ножками и легкий салат. Но мужики таким не наедятся. Им нужно мясо.

— Маш, а тот барашек, которого ты забила несколько дней назад, уже закончился? — вспомнила я о мясе.

— Нет, как же ему закончиться. В подвал спустила. А что, нести?

— Да, принеси какую-нибудь мясистую часть. Там мужчины, видимо вояки. Им мясо надо. Вряд ли они картошкой наедятся. Надо запечь мясо, — почесала я висок. И, взяв наполненное горячей водой ведро, понесла в комнату девушки.

Помогла ей сделать подходящую воду для купания. От дальнейшей помощи она отказалась и, поблагодарив, отпустила меня.

Еще несколько раз пришлось ходить за холодной и горячей водой с большими ведрами. Руки тянуло, спина ныла. Как же они тут справляются? Надо думать о подведении воды к комнатам. А то так и надорваться недолго.

Для себя мужчины все же сами забирали у меня ведра около бара, дабы я их не таскала. Ух, видимо, угроза подействовала.

Пока они купались, их спутница уже сидела в зале, читая книгу. Как выяснилось, она ехала домой из академии. Отец приставил сопровождение.

Девушка оказалась из знатного семейства, очень воспитанной, но общалась со мной на равных, не показывая, что перед ней букашка, простолюдинка.

Пока Мария распрягала лошадей, ставила под навес и давала овса и воды, я быстренько накрыла стол.

Выставила салат в большой миске, в такой же миске подала картошку, а в середину водрузила запеченного ягненка. Звать мужчин к ужину не пришлось, они на запах и сами выплыли к столу.

Я принесла кувшин пива для них и кувшин вина для девушки и удалилась за барную стойку. Подсчитывать, сколько можно содрать с них за такой ужин.

Решила, что плату все же следует брать при заселении за койко-место и посуточно. То есть за ночь или день. Если берут номер на несколько суток, то стоимость будет со скидкой.

Обсудила все эти задумки с хозяйкой, которая лишь качала головой. Мы пришли к согласию. Ну к какому согласию? Маша просто махнула рукой, давая добро на мои потуги.

После ужина я сразу же потребовала оплатить проживание, дабы избежать неловкостей с утра.

А то вдруг они ночью удерут и не заплатят? Кто их знает? Плата оказалась более чем щедрой, один золотой.

Сказать, что мы были в шоке, это ничего не сказать.

Попыталась вернуть им золотой, но девушка отказалась забирать.

— Вам нужнее, а нам оставшихся хватит.

Долг за трактир был сто золотых. Один золотой был равен ста серебряным монетам, а один серебряный — ста медным.

Медными, кстати, и платили эльфы Маше за шерсть, отчего я пришла в ужас. Они просто дурят бедную малограмотную старушку.

Утром я напекла сдобных булочек местной ребятне и десяток положила с собой в дорогу этим гостям. А то девчушку голодом заморят, худая сильно.

Распрощавшись с ними, решила начать приводить в нормальный вид таверну снаружи.

7. Ох чувствую и нафячу я

Снаружи здание выглядело куда хуже, чем внутри. Неухоженный плющ сухими клоками висел с обшарпанных стен и крыши, напоминая грязную рваную тряпку. Черепица на крыше съехала в нескольких местах, оголяя доски, покрытые уже мхом и кучей лишайники. Мох также расплзался и по стенам всего строения.

С чего бы начать? На крышу залезать самой опасно, а вот стены ободрать от мха можно, но нечем. Щетки жесткой нет.

Плющ оборву докуда достану. Надо все же склотить лестницу.

Под окнами надо будет разбить клумбу с низкорослыми многолетниками.

Рассматривая здание снаружи, я остановила взгляд на входной двери.

Добротная такая, обитая железом, а над ней покосившаяся вывеска с окончанием слов от бывшего названия. «Надо снять», — решительно настроилась я и пошла в трактир за стулом.

Стула оказалось мало, пришлось тащить второй.

В чулане у подвала нашлись какие-то инструменты, я выудила из них небольшой ломик и пошла снимать злосчастную надпись.

Взобралась на эту шаткую конструкцию, поддела ломиком один край вывески и немного дернула на себя. Ветхое от времени изделие поддалось даже легче, чем я предполагала.

Второй край, видимо, тоже держался на честном слове, потому как вся табличка стала заваливаться на меня.

Я попыталась уклониться, но шаткая конструкция под ногами подвела, и я кувыркнулась вниз. Пока летела, молилась, чтобы подо мной лежала перина и я не сломала себе ничего при падении.

Летела я долго. Хотя звук от уже упавших стульев стих, я все никак не падала.

— Ты что творишь? — услышала встревоженный голос Николаса от калитки и, открыв глаза, в шоке уставилась на облако подо мной.

— Мы же договорились, что ты не будешь практиковаться без меня, вдруг все выйдет из-под контроля. А если бы тут не я стоял, а кто-то из местных? Где Мария?

— В-в-внутри-ри, — еле выдавила я из себя.

Ник уже преодолел часть дорожки со скошенной травой. А я боялась даже дышать. Представила, как все же опускаюсь на землю, и мое облако пришло в движение, перевернуло меня ногами вниз и тихонько поплыло к земле.

Ник замер на месте, а я, как рыба, молча наблюдала и слушала набат своего сердца, которое вот-вот собиралось вырваться из груди.

У травы облако испарилось, и я на ослабевших ногах, не устояв, повалилась на землю.

— Боги всемогущие, да что это было? — снова отмер Ник.

— Я. Я там, — указала пальцем на вывеску. — А она сюда... А я тут... — выдохнув заплакала.

Я же убиться могла. О чем только думала?

Клеточки моего серого вещества лихорадочно трудились в голове, злясь на хозяйку и придумывая, какая она непутевая.

— Ну-ну, тихо, все хорошо, уже все закончилось, — обнял меня Николас, глядя по

голове.

— Ник, я не контролировала это. Это облако само появилось. Я просто испугалась, что могу умереть, и представила под собой перину. Я не думала, что такое может произойти.

От страха меня трясло, зубы стучали друг о друга. Слова вырывались с трудом, я еле разжимала челюсть.

— Ничего, все хорошо. Зато теперь мы точно знаем, как тебя следует учить. А раз первым открылся воздух, значит, следующая будет вода, и тут я тебя смогу подстраховать, — радостно сообщил дракон. — Я сегодня как раз освободил свой график, чтобы сходить с тобой в лес и потренироваться. Маловероятно, что там нас кто-то заметит, да и природа поможет восстановить баланс твоих сил.

— Да, д-д-да, давай, — отстучала я зубами ответ.

— Надо предупредить Марию, что мы отлучимся. А то подумает, что тебя снова украли. И как раз спросишь, что ей из леса принести, на обратном пути соберем.

— Х-хорош-шо.

Я попыталась пройти до порога, но от стресса, видимо, не могла добраться и до края ступенек.

Уперлась трясущейся рукой в ограду и сползла вниз. Ник посмеивался в сторонке.

— Ладно, я сам схожу. — Он подошел ко мне, поднял на руки как пушинку и отнес на крыльцо. — Мне как раз надо с ней переговорить. Посиди тут, приходи в себя, попей воды. Я быстро вернусь. Только постарайся снова никуда не влезть. — Страж порядка погрозил мне пальцем и ушел.

Потихоньку дрожь ушла, и я смогла нормально зайти внутрь.

Радовалась ли я тому, что у меня сам открылся первый дар? Да, очень! Но я боялась проявлять эмоции, потому что могло произойти еще что-то, что потом придется разгребать Николасу. И в связи с этим меня немного одолевал страх. Вдруг и правда кто заметит и донесет куда надо? Я только привыкать начала.

На Землю путь закрыт, для своих там я мертва, а тут все впереди. Благодарю за второй шанс. Со знаниями с Земли я смогу обосноваться и потихоньку жить здесь. Высовываться мне нельзя, но для своего удобства можно сделать многое. Хорошо, люди окружают надежные и добрые.

Ник вернулся с Марией, они помогли прибраться у порога. Мария принесла старую косу и точильный камень, чем несказанно меня порадовала. Надо будет кого-нибудь местного попросить все покосить в саду под фруктовыми деревьями.

— Так как первым открылся воздух, нам надо его укрепить. Сейчас идем в лес и тренируемся, потом отдыхаем и через день снова тренируемся.

— Хорошо, — кивнула я согласно. Руки уже чесались от нетерпения или все еще от нервов.

Ник что-то обсуждал с Машей, а я ерзала на месте. Начинала закипать. Скоро он там все обсудит, когда уже пойдём? Сверля его спину взглядом, злобно крикнула про себя: «Пойдем уже, потом поговорите». Ник замер, медленно повернулся и удивленно глянул на меня.

— Ты сейчас попыталась пробить мой ментальный щит?

— Кто? Я? Нет!

— Ты сейчас хлестнула по моему ментальному щиту, да так, что у меня в голове зазвенело. Никогда, слышишь, никогда не смей так делать! — зашипел дракон, зло сверля меня глазами.

Мария в шоке отошла от Ника подальше. Ничего себе, как быстро меняется его настроение. Я с непониманием смотрела на старушку и на злого Ника.

— Это опасная затея, неопытный маг не может использовать силу ментала на других, это запрещено. Ты можешь этим навредить!

— Ваше сиятельство, вы же сказали, у нее слабый дар. Как же она смогла так ударить, что даже я почувствовала? — лепетала в сторонке Мария.

— Да, видимо, я ошибся, — рыкнул Ник. — Совсем не слабый, раз она добралась до щита камней. Мария, думаю, разговор придется отложить.

Старушка закивала, соглашаясь.

А мне надоел этот спектакль двух актеров. Пусть нормально скажут, что случилось?

— Может, мне кто-нибудь что-нибудь объяснит? Или мы так и продолжим на меня орать? Я не могу дать ответ на ваши претензии, потому что не понимаю их сути, — возмутилась я.

И плевать на злого мужика. Я и не с такими жила. Опыт усмирения имеется.

— Нам надо идти. Я все объясню по дороге, — сверкнув глазами, глубоко вздохнул страж.

И, более ничего не говоря, отправился по направлению к лесу. Я же взяла корзину, которую вручила мне Мария для сбора какой-то особой травы, и ринулась за совсем не добрым уже Ником.

Не идет ему это хмурое лицо, ну вот ни капельки.

8. Непредвиденная находка

Спустя две недели после моего злого вторжения в голову Ника он стал прилетать чаще. Да-да, прилетать. Он же весь такой из себя дракон. Черный с темно-синими и зелеными выступами по спине.

Если смотреть со стороны, он и правда казался глубоким бурным водным потоком.

Он приносил книги и новые амулеты. Взамен сломанных мной при тренировках по менталке.

Ник даже принес мне пару записывающих камней. Если произойдет спонтанный выброс магии, он сможет посмотреть, при каких обстоятельствах это произошло. Дабы потом, видимо, подстроить подобные.

Разложил их в зале, в кухне, во дворе. Хотел мне в комнату засунуть, но я запротестовала.

— А вдруг я там голая танцевать буду, а ты потом глазеть будешь? Я против!

Ник краснел, кашлял, пытался возражать, но я не поддавалась. Комната осталась без его вмешательства.

Я читала, потом мы уходили в лес и отработывали прочитанный материал на практике.

Ник постоянно твердил, что, как только приедет его брат, мое обучение пойдет быстрее.

Но весна набирала обороты, а брата так никто и не увидел. Мария пользовалась нашими походами и постоянно вручала все больше и больше корзин для сбора трав и цветов на обратном пути.

Большинство этих трав уходили в город на продажу проезжающим торговцам, которые чаще стали останавливаться в нашем трактире после приведения его немного в божеский вид.

Маша радовалась, что так она подсоберет денег на закрытие долга.

Моя водная магия пока не дала о себе знать. Но благодаря Нику я потихоньку освоила воздух и немного ментальную магию. Хотя с последней не потренируешься особо. Нужен человек, а без разрешения и допуска самим применять менталку нельзя. Так что мы с Ником тренировались на его амулетах, которым не было ни конца ни краю.

И хотя всю защиту его артефактов я пробивала на ура, он продолжал усложнять задачу и привозил все новые и побольше.

Благодаря магии воздуха я могла слышать на пару километров вокруг. Это называлось «шепот листвы».

Ник говорил, пригодится, если пойду в лес одна, чтобы не наткнуться на дикое зверье.

Это требовало безумно тяжелых усилий, концентрации, спокойствия и многих других факторов, но пару раз я даже слышала топот подъезжающих к нашей деревне лошадей. И всегда оказывалась права, то были либо путники в трактире, либо односельчане.

Вот и сегодня с раннего утра моя сердобольная старушка вручила мне в руки две огромные корзины и отправила за солнечным цветком.

Где растет и как выглядит растение, я знала, поэтому спокойно пошла одна. Пока сезон этого цветка не закончился, Маша гоняла меня за ним через день. Сбор уходил на рынок почти сразу, со стопроцентной гарантией продажи.

И вот я в предвкушении очередной тренировки чуть ли не вприпрыжку поскакала в лес.

Без Ника мне было сложнее тренироваться, но я старалась. Вспоминая некоторые

заклинания, повторяла их снова и снова. Вскоре мои потуги увенчались успехом. Сила срывалась с пальцев, но не спешила подчиняться моим посылам.

Наоборот, то перемещаемая палка летела мне под ноги, и я об нее благополучно спотыкалась, то листья поднимались в воздух и неслись в лицо.

Но меня радовало, что у меня немного получалось делать все самой, без помощи Ника.

Так, воодушевленная своими успехами, я и добралась до полянки.

При виде ее мне стало безумно обидно. Не дождется моя старушка своих цветочков.

Полянка была почти уничтожена, вытоптана и растерзана. Будто тут шла борьба не на жизнь, а на смерть.

Я обреченно посмотрела на две корзины. Соберу хотя бы что есть.

Немного времени спустя я наполнила чуть больше половины корзины. Уже почти дошла до противоположного края поляны, там цветы были примяты, но не сломаны. Собрала и их. А примятая трава уходила в лес. На траве то тут, то там виднелись следы крови. Наверное, зверька ранили и хищник потащил добычу к себе.

И что вы думаете? Я вспомнила о том, чему учил Ник? Да ни в жизнь! Я, как и ужасиках, вместо логичного отступления пошла по кровавому следу. Любопытство кошку сгубило!

Через несколько метров примятая трава закончилась у огромного дуба. У корней лежала тушка животного с разорванным боком.

Видимо, оно отбилась от хищника и уползло домой, но раны оказались серьезными, животное не доползла.

Я подошла поближе и носком ботинка ткнула животное в бок, для надежности сразу отскочив подальше. Вдруг в предсмертной агонии кинется на меня?

Но оно лишь сдавленно пискнуло и слегка дернулось, не предприняв никаких попыток меня укусить или напасть. Это оказался заяц, но какой-то странноватый. Шерсть длинная и розовато-фиолетовая, лапы в цвет с мордой, серые, хотя от крови больше красные.

Лапки коротенькие, но мощные, с когтями на пальцах. А на голове торчали спиралевидные рожки.

Зайка тяжело, прерывисто дышал.

Увидев меня, он попытался двинуть лапами и поползти в сторону дуба, но так и не смог.

От дуба доносился писк.

Под корнями я обнаружила нору. Возможно, там малыши.

Не подумав об опасности, я сунула руку внутрь. Пальцы уперлись во что-то мягкое, вперемешку с травой и листьями. Видимо, гнездо.

Я вытянула его наружу и устала на кокон из сиреневого пуха, в котором копошились двенадцать малышей.

Сзади заяц издал цокающий звук. Наверное, мамка, потому что малыши заерзали сильнее.

Трогать зайчат я не стала, знала по земным кроликам, что нельзя этого делать.

Подвинула гнездо к зайчихе ближе и слегка опустила край. Она дернула ушами и снова зацокала.

Малыши перестали возиться. Видимо, мать прощалась с ними.

Пока они цокали и пищали, я думала: «Что мне с ними делать и как растить? У меня в этом нет опыта. Надеюсь, Мария не выкинет меня с ними из дома?» А еще хотелось бы, чтобы они были съедобны.

Я погладила зайчиху по окровавленному боку.

Она глянула на меня черным глазом, из которого катились слезы.

Незаметно для себя я тоже захлюпала носом.

Зайчиха засветилась розовым светом, который прокатился по моей руке и вернулся к ней, а потом от нее свечение перекинулось на гнездо.

Я даже испугаться не успела толком, как все прекратилось.

— Я позабочусь о них, — сказала я будто понимающему меня зверю и, всхлипывая, погладила ее еще раз.

Она глядела на меня. И почему я уверена, что она все поняла? Тело ее сдавило судорогой, и, пискнув последний раз, зайчиха закатила глаза, а прерывистое дыхание замерло.

Я положила ее в корзину, сверху положила гнездо, прикрыв парой листов папоротника, и отправилась домой. А то мало ли, на запах крови хищники припрутся.

Надеюсь, Маша не будет на меня сильно бурчать.

9. Юный Тимуровец

— О, наконец-то хоть кто-то явился.

У дверей трактира стоял мужчина, у прачечной был привязан уже распряженный конь.

— Где вас носит всех? Почему не на месте находитесь? — стал отчитывать меня незнакомец.

— И вам здравствуйте, — улыбнулась подружелюбнее я. — С утра никого не было, поэтому и прикрылись до обеда. Вы к нам на ночь?

Мужчина поубавил гнев, но все равно остался недоволен.

— Да, если у вас есть приемлемое место для ночлега. Мой кучер не нашел, куда поставить лошадь. Сена лошади дал, но надо бы еще и овса ведро да напоить.

— Не знаю, что для вас приемлемо, но тут не вы диктуете правила, а хозяйка этого заведения. Если не понравится, можете ехать до ближайшего города, это два часа по дороге.

Улыбаясь, я открыла дверь трактира и зашла внутрь. Мужчина не заставил себя долго ждать и живенько зашел следом.

Конечно, вид трактира внутри ему не понравился, о чем он тут же дал знать. В ответ я опять улыбнулась и повела его в комнату.

— Надеюсь, постель хотя бы чистая? — все продолжал возмущаться мужчина.

— Для вас самая чистая, — снова с улыбкой ответила я постояльцу.

— А вода горячая тут есть? С дороги хочется помыться и отдохнуть.

— Конечно, есть, вот тут в углу находятся все принадлежности для омовения.

— Ну так несите воду поскорее. Я не намерен ждать. Хозяину скажите овса лошади дать да в стойло поставить. И слугу моего ко мне пришлите! — командным тоном приказал мужчина и отвернулся к своему саквою.

— Хорошо. Располагайтесь. — И я быстренько сбежала из его комнаты.

Ну и противный же тип к нам заехал.

Дошла до комнаты и устроила своих новых подопечных. Стена теплая от печи, не замерзнут. Им бы надо молока. Или травы? У Марии спрошу потом.

Цветы я спустила в подвал, там в стазисе постоят, не завянут.

Заглянула на кухню. Печь Мария, видимо, топила уже давно, так как еда готовилась уже к подаче на стол. Наверное, Маша чувствовала, что кто-нибудь да заедет.

Вот предусмотрительная какая старушка у меня.

Я поставила корзину с зайчихой на стол и отправилась на поиски моей хозяйюшки.

— Складывай туда. Ровнее клади. Ой, дурень, кто тебя так учил? Вот как надо, — орал какой-то мужик на улице.

А на кого орет-то? И что они там складывают?

Я выглянула из-за угла. Во дворе стоял мужчина, судя по одежке, это и есть слуга того заселившегося. А рядом обнаружили мою старушка и парнишка лет пятнадцати.

На него-то и орал мужик. А складывали они кирпич, валявшийся горой. Вот его они и переносили от дверей сарая к стене трактира.

— А что это вы тут делаете, уважаемые? — с интересом вклинилась в их работу я.

— Тебе, девка, чего надо? — вдруг перекинулся на меня мужчина.

— Иди лучше хозяина моего разместить в комнату да воды натаскай горячей. С дороги ему надо помыться.

— А ты чего это тут раскомандовался? — возмутилась я. — Хозяин твой давно в комнате, ждет, когда ты прибежишь. Иди делай свое дело, нечего тут другим указывать.

Мужчина поперхнулся и побежал в трактир.

— Первая комната от зала, — крикнула я ему в спину и обратилась к парнишке, который так и остался стоять рядом с удивленной старушкой:

— Ну, а ты чего стоишь? Беги к хозяину, а то заругает еще.

— Он не мой хозяин. Я тут лечение прохожу у бабы Маши, — надув щеки, проговорил паренек.

— Мы пытались вход в конюшню открыть. Негоже коня на улице держать. Кто-то шибко умный прямо к двери кучу кирпичей свалил, — показала бабушка на камни, валявшиеся у входа.

— У нас и конюшня есть? — удивилась я. — И чего я еще не знаю об этом месте?

— Так обычно она без надобности, — развела Мария руками.

— Коней-то мы на луг отводим за сад либо под навес. А этому надо, чтобы конь в стойле стоял. Боится, украдут, что ли, его? — повозмущалась старушка.

— А ко мне тут Пахом из приюта привез Тимурку. Я его подлечила. Завтра Пахом назад поедет, так и его заберет.

— А я подумала, он с тем гостем приехал. Ну, нет так нет, — подмигнула я парню.

— Пойду посмотрю, готова ли еда, да наносу воды этому охламону. А то своими придирами доведет меня, выкину к едрене фене, пусть на улице ночует.

Набрав пару ведер горячей воды, понесла в комнату. Постучалась, зашла, получив разрешение. Вылила воду в ушат и озвучила меню на обед и ужин, цену за проживание и еду. Господин хороший больше не кричал, видимо, слуга что-то сделал правильно, и мужик расслабился.

«Надеюсь, они тут не пошлостями занимались», — усмехнулась я про себя. Получила заказ на двоих в обед и поторапливание с ванной для барина.

Мария помогла с водой для мытья. Потом мы вместе собрали на два подноса еду и отнесли в комнату.

Все это время я не видела парнишку.

— Где ваш больной?

— Какой больной? — задумавшись о своем, спросила старушка.

— Ну, парнишка, что кирпичи таскал.

— А, ты про Тимку? Он кирпичи перенесет и коня в стойло поставит. Приберется только там сначала. Не переживай, овса я у Пахома взяла мешок. Хватит пока.

— Да? Ну хорошо, — вздохнула я, думая, как с помощью воздушной магии я бы могла потренироваться и переместить те кирпичи. Хотя лучше не рисковать, а то полетят еще в лицо, как листья.

— Ты не подумай дурного, — вдруг перебила мои мысли Мария.

— Он хоть и молод, но очень умный парнишка. Рукастый. Не повезло ему просто.

— Да я и не думала о плохом, — пожалала я плечами.

— А почему не повезло-то ему?

— Ну так как же, сирота он. К осени их выпроводят из приюта на улицу. Вырос уже, не может там больше находиться. А идти некуда. Жалко их очень. Да всем не помочь.

— Эх. Жалко — не то слово, — повздыхали мы с моей бабулечкой.

Я вспомнила про зайчиху в корзине и показала Марии.

У нее разве что из глаз искры счастья не посыпались.

— Это же зорк, дикий. Как же ты его поймала? — засуетилась она.

— Я не ловила. Там на поляне подрались звери, и этот на последнем издыхании был, я и забрала, думала, съедим, если он съедобен.

— Съедобен, конечно, но их больше для господ подают. С ловлей зорков только лучшие охотники могут справиться. Погоди, а цветы-то собрала? — отложив свежевание зорка, вперилась в меня старушка.

— Я собрала все, что были пригодны, остальные смешаны с землей, там и цветов-то особо не было. Корзина в подвале.

— Эх, — вздохнула Мария. — А какие планы у меня на эту полянку были. Жаль. Ну да ладно. Сейчас зорка разделаю, с него на два золотых как минимум наберем. Рога-то вон какие большие, да и шерсть длинная. Видать, старенький был. Повезло, что при смерти. Взрослые зорки на людей нападают, особенно если гнездо рядом. С ними очень сложно справиться. Даже охотники не все с ними могут сладить, — поучала меня старушка.

А я вспомнила и про гнездо в комнате.

— А чем зорки кормят малышей?

Мария даже замерла. Медленно подняла на меня глаза, прищурилась.

— А скажи-ка, милка моя, ты, случайно, не притащила домой и гнездо с зорчатами?

— Ой, ну ладно, притащила. Что теперь? Она перед смертью так плакала и с ними прощалась, что пришлось пообещать о них позаботиться. Она сверкнула розовым цветом и умерла. Я сначала испугалась, но гнездо не кинула, пришлось и ее забрать, и их. В комнате у меня лежат.

— Розовым, говоришь? Молодец зверь. Передала опеку над ними тебе. Теперь они будут думать, что ты их мамка, не помрут. Как повезло-то нам. Сколько там малышей?

— Вроде с десятков.

— Да ты что? — снова счастливо засияла старушка.

— Ты представляешь, сколько мы в будущем сможем на них заработать?

Она закончила разделывать тушку, уложила в коробку и пошла в подвал, напевая себе под нос что-то радостное. Чуть ли не пританцовывая.

— Надо поесть, — крикнула я ей в спину. — Иди зови своего больного на обед. А то задаром трудится.

Вскоре они вдвоем вошли на кухню и принялись намыывать руки. Мария все бурчала, что некоторые личности не дают спокойно поесть без предварительных обрядов с водой. На что тут же сама отвечала: «Да-да, знаю, дабы избежать в дальнейшем проблем со здоровьем, лучше сейчас себя обезопасить, как будто этого в академии не преподают». Так под ее бурчание мы и сели за стол.

Тим поначалу побаивался что-то брать. Пришлось наложить на большое блюдо всего, и побольше, чтобы он, не стесняясь, мог нормально поесть.

Гость и его слуга до вечера нас не беспокоили и сами не появлялись. Нам и легче.

Тим переложил все кирпичи в стопку к стене, вычистил четыре стойла, что были в конюшне, отправил лошадь в одно из них, настелив соломы.

Принес сена и овса, и конь постояльца, довольно пофыркивая, принялся жевать.

— Где ж ты всему научился? И распряг, и убрал. Вроде малец, а уже молодец, — усмехнулась рифме я.

— Мы с детства бегаем помогаем по городу. То к знатным, то в такие дома, как ваш.

Везде понемногу и научился.

— Вот молодец, — похвалила я тут же засмущавшегося парня.

К вечеру, когда дела были закончены, мы уселись за барным столом и слушали рассказы Тима о жизни в приюте.

Я знала, что там не так все хорошо, но не предполагала насколько.

Оказалось, директриса содержит приют на деньги, которые ей платит храм из пожертвований. Больше просто не дают.

«Ага, конечно, не дают, — возмущалась про себя я. — Дают там все. Просто не доходит до вас, у кого-то в сумке тесной застревают. Надо бы Николаса подключить, пусть разбирается».

Дети по достижении пятнадцати лет считаются уже самостоятельными и просто вышвыриваются на улицу.

На обучение в каких-либо заведениях у них нет денег, вот и бродяжничают то тут, то там.

В самом приюте деток немного, периодически подбрасывают полукровок, а так служительницы из храмов, белые девы, привозят в приюты детей, которых люди отдают на служение.

Однако обратно в храмы на служение берутся только девочки и только если они сами того захотят, повзрослев.

Так и получается, что девочкам после выпуска остается либо побираться, либо в храм, под обет безбрачия и вечных молитв.

«Странные, конечно, тут законы, но не мне их судить», — подумала я, уже засыпая.

10. Беда не одна, но и добра не два!

Так как моя ментальная магия оказалась сильнее, чем предполагал Николас, нам пришлось перелопатить кучу книг, чтобы немного подчинить дар и научить меня пользоваться им в нужных порциях и в нужных местах, дабы не сдать себя.

Мария посоветовала съездить в городскую библиотеку и там еще посмотреть книги о ментальном даре.

И хотя Ник был категорически против, мне было невтерпеж. Я хотела развивать дар, хотела им помогать или защищать, тут уж как получится. Ник научил несколькими трюками и фокусам, но этого было мало.

Утром, когда Пахом ждал выздоровевшего Тима, чтобы отвезти его в приют, я напросилась с ними.

Постоялец был один, Мария справится.

Ехать в телеге предстояло около двух часов, пейзаж, хоть и менялся с необыкновенно красивых деревьев на не менее красивые цветочные луга, все же надоел, и под мерное качание я задремала.

Проснувшись от громкого возгласа старосты. Он соскочил с телеги и кричал в спину Тима, убегающего в какой-то закоулок.

— Что случилось, Пахом? — спросила я, зевая, у старика.

Он нервно махал руками и кричал вслед уже исчезнувшему Тиму.

— А? Дочка, разбудил? Прости, — почесав затылок, извинился Пахом, жестикулируя, как заведенный. — Оно вот как получилось. Едем, значит, все хорошо, подъехали к городу, а тут у первых домов трое ребяток потащили еще одного в закоулок. А этот как увидал, так на ходу и сиганул. Как только не расшибся, — поведал старик, топчась на месте и глядя в сторону, где исчез Тим. — И вот куда он побег, глупый? Зашибут ведь. Э-эх...

— А куда поволокли-то парня? — потянулась я, слезая с телеги.

— Дак вон же, за плетеный забор.

— Ясненько. Ты вот что, постой-ка тут, а я сейчас посмотрю, что там, — попросила старосту.

— Куда? Туда пойдешь? Нет! Даже не думай. Машка три шкуры с меня спустит, если с тобой что случится, — снова замахал руками староста, только уже на меня.

— Ты, Пахом, не думай о плохом. — Я стукнула его по плечу. — Я аккуратно из-за угла понаблюдаю, оценю ситуацию, может, там и помощь не нужна будет. Но на случай преследования будь готов гнать лошадь побыстрее.

Пока говорила, сосредоточила магию в руках. Попрактикуюсь немного в драке, если что. Вытянула два воздушных щупа. Вреда много не нанесут, но задержат точно.

Пока старичок пытался подыскать вразумительные доводы, чтобы я туда не шла, я уже направилась к плетню. Тихонько подкралась к углу ограды и выглянула. Что за дурак так строит дома?

Два дома, между ними проулок, и одна сторона проулка обязательно перекрыта стеной. Для чего? Чтобы не было сквозного прохода на соседнюю улицу? Ладно, не мне архитекторов ругать.

У начала забора лежал без сознания Тим.

Хорошо хоть, дышал. Грудная клетка мерно поднималась и опускалась. Значит, просто

оглушили.

В глубине закоулка стояли четверо. Ну как стояли, двое держали третьего, а четвертый лупил задержанного почему зря. С кучей брани и мерзким смехом.

Раз Тимурку они сшибли очень быстро, значит, выскочить не вариант, трое меня быстро отлупляют.

Я завернула в проулок и слегка присела у куста. Сосредоточилась на макушке того, который бил, и послала ему в затылок воздушный кирпич.

Парень вскрикнул и тут же кулем повалился на землю. Двое дружков кинулись было к нему, но я выпустила щупы и спеленала обоих, развернув лицом к стене. А то увидят меня, и потом проблем не только я огребу. Ника подставлять совсем не хотелось.

Парень в углу сполз по стене. Хотя он и выглядел крепким, приложили они его, видимо, сильно.

Со злости послала к двоим воздушный поток в форме стены, представила, как их расплющивает меж двух стен. Видимо, хорошо представила — у отключившихся парней пошла носом кровь. Я подошла ближе, проверила — дышат. Оклемаются, значит, вопрос времени.

Парнишка у стены с ужасом смотрел на меня и на валявшихся у ног нападавших.

— Три ноль, — усмехнулась я ему.

Он вжался в стену.

— Ты чего? Я помочь пришла. — Я направилась к парню, но он выставил перед собой руки и что-то говорил. Сквозь разбитые губы было совсем непонятно.

На всякий случай я остановилась. Вдруг от страха пульнет заклинанием каким.

— Эй, успокойся, я помочь пришла, — повторила парнишке, поднимая руки. — Ты как? Идти сможешь?

Тот застыл, с недоверием уставился на меня. Слегка кивнул, но бдительность не ослабил. Тяжело поднялся и сделал пару шагов в мою сторону. Покачнулся. Я подумала, что упадет. К нему подскочить страшно, испугаю. Послала ему воздушную поддержку. Парень остановился и снова уставился на меня.

— Ты чего пугаешься? Я помогаю, вдруг упал бы. Пошли скорее, надо Тима в телегу положить. Там нас у дороги ждут, а то вдруг эти очнутся, — кивнула я на парней и посеменила к Тимке.

Дышит, видимых повреждений нет, будем надеяться, что он просто сознание потерял.

Парнишка вышел к нам на свет. Я слегка испугалась и отшатнулась.

— Орк?! — скорее констатировала, нежели спросила я.

Парень тоже отшатнулся и насторожился.

Кожа у него была местами серой, как и глаза. Почему местами? Да потому, что местами она была синей от побоев, местами красной от крови. Нос картошкой, нижняя челюсть мощнее человеческой, и из-под верхней губы торчат небольшие клыки.

Лицо ему разбили ему знатно. Хотя телосложением он был достаточно крупным, по глазам было понятно — совсем еще юнец.

— Извини, я впервые вижу орка. Прости, если обидела, — ступевалась я, выставив руки вперед в примирительном жесте. Парень расслабился и опустил плечи.

— Не стой, помоги поднять Тимку и давай отсюда удирать. На второй заход борьбы с ними, думаю, меня не хватит, — кивнула в сторону валявшихся.

Парнишка не заставил больше себя ждать. Быстренько поднял Тимура на плечо и,

пошатываясь, пошел чуть сзади, не выпуская меня из виду.

Когда мы появились на улице, Пахом кинулся к нам.

— Живы! Что там случилось? Я уже хотел ехать до ворот за стражниками.

— Все хорошо, не переживай. Мы втроем их обездвжили, но не надолго. Нам лучше поскорее отсюда убраться, — поторопила я старичка.

— Да, да, — затараторил староста и залез в телегу.

Парнишка уложил Тима сзади и присел рядом с ним. Я устроилась с другой стороны телеги.

От Пахома исходили волны страха и переживаний, а от парня — страха и недоверия. Надо срочно это менять.

— Тебя как звать? — обратилась я к нему, чуть тронув за рукав разорванной рубахи. Парень вздрогнул и убрал руку. Глянув исподлобья, пробасил:

— Рома.

— А я Лилия, — улыбнулась я дружелюбно. Немного наклонилась к нему и тихонечко попросила: — Ром, а можешь никому не говорить о том, что ты там увидел? Не хотелось бы мне проблем нажи...

— Ничего не видел, — грубовато прервал парнишка, перебив мою тираду, приготовленную, чтобы убедить его молчать.

«Фух...» — выдохнула я.

— Спасибо огромное. И ты это, Тиму тоже не говори. Об этом никто не знает. Ну теперь ты, конечно, зна...

— Ничего не знаю. Тиму найду что сказать, — снова перебил меня Ромка. Какой понятливый паренек, однако.

По дороге до приюта остановились у старого колодца, смыли грязь и кровь с лица парня, а то директриса упала бы в обморок, по словам Пахома. Очень переживает за детей. Своих нет, так эти для нее как родные.

Рома побрызгал на Тимура водой, и тот пришел в себя. И хотя он порывался отомстить обидчикам, Ромка его успокоил, и остаток пути мы проехали спокойно, без приключений.

Через какое-то время Пахом остановил у старого особняка. И если я жаловалась, что мой трактир выглядел развалюхой, то это унылое зрелище вызывало слезы.

— Спасибо, — пробасил Рома, прежде чем скрыться за калиткой.

— Пожалуйста, — ответила я уже в пустоту, так и не узнав, почему на парня напали.

Распрощавшись с Тимуром, я забралась в телегу, и Пахом повез меня в библиотеку, у которой пообещал потом забрать, когда закончит свои дела.

Книг нашлось не много, так как дар редкий и все, кто им владеет, на счету у короны. Но мне удалось найти кое-что о том, как его контролировать и развивать. Я попросила у бабулечки божьего одуванчика пару книг домой, но та не особо хотела прощаться с учебниками.

— Зачем вам книги про этот дар? У вас он открылся? Так надо сразу встать на учет, вас там всему и научат, — бурчала библиотекарша.

— Нет, дара у меня нет, я просто для ознакомления. Чтобы знать, чего ожидать в будущем, если вдруг столкнусь, — соврала я, а старушка сдалась. Довод весомый, видимо, оказался.

У библиотеки уже ждал Пахом. Время близилось к обеду, я даже не заметила, как оно пролетело.

На небе ползли темные тучки, наверное, к дождю.

— Лиля, мы забыли гостинцы отдать от Машки. Надо бы опять захватить в приют, — мял шапку в руках староста, поглядывая на небо. Видимо, его тоже беспокоили тучи.

— Раз надо, значит, поехали. А то попадет нам от нее. Не будем расстраивать детишек.

11. Сирота сироте рознь!

Весь вид старого особняка просто кричал о ветхости, крыша была вся в дырах, стены в щелях. На втором этаже окна все заколочены досками. Лепнина, которая когда-то украшала здание, местами отвалилась, а местами покрылась мхом и трещинами. Из огромных парадных дверей была вырезана часть для маленькой дверцы, остальное тоже заколочено.

Странный все же брат у Ника. Всем помогает, кроме сирот. Неужели нельзя им построить хотя бы деревянный барак и разделить на жилую и хозяйственную части, чтобы выглядело это все получше?

Любопытно было заглянуть внутрь этого приюта.

Желание мое быстро исполнилось, так как Пахом, сняв с телеги корзину, пошел к дверям, где уже ждала женщина в длинном коричневом платье, с шалью на плечах, на вид лет сорока пяти. Хотя кто их тут поймет с их возрастом? Может, ей уже за сотню.

Я семенила рядом с Пахомом, стараясь не отстать и выглядеть доброжелательно.

— Добро пожаловать в наш приют, леди. Меня зовут Антонина, я управляющая приютом. Прошу простить, нас не уведомили о вашем визите, поэтому мы не сможем встретить вас должным образом, — склонила женщина голову в легком поклоне.

Ее некогда каштановые волосы посеребрила седина. Чтобы ни один локон не выбился, вся копна была туго стянута в пучок. Тонкие губы плотно сжаты, глаза цепко осматривают гостей с вопросом — для чего прибыли?

— Кто «леди»? — Я даже обернулась на всякий случай, вдруг путь кому загородила.

Облегченно выдохнула. Сзади никого. А то мало ли этих леди тут на каждом углу, и не разберешь.

Пахом, посмеиваясь в кулак, кашлянул. А-а, видимо, я для нее леди?! Улыбнувшись, я быстро прояснила ситуацию:

— Нет-нет, что вы, я не леди. Я дальняя родственница нашей травницы Марии. Меня зовут Лилия. Мы утром привезли Тимура и Рому, а гостинцы передать забыли. Вот исправляемся. — Я указала на корзину у Пахома в руках. — Простите, что потревожили. Мне было очень любопытно посмотреть, где живут ребята, вот и напросилась с нашим старостой.

За спиной женщины мы услышали скрип открывшейся двери и перешептывания. Обернулись на шум. Из-за двери выглядывали трое детишек. Два парнишки лет десяти с ярко-рыжими волосенками и веснушками на щечках — наверное, близнецы — и девчушка с густой копной медных волос. Скорее всего, сестричка. Мальчишки пытались загородить девочку спинами и шикали, чтобы не шумела, но ее любопытный носик то и дело высовывался посмотреть на гостей.

Одеты они были простенько. Девчушка — в льняное платье, имевшее когда-то красный цвет, а ныне — выцветший светло-розовый, а парнишки — в голубые длинные рубахи и коричневые портки, не раз штопанные и с заплатками на коленях.

Тем не менее дети были чистыми, а одежда выглядела опрятной.

— Привет, — помахала я им рукой, на что ребяташки нахмурились и быстренько прикрыли дверь.

Покашливание женщины привлекло наше внимание. Она улыбалась. Надо же, как меняется лицо человека от искренней радости.

— Извините их, они еще маленькие, любопытные. Прошу, проходите внутрь. Мы рады гостям. Дети любят общение. Старшие все сейчас еще на подработке в городе, а малышкой пока не отпускаю. Рано им.

— Это да, — вдруг подал голос Пахом. — Нечего им еще работу взрослых выполнять. Пусть играют да учатся.

Нас провели по огромному холлу с двумя лестницами наверх. Но они были загорожены досками, видимо, чтобы малыши туда не бегали шалить.

— Как дела у нашей Марии? Как ее здоровье? Давно она не приезжала. Детишки скучают без нее, — обратилась Антонина к Пахому.

— А как дела? Да потихоньку. Вот племяшка осталась сиротой, к ней перебралась. Теперь в помощь будет. Тоже лекарский дар небольшой имеет, так Мария обучает ее.

— О, сочувствую вашей утрате. Хорошо хоть, есть родственники, которые могут позаботиться, — грустно сказала женщина. — Я рада, что вы перебрались к нам. Помощь лишней не бывает. А Марию мы бережем. Много помогает моим ребятишкам. Молимся за нее постоянно.

— Как только Маша научит меня лечению, я тоже буду помогать, чтобы ей полегче было, — заверила я управляющую.

Мы прошли в следующее помещение, там резвились дети разных возрастов. Девочки играли с соломенными и тряпичными куклами, укладывая их в деревянные люльки, а мальчишки сражались на мечях, сидя на коняшках из палок.

Но как только мы зашли, они сразу смолкли и чуть ли не выстроились в шеренгу.

— Можете продолжать играть, это гостя ко мне, — махнула управляющая рукой детям и повела нас к двери в углу комнаты. — Там у нас находится кухня, — указала она в противоположную сторону. — А рядом пришлось сделать общую спальню. В стужу холодно, а от печи хорошо прогревается комната для игр и теперь вот спальня. Весь дом не протопить, слишком ветхий, все выдувает. Укрепили там, где нам нужно, подлатали все своими силами, да и то хорошо.

— А что, вам на ремонт из казны деньги не выделяются? Прошу прощения за любопытство.

— Сироты не относятся к казне. У нас идут поступления от храма белых дев. Но их не так много, как нужно этим детям. Впоследствии за помощь храм может забрать выпускниц девушек к себе на постриг, если те пожелают. В основном так и происходит. Потому что без магии и без образования податься детям особо некуда. Бывают, конечно, те, кто понемногу набирается мастерства во время подработок. Их потом забирают в подмастерья в город, но таких деток совсем крупницы. Остальным приходится очень тяжело. В этом выпуске у нас не так много детей, но и их устроить сложно. Две из трех девочек пойдут в монастырь, если не успеют найти работу к лету. А ребята даже не знаю, таких, как они, не любят тут.

Рассказывая это, управляющая провела нас в кабинет, заставленный вдоль стен шкафами с книгами, парой столов с писчими принадлежностями у окна и лавками. А у двери стоял небольшой старенький диванчик и стол с таким же старым креслом.

Нам указали на диван, женщина прошла за стол. Мое любопытство от нее не ускользнуло.

— За этими столами я учу деток писать, читать и считать. В общем, все, что я могу им дать, стараюсь давать.

— А во сколько лет вы с ними начинаете заниматься?

— Начинаем примерно за три-четыре года до выпуска. Чтобы они освоили письмо, чтение и счет, времени много не надо. Главное, чтобы могли прочесть бумаги для найма на работу и поставить свое имя в документах. И посчитать оплату, чтобы их не обманули за труд.

— А почему они не идут учиться в обычную школу в городе?

— К сожалению, на школу и на последующее образование нужны средства, в которых мы ограничены.

— Батюшки святы, ваша власть таким образом сама создает нищую прослойку населения. Это ведь опасно. И выльется в итоге в какие-нибудь бунты или, не дай всевышний, в возникновение подпольных бандитских группировок. Почему же ваш так всеми любимый пресветлый граф никак не влияет на это? Ведь в его землях будут твориться бесчинства.

— Лилия, не в наших силах повлиять на общество или на власть имущих, — одернул меня Пахом.

— Но ведь можно устраивать благотворительные акции в помощь сиротам. Старые вещи и посуду, мебель, книги и еще всякую мелочь, ненужную уже владельцам, не выкидывать, а отдать нуждающимся. Начать хотя бы с этого. Я просто в шоке от ваших господ.

— Вряд ли мы сможем что-то поменять, — приуныла Антонина. — Могу я предложить вам чаю?

— Нет, спасибо, — отказались мы с Пахомом в один голос.

— Нам надо успеть засветло домой. Мы просто привезли гостинцы, — ответил староста, а я добавила:

— Не будем вас отвлекать от работы. Но я обещаю: как выдастся свободная минутка, я приеду поиграть с детьми.

— О, это было бы чудесно, — заулыбалась женщина. — Пришлите нам весточку заранее, мы подготовимся к вашему приезду.

— Ой, не стоит готовиться. Я приеду просто поиграть. Может, научу их чему-нибудь.

Мы с Пахомом поставили корзинку ей на стол и засобирались домой. Дети в игровой снова затихли, но, увидев, что мы идем к выходу, нестройно попрощались.

— До свидания, — помахала я рыжей девчужке, которую тут же спрятал за спину один из братьев.

Поездка в город не особо меня осчастливила. Сначала мальчишки из приюта в беду попали, потом выяснилось, что в местной библиотеке со множеством литературы имеется лишь скудная и почти одинаковая информация в каждой книге. Надеюсь, те тома, что мне дали на пару дней, будут полезнее.

Тут еще дождь стал накрапывать, а повозка у Пахома была без крыши. Магией прикрыть себя я не могла, сил после драки осталось мало, они восстанавливались медленно, да и спалить свою конспирацию нельзя. Пришлось мокнуть.

За час пути дождь только усилился, дорогу размыло, и колеса вязли в грязи. Пришлось съехать на обочину. Рядом с дорогой росли деревья с раскидистыми кронами, так что мы решили переждать там.

Промокнув, я замерзла, и зубы начали отплясывать чечетку.

— У вас нет сухой запасной одежды? — спросила Пахома.

— Так это... есть, конечно. Но разве гоже девкам мужскую одежду носить? — почесывая

бороду, ответил староста.

— А вы предлагаете мне промерзнуть до костей, заболеть и умереть? — возмутилась я.

— Ну как знаешь, — махнул он рукой и пошел к повозке.

Оказалось, под ней есть небольшое углубление, как сундук, там Пахом хранил еду и одежду на всякий случай. А вот запасного плаща не хранил, поэтому я была мокрая, а он сухой.

Сунув мне рубаху и трико, староста ушел за дерево. Я быстренько сняла с себя платье и слегка нагрела воздух вокруг тела, как учил Ник. Согревшись, натянула сухую одежду, закрутила волосы в пучок и пошла к Пахому.

— Я постираю одежду и верну, когда приедем, — сказала в пустоту на нашей стоянке.

Пахом куда-то скрылся. И конь пропал. Как это я не услышала их возню? Стоит телега, стою я. Прекрасно. Вот как так можно, ехали же вместе? Я села под дерево и обиженно засопела.

— Стой, окаянный... стой!

— Не бросил, — радостно подскочила я и побежала на голос.

Трико по колено промокло от травы, но мне было все равно, я не одна, уже не страшно. Дождь уже не лил как из ведра, но я все же снова намокла.

— Стой, куда тебя несет? Бурка, пр-р-р!

Конь заржал и, видимо, никак не хотел останавливаться. Кто ж его так напугал? Неужели поблизости были волки?

Я остановилась. Ну вот, не хватало еще быть сожранной волками. Что-то мне жизнь подбрасывает сюрпризы все приятнее и приятнее. Так, Лиля, спокойно. Где наша не пропадала? А нигде! Собралась, тряпка, и пошла на помощь старику! Маг я или где?

И с бодрым приказом самой себе козочкой доскакала до бунтующего Бурки и успокаивающего его Пахома.

Конь вставал на дыбы, старик пытался схватить его под уздцы, но все никак не получалось. Конь бил копытами и снова поднимался на дыбы.

— Что произошло? — крикнула я.

Старик отпрыгнул от коня в момент, когда тот принялся лягаться.

Да что с ним такое? А Пахом уже стал бить кого-то в траве кнутом. Зверь взвыл и затих. Пахом подскочил к Бурке и отвернул от зверя, потянул в мою сторону.

Я сорвалась с места и бросилась туда, где скулило животное. Это оказался щенок. Наверное, местный волчонок. Возможно, отстал от мамы или мамку убили. Он голодный.

Зверек попытался встать, но передняя лапа подкосилась, и он упал мордой в траву. Бок, видимо, рассек ему кнутом староста. Из раны текла кровь. И она была не красной, а серой.

Может, он и опасное животное, но пока еще малыш. Я осторожно подошла к нему, он попытался отползти, оскалив пасть.

— Лиля, ты что задумала? Отойди, это опасная зверюга. Его надо чем-нибудь пришибить. Вырастет в огромного волка и будет скотину тягать! — заорал на меня староста.

— Так пока не вырос. Он еще малыш.

— Малыш, не малыш, а на коня уже попытался напасть. Хорошо хоть, Бурка его лягнуть успел, а то покусал бы, и пришлось бы забить скотину.

— Он просто голодный. И странно, почему он один. А вдруг где-то здесь его мамка наблюдает?

— Это, похоже, сбросыш. Видно, слабый уродился. Стая не приняла, они бросают

слабых. Это бывает редко, но случается. Либо самка померла. Нельзя его оставлять, — прочел мне лекцию Пахом.

— Как вы можете? Это ведь зверь, он хочет есть, сам не может о себе позаботиться. Неужели надо быть такими жестокими?

— А разве не жестоко оставлять его на голодную смерть?

— А мы и не оставим! — твердо решила я и подхватила вертящегося щенка за загривок. Правда, пару раз он успел клацнуть зубками почти рядом с моей рукой.

— Я не повезу эту зверюгу в деревню, — твердо заявил Пахом.

— Ты не вези, я повезу. Он на руках у меня будет. Сейчас посажу его в мешок, чтобы не вредил себе и нам, да и коня не напугал опять.

— Лиля, ох и плохую ты затеяла игру. Он дикий. Со взрослых кровь на продажу хорошо идет и кости, а с этого нечего и взять.

— Да зачем сразу его на продажу? Пусть растет, поправится — отвезем подальше в лес и отпустим.

— Ты совсем глупая девка? Он вернется. У них память знаешь какая? Если раз почует, никогда не ошибется. Нельзя его в деревню, — наотрез отказывался староста.

— Я не потащу его в деревню. Побудет у меня, а потом Николас отнесет его далеко в лес. Полетает на драконе, чтобы назад дорогу не нашел, — привела я вроде бы весомый довод.

— Делай что хочешь, — махнул Пахом рукой и повел фыркающего коня под наши деревья.

Я пошла следом. Мало того, что снова промокла до нитки, так теперь еще и вымазалась в серой крови щенка.

Мальш трясся и постоянно пытался вырваться, но я держала крепко. Села подальше за дерево, чтобы конь не видел зверя. Но он его чувствовал, поэтому никак не мог успокоиться. Я выпустила ментальный щуп и аккуратно дотронулась успокаивающей волной до головы щенка. Метаться, рычать и скалиться он перестал, но вел себя настороженно.

Кровь из раны уже не текла так обильно, видимо, какая-то регенерация все же имелась. Передняя лапа опухла. Надо его усыпить да поскорее домой ехать, пусть Машка посмотрит.

Дождь уже просто моросил, и Пахом решил запрячь коня. Я пустила щенку немного лечебной магии в лапку, как учила Мария, чтобы хотя бы обезболить, но сил было мало, и, видимо, не особо помогло. Потом напрягла остатки сил и послала волну сна, произнося, как и Маша, тарабарщину на драконьем языке. Помогло. Щенок уснул.

Я быстренько сунула его в сумку-мешок, подобрала мокрое платье, немного просушила одежду на себе и направилась к телеге, бережно прижимая моего сиротку к себе.

Ох и получу я от Ника и моей старушки, прямо пятой точкой чувствую, получу. Но не могу я его бросить. Беспомощный, сиротка. Подрастет немного, тогда и выпустим. Теперь надо за остаток пути придумать весомые доводы для Марии, а потом и для Ника.

12. Для доверия нужно время

Мария возилась на своем мини-огороде, когда я позвала ее в комнату к спящему щенку. Малыши зорки принюхивались и взволнованно пыхтели, уползая вглубь своего гнезда.

— Маш, ты только не кричи раньше времени, — успокаивала я заранее старушку. — Мы остановились дождь переждать, а там был щенок. Он ранен, подлечи его, а дальше я сама справлюсь.

— Какой щенок? Чей? Откуда на дороге взяться щенку?

— Мне откуда знать? А раз мы можем ему помочь, то почему бы не сделать этого?

— Я же показывала тебе, как лечить. Или там очень глубокие раны? Так их я тоже лечить не умею. Я могу только понемногу сращивать ткани, но не кости. Моего дара только и хватает, чтобы напитать снадобья да зелья.

Мы зашли в комнату, где на кровати лежал запеленатый щенок. Хорошо, он не проснулся, а то кто его знает, поужинал бы моими зорками.

— Ты что удумала? — вдруг взревела Маша. — Волчонка приволокла. В своем ли ты уме, девка?

— Да что ж вам всем так важно, волк он или нет? В первую очередь он щенок.

От нашего крика малыш пришел в себя и стал дергаться в мешке, пытаясь когтями разорвать ткань.

— Вот видишь, что ты наделала? — возмутилась я. — Разбудила его. Я с таким трудом его усыпила.

— А его и не надо лечить, его добить надо. Ты хоть знаешь, до каких размеров они вырастают? Это хищник. Он сожрет всех и не подавится. Я не буду его лечить, и если ты его немедленно не выкинешь, то ноги моей тут больше не будет, — топнула ногой старушка и хлопнула дверь.

Пока мы спорили, щенок перестал возиться и очень внимательно нас слушал.

— Ну и ладно, сама справлюсь, — крикнула я Маше вдогонку.

Я подошла к малышу и присела на край кровати. Он настороженно пошевелил ушами и снова немного оскалился.

— Не бойся, глупыш, я хочу помочь. Но пока не знаю как. Тебе придется потерпеть. Я принесу покушать, а ты лежи пока тут. Не шали.

Метнулась на кухню, схватила первое попавшееся блюдо и бидон с молоком, побежала назад. Зверь лежал смирно, но при моем появлении снова забеспокоился.

Я поставила блюдечко на пол. Сняла щенка с кровати и, не вытаскивая из сумки, положила рядом с блюдцем. Хорошо хоть, не очень глубокое попалось. Налила туда молока и пододвинула щенку.

— Попей, бедолага. Пока хотя бы молока. А потом я обязательно узнаю, чем вы питаетесь, и покормлю как следует.

Щенок снова попытался встать, но из-за лапы и из-за сумки не смог. Я попробовала помочь, поставить его, но он тут же зарычал.

— Ладно, ладно, не трогаю, — подняла я руки. — Но поесть-то тебе все же как-то надо? Давай расстегну мешок, чтобы ты смог выбраться.

Я снова схватила щенка за шкурку и, расстегнув мешок, аккуратно его стянула, насколько это было возможно. Зверек жалобно заскулил. Наверное, я задела рану или лапу.

— Прости, прости, малыш. Сейчас уберу все это, освобожу.

Я откинула сумку и поднесла щенка поближе к блюдечку. Воздушную преграду создать не получилось, пришлось резко его отпустить и отскочить, чтобы не укусил.

Волчонок тявкнул, снова немного поскулил, наступая на опухшую лапу, и сел зализывать свой бок, на котором уже почти не было видно раны, только края кожи с шерстью, торчащей в стороны.

Потом он принюхался, посмотрел в сторону ящика с гнездом, повернул голову к тарелке с молоком. Складывалось впечатление, что он решает, пить молоко или приступить к более калорийной трапезе.

— Э-э, не-е, туда можешь даже не смотреть, — подала я голос, на что щенок снова насторожился. Не сводя с меня глаз, он опустил морду к миске и принялся лакать молоко.

— Вот это правильно. Пей, потом принесу вареного птичьего мяса.

Молоко исчезло очень быстро, бока щенка ощутимо раздулись.

— Вот и хорошо. Подкрепился, а теперь надо заняться твоим лечением.

Однако, как только я встала, волчонок ощетинился, стоя на трех лапах, прижал уши к голове и оскалил пасть.

— Ты ж мой маленький комочек шерсти с зубками. Не бойся. — Я стала потихоньку подбираться к нему. — Иди сюда, мой хороший. Я не обижу тебя.

Но у щенка было свое мнение на происходящее, и он заковылял под кровать. Там я его и настигла за пару шагов. Но в этот раз мне не повезло схватить его за шкуру. Он, извернувшись, все же цапнул меня за руку между указательным и большим пальцами. И сразу дал деру под кровать.

— Ай, блин. Какого... больно, елки-палки.

По руке потекла струйка крови. В комнату прибежала Мария.

— Что? Укусил? У-у, зверюга проклятая. А ты знаешь, что в их слюне содержится парализующий яд для крупной добычи, чтобы ее обездвижить? Конечно, у этого еще вряд ли есть та железа, что яд вырабатывает, у него еще даже пух не слез как следует. Видать, сбросыша ты подобрала, — ворчала старушка, помогая мне остановить кровь и вычистить место укуса, судя по ее манипуляциям руками. Потом ладонь ее засветилась зеленым, и рана потихоньку начала затягиваться.

— Будешь знать, как не слушаться взрослых, — попеняла она мне.

— Я слушаю, но решения принимаю сама. И от него не откажусь. Ему надо помочь.

— Помогать она всем вздумала. Вчера зорки, сегодня волчонок, а завтра кто?

— А на завтра я планов не знаю, они известны только создателю. Лапку ему надо бы посмотреть, она опухла. Как бы не сломана была.

— Да посмотрю, посмотрю. Ты ведь не отстанешь. Добрая душенька твоя.

И началась сложная работа по поимке верткого щенка. Пришлось в итоге сходить за шваброй и ею его выволакивать. Мы накрыли его коробкой, и Мария осмотрела его магическим зрением. Как же здорово наблюдать за ее работой!

— Нет, лапа не сломана, просто ушиблена. Кости все целы, но на коже много паразитов, надо избавить его от них, а то навредят не только ему, но и нам могут.

— Нам? Ты остаешься? — радостно воскликнула я.

— Остаюсь, куда я от тебя денусь? Ты ж вроде как моя племянница. О, ну поглядите на нее, был бы хвост, уже б виляла им, — рассмеялась она.

А я просто крепко обняла мою названую родственницу.

— Спасибо, что ты у меня есть, — шепнула ей на ушко.

— Ой, скажешь тоже, — махнула она рукой. — Давай усыплять твоего подопечного, надо лапку подправить.

И мы, немного повозившись, смогли его усыпить, а потом Мария подлечила зверьку лапу.

Условились на том, что никому не скажем о зверях, чтобы не пробуждать лишнего любопытства и тревоги. Даже Нику. Зорков пришлось переместить на тумбу, чтобы этот пушистик до них не добрался. Ему я постелила старый кусок зимнего тулупа у теплой стены и там же поставила миску с мясом и новой порцией молока. И на этой радостной ноте улеглась спать.

Луг. Душистые цветы, разнотравье. Светит яркое солнце.

Небо голубое, с редкими пушистыми облаками, на душе так легко.

Я прогуливаюсь с кем-то, но не вижу с кем. Зато чувствую себя в безопасности, со спокойной душой могу уходить на большие расстояния от деревни.

За окраиной луга лес. Стоят деревья-великаны и ветками держатся друг за друга, будто не хотят пускать к себе посторонних, отгородившись кустами и объемными кронами. Там кто-то есть. Ветра почти нет, но кусты шевелятся. Наверное, звери.

Но я не боюсь. Со мной мой друг.

И тут из леса друг за другом выходят огромные псы. Их шестеро. Они ростом с хорошего теленка. Это что же, местные волки? Мне становится страшно, ноги будто в землю врастают. Сердце усиленно колотится. Мозг, по-моему, вообще не хочет соображать, потому что я не могу даже двинуться с места.

Погода быстро портится, налетает холодный резкий ветер, треплет волосы и режет глаза, так что они начинают слезиться. Солнце пропало, небо затянуто тучами, я уже не на цветущей полянке, а на заснеженном лугу. Деревья в стороне стоят мертвой плотной стеной.

Мороз пробирается под одежду и щиплет мое бедное тело. Я коченею от холода. Где мой друг? Я одна. Нет защиты. Как я сюда забрела? Бежать некуда, начинается пурга. Помощи ждать неоткуда.

Звери, ошестившись, окружают меня. Прижимая морды к земле, а уши к голове, готовятся броситься на меня, растерзать. С клыков капает слюна, глаза сверкают, как светоотражатели. Еще миг — и кинутся.

Но вдруг со спины я чувствую чье-то приближение, тихие шаги по снегу. Это он, мой друг? Он пришел помочь?

Зубы продолжают отстукивать чечетку, холод никуда не делся, страх и не думает включать мозг. Я оборачиваюсь и вижу еще одного волка, крупнее тех, черно-серого окраса, с мощными лапами и телом. Он спокоен — не прижимается к земле, не скалится, идет ко мне.

Сердце почему-то бешено колотится. Я его не знаю, а значит, он с ними. Может, их вожак? По-моему, я от страха сейчас отключусь. Так будет даже лучше, не почувствую агонии от предстоящих терзаний моего тела.

Закрываю глаза. Боже, пусть это произойдет быстро.

Время тянется бесконечно. Я чувствую вожака рядом, его дыхание обдает теплом руку. Я дергаюсь от страха. В ладошку тычется мокрый нос. Потом этот здоровяк лижет мне кисть.

Мой мозг решает вернуться и попробовать поработать. Клеточки серого вещества в бешеном темпе носятся, чтобы придумать выход.

Я открываю глаза. Серый никуда не ушел. Стоит рядом. Те, что были у леса, попятились назад. Но не ушли. На мордах остается оскал.

Серый подталкивает меня в противоположную сторону. И я, немного придя в себя, начинаю тихонько отступать. Он не с ними, он за меня. Это придает уверенности, и я пячусь. Стая у леса замечает мой маневр и все же решает напасть. Они кидаются на нас все вместе, и мне кажется, что сердце просто останавливается.

Я подскочила на кровати в холодном поту, сорочка промокла насквозь. Сердце билось так, что уши закладывало. Руки дрожали, а ноги будто онемели. Не успела я опомниться, как руку, где был укус, лизнули. Я даже взвизгнула от страха, отдернув ладонь.

Сон не хотел, видимо, меня отпускать. Хорошо хоть, наступил рассвет, и в окно пробивались утренние лучи. На постели рядом лежал щенок и, прижимая уши, виновато глядел на меня. Повиливая хвостом, он подполз вперед, прижимаясь к кровати всем тельцем.

Фух. Ну и сны у меня!

— А ты как тут оказался? Ты же спал на подстилке. Или что, лапка прошла уже, можешь прыгать? — спросила я этого подлизу.

Но как только я попыталась его погладить, он тут же снова вывернулся, подставляя под ладошку пасть. Хотя хвостом все равно махал как метлой.

Все еще не доверяет. Ну да ладно. Попривыкнет, и тогда поглажу. Прогонять щенка я не стала. Раз ночью не покусал, значит, и сейчас не съест.

Сердце все еще бухало, но чувствовала я себя намного спокойнее. И хотя так рано подниматься было лень, уснуть уже едва ли получится. Пришлось вставать и топать на кухню.

13. Дорога помощь вовремя

Пара дней прошла в относительном спокойствии. Щенок уже не рычал и встречал меня у двери, радуясь каждому приходу. Зорки открыли глазки и уже пробовали молоденькую зелень. Мы решили соорудить для них клетку в саду. Пришлось из старой заборной решетки смастерить пол и прикопать его, а то эти хитрюги могли сделать подкоп и удрать.

Всю дальнюю часть сада пришлось переделывать. На это потребовалась посторонняя помощь. Вдвоем мы бы не справились, но и посвящать кого-то в секрет о наших зверьках было опасно.

Помощь пришла откуда не ждали. Прилетел Николас с новой порцией книг.

Посоветовавшись с Машей, я решила немного приврать.

— Ник, ты не мог бы сходить со мной на рынок в городе? Мне надо купить разные инструменты, а может, и материалы. Хочу построить пару клеток, попробуем птицу сами разводить. Это и дешевле, и всегда под рукой.

Ник купился или сделал вид, что купился. По нему не всегда было понятно, когда он строгий, как обязывает должность, а когда мальчишка еще, рано повзрослевший. И он полетел со мной в город. Нес меня в когтях, потому что седла не имелось, а сидеть без него я бы не смогла. Но мне и в лапах дракона было неплохо, к тому же щит вокруг надо было делать меньше, чтобы ветром не снесло или не продуло. Хорошо хоть, полетели, а то добираться пару часов по разъезженной дороге о-очень неудобно, и попа со спиной потом спасибо бы не сказали.

Мария, предвкушая скорую прибыль с зорков, решила выделить один золотой на материалы. Ник, увидев монету, лишь улыбнулся.

Пройдясь по рынку до нужных лавок, я заказала сетку, похожую на нашу рабицу, но не так сплетенную. Плетение походило на советские железные кровати, только клеточки были крупнее. Так как сетка могла пригодиться не только в нашем с Машей деле, я купила ее побольше. Ник отказался тащить это все на себе. Пришлось за один серебряный заказать телегу.

Помимо сетки, взяла пару железных листов для отделки домика зорков, чтобы не продувало, да и крышу не из черепицы же им делать.

— Лилия, почему ты это не заказала у деревенского кузнеца?

— А откуда мне знать, что в деревне есть кузня? Да и где ему взять столько железа для всего этого?

— На это он сам бы тебе ответил. Кстати, тут есть их лавка. Можем зайти посмотреть, что там имеется.

На том и порешили.

Почти в конце рынка действительно стояла небольшая лавка. Снаружи на стенах висело множество изделий из разного металла, больше, конечно, для телег и обработки земли. Около лавки сидел паренек.

— Чего господа изволят? — подскочил он, увидев нас.

— Это сын кузнеца. По стопам отца не пошел, травму в детстве получил, хромым он, — шепнул Ник мне на ухо.

— О, не беспокойтесь, мы сначала посмотрим, а потом вас позовем. Отдыхайте, — ответила я парню, чтобы лишний раз не тревожить.

Он, немного помрачнев, сел на место. Людей тут было меньше, чем там, где мы ходили раньше, видимо, и выручка не ахти у него. Надо будет хоть что-то купить, порадовать паренька.

В самой лавке было намного красивее, и изделия хранились уже более тонкой работы, нежели на улице. Тут было все, от подвесок под камни разных форм до посудных шкафов. Посуда, кстати, тоже имелась.

Мне тут же приглянулось многое: глубокие блюда с выбитым по бокам узором, подносы с ручками, кувшины, ложки, вилки, ножи, которых так не хватало в трактире.

Ник стоял в сторонке, тихо посмеиваясь, наблюдая, как я бегаю от одного стеллажа к другому, хватаю все и рассматриваю. «Наверное, выгляжу как ребенок», — подумала я, взглянув на него.

— Молодой человек, будьте так любезны, помогите мне, — окликнула я парня с улицы. А тому, видимо, только это и надо было. Он подскочил с лавки и, опираясь на костыль, припадая на левую ногу, пошел напрямиком ко мне.

— Чего леди желает?

— Ой, бросьте, не называйте меня «леди», — махнула я рукой. Паренек немного опешил, повернулся к Нику, потом ко мне, склонил голову и пролепетал:

— Как я могу к вам обращаться?

— Ко мне можно просто Лилия. Подскажите, любезный, в какую цену эти подносы и эти блюда? — Я указала на те, что больше всех понравились.

— Блюда по двенадцать медяшек за штуку, а подносы по десять медяшек.

— Отлично, мне, пожалуй, по пять штук тех и других.

— Простите, леди Лилия, но таких блюд только три.

— Можно просто Лилия, — вздохнула я. — Хорошо, давайте три и посмотрите еще два, хотя бы примерно приближенных по рисунку к этим.

Несмотря на хромоту, парнишка быстро обошел стеллаж, собрал нужное и представил несколько похожих блюд на выбор. Я выбрала два и пошла к кувшинам.

— Кувшины в какую цену?

— Смотря какие вам нужны, уважаемая Лилия.

— Мне нужны под вино или пиво, в общем, под жидкость, чтобы не ржавели.

— Тогда вам нужны такие, тут специальный сплав, не ржавеет никогда. Они по тридцать пять медяшек. А те, повместительнее, по сорок и сорок пять.

— А какой у них объем?

— У этих литр, поэтому и подешевле, тут полтора литра и два соответственно.

— Давай мне пять штук по два литра и пять по литру. Есть столько?

— Да, конечно, — болванчиком закивал парнишка. — Сейчас упакую.

Он сгреб кувшины со стеллажей и понес паковать.

Я прошлась до кастрюль и тарелок. Так как в трактире бывают разборки, то деревянная посуда бьется, как и стеклянная, да и дерево недолговечно. Надо бы взять пару-тройку тарелок. А вон те ажурные возьмем для зажиточных людишек вроде того скандалиста, что мнил из себя барина.

— Милейший, а почему эти тарелочки? И вот эти, а еще вот эти кружки?

— Первые тарелки продаются набором, их двенадцать штук. Они по три серебряных, а соседние тоже наборы, но по шесть штук, они по два серебряных.

— Ух ты, дороговато!

— Уважаемая Лилия, набор состоит из двенадцати глубоких тарелок, двенадцати плоских и двенадцати кружек к ним. Все выполнены вручную, имеют одинаковый узор, отсюда и цена.

— А-а, даже так. Ну тогда давай один большой и один маленький набор, пакуй.

Парнишка разве что от радости не запрыгал, глаза его выдали с потрохами. Вынес собранный набор и показал, как он выглядит.

Кружки, похожие на наши подстаканники в поездах, тарелочки с красивым обрамлением и, видимо, из разных металлов, цвет краев с узором отличался от остальной поверхности. Я одобрительно кивнула, улыбнувшись пареньку.

— И теперь нам остались ложки и вилки. Или у вас есть тоже наборы?

— А как же, — занимаясь упаковкой, произнес парень. — Вон к той витрине подойдите, там имеются.

— Лилия, мы вообще-то ехали за материалами для твоего птичьего домика, — вдруг подал голос Николас.

— Да помню я, помню. Но как тут пройдешь мимо такой красоты? Тем более это все равно все нужное. А пока мне дали средства на расходы, почему бы не прикупить для дела и это еще? — Вздернув повыше подбородок, я направилась к витрине с ложками.

— Тогда позволь мне оплатить эти покупки, как подарок к твоему приезду сюда, — снова подал голос Ник.

— Как вам будет угодно, уважаемый, — улыбнулась я, радуясь, что не надо тратить кровные гроши Марии. К тому же не получу от нее кучу причитаний.

Ложки в наборах оказались тоже очень красивыми, резные ручки не оставили меня равнодушной. Взяла набор из двенадцати штук за семьдесят медяшек и набор из шести ложек и вилок с ножами за сорок медяшек.

Оставив в лавке одиннадцать серебряных и двадцать медных монет, которые выделил Николас в счет моего подарка, мы сгрузили все коробки на нанятую повозку, распрощались с сияющим сыном кузнеца и отправились за теми несчастными птицами, которых я якобы буду растить. Надо же поддерживать легенду.

Каких там птиц только не было! Из наших земных были куры разных пород, фазаны и перепела. Пришлось взять два десятка перепелов и два десятка обычных кур с двумя петухами. Клетки погрузили на ту же телегу и отправили все это домой.

— Пока груз доедет, мы успеем поесть и долетим домой как раз к тому же времени, — предложил Ник и повел меня в местный ресторан.

«Тихие вечера», — гласила надпись на вывеске. Внутри стояли круглые столики на две и на четыре персоны. Между столиками стояли вазоны с высокими цветами, разделяя пространство зала.

Мы сели у окна. К нам подошла женщина в темно-синем платье с белым передником. Она осмотрела нас и остановила взгляд на Нике, потом снова глянула на меня. Видимо, ей не понравилось увиденное, и она демонстративно обратилась к нему:

— Давно вы не были у нас, ваша светлость. Вам как обычно или принести меню? — Женщина растянула губы в улыбке, от которой меня передернуло. Она походила на оскалившегося щенка у меня в комнате.

— Много дел, весь в работе, — улыбнулся ей Ник. — Меню, будьте добры.

— Сейчас вернусь, — пропела официантка, все еще улыбаясь, и поплыла в другой конец зала.

— Не пойму, а сразу что, меню нельзя было принести с собой? — сказала я в голос, чтобы эта красавица услышала. И тише добавила: — Или она так хочет с тобой пообщаться? Может, мне подождать на улице? Я там лавочку видела.

Николас прыснул со смеха.

— Ты бываешь очень забавной.

— Ну а что? Стоит, глазами тебя уже раздела и все, о чем мечтала, сделала. Не хватает только расстегнутого декольте для завлечения в ее постельку, — подмигнула я ему. — Хотя там и декольте едва ли завлечет. Плоская, как доска.

— Тебе здесь не нравится или ты ревнуешь?

— Нет, не ревную, с чего мне ревновать? Мы же не возлюбленные. Друзья должны помогать друг другу. Мне не нравится персонал этого заведения. Если ты не против, давай уйдем. — Сама не зная, почему бунтую, я встала. — Я дома приготовлю поесть и накормлю тебя.

— О-о, это очень заманчивое предложение. Ну, раз ты не ревнуешь, может, я с ней развлекусь? — скептически поднял он бровь.

— А я не пойму, ты пытаешься меня заставить ревновать? Ник, это плохая идея, я тебя воспринимаю скорее как брата, нежели как партнера, поэтому развлекаться ты можешь с кем захочешь. Но только будь осторожен, а то настрогаешь драконят и потом знать не будешь, куда их девать. А вот с такими и драконят не надо, уцепится и не отпустит.

Николас рассмеялся.

— Настрогать я их смогу только со своей парой, выбранной природой. Это у других видов есть возможность «настрогать» с кем угодно.

— Да уж, видела я тех настроганных в приюте. Яйца бы поотрезать тем строгальщикам.

Я вышла из-за стола и направилась к выходу как раз в тот момент, когда появилась красавица с меню. Ник поднялся следом.

У официантки расширились глаза в немом вопросе. Натянув дежурную улыбку, она поторопилась к его светлости, узнавать о причине нашего спешного ухода.

Дома, поев, Ник помог установить стенки будущего просторного домика — как он думал, для птиц. Когда с домиком закончили, перешли к ограде. Пришлось загон делать полностью закрытым, сверху тоже накрыть сеткой. Зорки, оказывается, высоко прыгают, почти в человеческий рост.

Вольер для них получился очень просторным, с большим количеством травы. Хорошо хоть, мы купили лопаты и вилы, а то даже не представляю, как бы перекапывали всю эту целину. Понемногу, частями, сняли дерн, уложили в яму старые блоки железных прутьев от ограды трактира. Прутья располагались близко друг к другу, так что зорки не убегут, даже сделав подкоп. Положили слой земли, обильно полили водой и добавили сверху куски дерна с травой, которые сняли ранее.

Снова все залили водой, благо водный дракон находился близко, не пришлось таскать из трактира. А самое главное, Ник все выполнял молча, не спрашивая о моем желании сделать ограду под землей.

Для видимости мы выпустили туда больших птиц, а маленьких поселили рядом с конюшней. Там был отличный закуток с крышей и насестами, пришлось только из сетки соорудить дверь.

— Раз мы все сделали и моя помощь больше не требуется, я тогда откланяюсь. Про книги не забудь, — напомнил Николас.

— А то вдруг еще к чему припадем вашу светлость, да? — скептически подняла я брови. — Не забуду. Вечером почитаю, — махнула ему.

— Нет, мне надо еще успеть по делам в столицу. А ты, Лилия, будь добра изучить материал за эту неделю. Я не смогу пока прилетать, у нас пропала графиня из соседних с нами земель. Всех бросили на поиски. Надо лететь с отчетом. Только молчи. Это секретная информация, никому ни слова!

— Ничего себе, — ужаснулась я. — А давно похитили? Бедные ее родители.

— Уже чуть больше недели прошло. Даже награду объявили в пятьдесят золотых. Но пока никакой информации. А родители у нее приемные. Отец скончался, когда мать была беременна, женщине пришлось снова выйти замуж, но в родах умерла и она, а отчим растил девочку как свою дочь, ну и женился, конечно, как без этого. Так что судьба у графини нелегкая.

— Бедняга, — посочувствовала я. — А может, там отчим хочет наследство к рукам прибрать, а она мешалась и ее убили? Такую версию не рассматривали? — пришла мне почему-то в голову мысль.

— Ох, ну ты сказочница. Зачем ему ее убивать? Просто можно выдать замуж, дать неплохое приданое, а остальное достанется ему. Хотя версия была бы неплохая. Но такого у нас не случилось.

— Все когда-нибудь бывает впервые, — пожала я плечами, — да и золота маловато предлагают за графиню.

Я попрощалась с Ником, который так и не отреагировал на мои замечания.

Курочек пришлось тоже переселить в сарай к конюшне, чтобы заселить зорков на их новое место обитания.

В домик разместили гнездо, туда же насовали свежей соломы. Малыши поначалу с опаской восприняли новые запахи и посылали мне волны страха. Я постаралась их успокоить ментально, излучая радость и любовь к окружающему пространству. Зорки прониклись и потихоньку выползли из убежища. От зеленой травки они пришли в восторг и, больше не боясь, стали обследовать свой загон.

Вечером к нам заехали трое постояльцев, все направлялись в столицу с товаром на продажу. Коней отпустили на выпас в сад. Телеги с товаром убрали в большой сарай при конюшне.

Пришлось побыстрее готовить ужин из того, что осталось с обеда, и фантазировать на ходу. Хорошо, что Маша уже приготовила мясо на завтра и крупу замочила. Я сварила кашу с мясом и замесила пирог с яблоками. Компот еще оставался с утра. Гости ужином остались довольны, а я почти без сил отправилась к себе.

Какие книги, господа хорошие, тут хотя бы до подушки добраться.

Но не тут-то было. Как только я легла, сон как рукой сняло, и мне все же пришлось сесть за книги.

14. Златоглавая не так приветлива

Щенок лежал на кровати, вяло повиливая хвостом и следя за мухой на столе.

Книги, которые дал Ник, в самом деле были достаточно интересными и полезными.

Оказалось, воздух можно сжимать до маленькой иголки либо нагреть до состояния, когда из него появится пар, чтобы можно было воспользоваться и водой, если ее в другом виде нет рядом. Но нагреть можно, только если есть зачатки огненной магии, благо у меня таковая имелась, а обычно маги это делали по двое и трое в связке.

Все описанные действия были хороши при военных действиях, при обороне, в драках, но не для меня. Хотя сжать воздух до иголки попробую. Вдруг пригодится.

В коридоре зазвонил колокольчик. Видимо, кто-то из постояльцев проснулся. Что им там надо?

Бурча и кутаясь в шаль, я вышла в зал. Там стоял один из постояльцев, дедушка Митя, с добродушным лицом и очаровательной улыбкой.

— Здравствуй, милая, прости, что разбудил. Хочу выехать пораньше, чтобы к вечеру уже прибыть в столицу.

— Ничего страшного, вы меня не разбудили, я не спала, за книгой засиделась.

— Видать, собралась поступать в академию?

— Не-е, что вы. Моих способностей едва ли хватит, да и денег нет. Просто для саморазвития полезно почитать порой.

— Да, милая, ты права. Рад, что не вся молодежь пропащая, — повздохнул, улыбаясь, старичок.

— Чего не спите? — появилась вдруг сонная Мария.

— Дак я ж предупреждал, что под утро уеду. Коней бы моих да повозку, чтобы засветло до столицы доехать, — бойко переключился дедушка на Марию.

— Коней сейчас приведу. Лиля, собери покушать в дорогу.

Оставив Митю в зале, я ушла на кухню. Уложила в корзинку половину пирога, остаток каши с мясом и краюху хлеба. Вынесла корзинку дедушке.

— Надолго вы в столицу? — уточнила у него.

— Нет, товара немного, думаю, дня хватит, чтобы все продать, и на следующий вернусь уже.

— Это получается, дня два — и к вечеру третьего приедете к нам?

— Да, милая, уже к вечеру буду у вас. Комнатку мне придержите.

— С комнатой проблем не возникнет. Вы лучше вот что скажите: можно мне с вами поехать? Я очень хочу в столичную библиотеку попасть, там, говорят, книг видимо-невидимо. Хоть бы взглянуть на них, — похлопала я невинно глазками.

— Отчего ж не взять. Если мамка отпустит, то поехали.

— Мамка? Какая мамка? Мария? Она мне не мать, она тетя. Отпустит, она сама предлагала мне туда поехать, да все как-то не было времени.

— Пошли, я провожу тебя к повозке да побегу собираться.

Мария, естественно, побухтела для вида, но согласие дала. Положила мне в дорогу два приличных платья, которые она купила для меня у местной портнихи.

Оставшиеся после поездки за птицей деньги я взяла с собой, мало ли что в дороге понадобится.

Поездка выдалась долгой, ухабистой и невыносимо болезненной для спины и попы. К концу пути я просто легла на товар и задремала.

— Дочка, приехали, — толкнул меня в бок дедуля.

Мы стояли в очереди на въезд у огромных железных ворот в длинной белой стене. Стражники брали с путников плату и выдавали камушки.

— Что это они дают?

— Это пропуск, чтобы в городе, если служивые попросят, предъявить. По нему могут понять, кто ты, когда въехал, с кем и зачем.

К нам подошел суровый мужик в латах.

— Вас двое? — грозно сопя, спросил он старичка.

— Да, двое, я и дочка.

— Жилье есть в столице? — так же грозно спросил стражник.

— Нет такого.

— Для чего приехали? — продолжил мужик допрос.

— Товар привезли на продажу.

— На какое время прибыли?

— Думаю, послезавтра в ночь уже уедем.

— Хорошо. Четыре медяка.

Дедуля протянул четыре монетки, и в его руку упали два камешка серого цвета. И мы двинулись за ворота.

— Для чего столько вопросов? — спросила я старичка, забирая свой камешек и протягивая две монеты за себя.

— Ну а как же, они информацию записывают. Мы представились как отец с дочкой. Приехали на два дня в столицу для торгов. Жилья нет, значит, остановимся в ближайшем трактире. При выезде отдадим камни, они считают указанное время, и если мы пробыли больше, то придется доплатить. А если бы мы имели здесь свое жилье, то стражники о времени не спросили бы и денег не взяли.

— А почему не соврать, что есть жилье? Не пришлось бы платить.

— Тогда тебе потребовалось бы указать, где оно находится, а утром к нам пришел бы дозорный с проверкой. И если мы бы соврали, то на выезде нас могли бы арестовать за обман.

— О-о, не все так просто, оказывается.

Мы уже проехали достаточное расстояние от ворот. Тут домики были добротные, если сравнивать с нашей деревней, все из белого кирпича с коричневой или красной черепицей. Улочки, мощенные брусчаткой.

То тут, то там росли кустарники либо деревья, столица утопала в зелени, несмотря на то что везде была брусчатка. К центру дома становились выше и выглядели куда богаче, чем на въезде. В общем, выглядело все красиво.

Так как был вечер, на улицах горели магические светлячки, все сияло как в гирляндах, создавая сказочный вид или как минимум праздничный.

— Очень красиво, — вздохнула я.

— Да, — подтвердил старичок. — Остановимся вон в том трактире. Оттуда недалеко до рынка, а от рынка есть прямая дорога и в библиотеку. Утром покажу.

— Я, если что, провожатого найму, вы не переживайте. К вечеру обещаю вернуться.

В трактире мы представились как дочь с отцом, чтобы не рушить начальную версию

нашей легенды. Комнаты взяли разные, хотя нас и пытались поселить в одну. Спала я не очень хорошо, постоянно просыпалась от боли в спине. Видимо, нерв защемила, надо бы зарядку утром сделать.

Под утро уснула, и вот, кажется, только глаза закрыла, а меня уже будят.

В дверь стучала молоденькая горничная.

— Ваш отец просил вас разбудить. Он внизу завтракает, ждет вас.

— Хорошо, сейчас спущусь. — Зевнув, я закрыла дверь.

Митя и правда сидел за одним из столов. Хотя и было очень рано, зал был почти полон.

— Тут всегда столько народа?

— А как же? Люди из разных мест везут товары на продажу. Тут они уверены, что все продадут. Да на некоторые вещи еще и цены могут зависить. Вот и собрались здесь все, кто приехал, надо место на рынке повыгодней занять. Так что поторопись, пора выходить.

— Хорошо. Есть я не хочу, мне в такую рань кусок в горло не лезет, я попрошу с собой завернуть.

Через четверть часа мы уже шли в направлении рынка. Удачное место для товара тоже быстро нашлось на пересечении двух улиц.

— Проходимость тут знатная, продам, наверное, все до обеда, — радовался Митя.

Мне выловили мальчишку из помощников на рынке и отправили показать путь к библиотеке, которая почему-то вообще не закрывалась на ночь.

Хорошо хоть, я прихватила с собой тетради для конспектов. Отсюда книги мне вряд ли дадут домой. Да и везти их назад долго.

Отошли метров на сто от ряда, где стоял мой старичок, и я почувствовала легкое касание к своим щитам ментальной магией.

«Да вы издеваетесь, что ли?» — разозлилась я и послала мысленную оплеуху по щупу, который полз ко мне из толпы.

Щуп тут же исчез, а я осмотрела ту сторону повнимательнее.

Мне почему-то показалось, что я увидела ускользящий мужской силуэт с прозрачно-голубыми глазами и в плаще. Его глаза яркими пятнами светились из-под капюшона. Я будто к месту приросла, ничего не видя, кроме этих глаз.

«Попалась, — запаниковала я. — Люди дорогие, попалась в ментальную ловушку. И хваленый щит Ника не помог».

Вдруг руки что-то коснулось. Я вздрогнула, сбрасывая наваждение. Обернулась и увидела своего провожатого.

— С вами все в порядке, леди?

— Фух, показалось, — выдохнула я. — Да, все в порядке, почудилось, что знакомого увидела, но нет, не он. Можем идти дальше. — Я нервно улыбнулась парню, мысленно благодаря, что помог прийти в себя.

Мальчишка довел меня до дверей библиотеки, указал обратную дорогу, а то я не запомнила ничего, пока тряслась от пережитого нервного потрясения. Дала ему две медяшки и быстренько юркнула внутрь. Хорошо хоть, после истории со щенком и проливным дождем я взяла в привычку возить с собой плащ, на всякий случай. Как раз этот случай и подвернулся, на обратном пути надену.

Библиотека была колоссальных размеров. Права была Машка, посылая меня сюда. Библиотекарь, похожий на гнома, показал мне нужные стеллажи, ткнул на столы, где могу уединиться, и ушел.

Столько конспектов я еще за день не писала никогда в жизни. Нашла, как управлять воздухом и как он взаимодействует с другими стихиями. Как правильно расходовать магию, не рассеивая ее, а, наоборот, втягивая в себя. Поскольку я уже умела повышать температуру тела, мне могло легко даваться взаимодействие огня и воздуха, вплоть до создания страшных огненных торнадо.

Вода, кстати, тоже не сильно отличалась, воздухом можно было поднять огромные водяные смерчи и некоторое время их удерживать. У каждого это время зависит от резерва. Вода также взаимодействует с огнем, но больше в бытовых делах: высушить, вскипятить, испарить, потушить.

Знания я просто проглатывала, захлеб зачитываясь и переписывая нужные для меня данные, как я на то время считала.

Когда я перешла к ментальной магии, зазвучал колокол.

Я аж подпрыгнула на месте, испугавшись. Оказалось, это время обеда. Мой желудок издал протяжный рык. Не стала мучить беднягу, достала пирог, который завернули мне в таверне, и, с наслаждением поедая его, продолжила чтение. Много информации повторялось с тем, что я уже прочла. Но было и новое, что могло мне помочь с контролем. Пришлось жевать быстрее и скоренько все записывать.

Нашлось там и про щиты, сила которых тоже зависела от резерва. Как самому выставить щит, как обойти щиты, не задевая ловушек. Как расставить ловушки. Много разных позиций, примерных способов установки и путей обхода. Все они имели нечто общее: если есть щит, значит, перед ним или за ним есть ловушка.

Ловушки тоже были привязаны к дару человека. «В общем, — сделала я заключение, — вся магия привязана к резерву человека».

О резерве нашлось тоже немало: как расширить, как управлять и как не выпустить из-под контроля. Все завязано было на медитациях. Мне кажется, наши йоги были бы здесь сильнейшими магами.

К моменту, когда я закрыла последнюю из взятых книг, я исписала три тетради. Пожалуй, на сегодня хватит. Подучу это. Надеюсь, Ник удивится моему прогрессу.

Я отнесла стопки книг на место, попрощалась с библиотекарем, на выходе натянула плащ с капюшоном. И, напевая себе под нос, радостная, отправилась на рынок.

Солнце уже клонилось к закату. Но я все же надеялась, что Митя не уедет без меня.

Спеша к месту встречи, я почувствовала легкое головокружение. Конечно, надо было побольше еды взять с собой. Почему же голове не кружиться, если я голодная?

Чем дальше я шла, тем сильнее становилось головокружение. Даже пришлось облокотиться о стену, чтобы отдышаться. Сердце забилось часто, воздуха стало не хватать, сознание стало меркнуть.

И тут меня осенило: меня снова атакуют ментально. Вот же засранцы, дождались момента. Я разозлилась, выставила вокруг головы блок. Сознание прояснилось.

Не поняла. Стоп. Ник же дал мне артефакт на всякий случай. Почему не сработал щит?

Я потрогала шею, медальона не оказалось. Потеряла?

«Вот глупая, — стукнула себя по лбу. — Я оставила его в платье, в котором приехала. Прямо гора с плеч, а то несдобровать бы мне по приезде домой».

Ну что ж, усилим свой щит. Попробуем применить знания, полученные в библиотеке.

Сжала вокруг себя воздух, создавая непреступную крепость для менталиста. Дышать стало легче, но сердце все еще колотилось.

Покрутилась вокруг себя, ища чужие щупы. Их не было.

Хм, странно, я почти уверена, что это была ментальная атака. Раз нет по сторонам, значит, наверху.

Осторожно подняла глаза к окнам второго этажа. Ага, вон он стоит, за штору прячется. Ну что ж, поиграем, чудо-менталист.

С помощью воздушной магии я пустила страх, панику и немного злости, направляя их во все стороны. Надо бы обмануть негодника, мол, я в панике.

Потихоньку продвигаясь к рынку, я увидела переулочек. Попробую спрятаться там, обойду дом, надеюсь, противник потеряет меня из виду.

Да уж, не мой сегодня день, явно не мой. В переулочке не было прохода на противоположную сторону. Чтоб их, этих гениальных архитекторов!

— А ты, я смотрю, тоже менталист? — услышала за спиной красивый голос и пискнула от неожиданности.

— Не понял. Ты женщина? Сними немедленно капюшон, — потребовал грубиян.

— Ну девушка, и что? — вызывающе ответила я нахалу. Капюшон не сняла. — Можно теперь издеваться и в голову ко мне лезть? Кстати, почему без разрешения?

— А у преступников разрешения не спрашивают, — усмехнулся незнакомец. — И странно, что ты женщина. Менталистов девушек, насколько я помню, в нашем подчинении нет, а значит, ты... Говори, откуда ты и что тебе надо?

— Я местная, дар слабый, открылся недавно, не пользуюсь и вставать на учет не хочу, мое право. Это не делает меня преступницей.

Его щупы уже обшарили весь мой щит в поисках щелей в ментальной преграде, и не обнаруживали ничего, кроме страха, который я посылала непрерывно.

— Почему я тебе не верю?

— А почему я вообще должна перед тобой отчитываться?

Я даже пикнуть не успела, как мой преследователь оказался рядом и притиснул меня к стене, прижимая локтем горло. Ну все, капец котенку, прокатилась до столицы. Не этот, так Николас прибьет.

Мужчина тем временем снял с меня капюшон. Мне показалось или он закаменел? Длилось это несколько секунд, он пришел в себя, но оказалось, что это мне всего лишь показалось. В следующий миг он наклонился к моей шее и глубоко втянул воздух. Мне даже почудилось, что он зарычал.

Бедные клеточки моего серого вещества ошалело отключились.

— Фу-у, фетишист ненормальный. Пошел вон от меня! — заорала я, пытаюсь высвободиться.

— А ну, закрыла рот! — грозно зашипел он мне почти в губы.

И надо было бы испугаться, но это не про меня. По телу пустились в пляс мурашки и побежали волны восторга. Это еще что? Гормоны? Я забила еще активнее, на что меня весомо приложили о стену.

Незнакомец еще раз втянул воздух, только уже возле моих волос. Батюшки святы, меня аж в жар кинуло от его курлыкканья, или что он там издавал. Под каким-то наваждением я потянулась к нему. Порыв был секундным, но и этого хватило, чтобы он впился мне в губы. Жестковато, прижимая меня к стене всем телом.

От него пахло озоном, как бывает после грозы или сильного дождя. Мой любимый запах свежести, чистоты. Хотелось бы мне так простоять вечность. Эх, не судьба моим хотелкам

сбыться сегодня.

Поцелуй был прерван так же быстро, как и начался. Потому что наши губы слегка ударило током. Мужчина отстранился, тяжело дыша. Про свои ощущения просто молчу. Мне показалось, я сейчас отключусь. Ноги подкосились, но меня снова припечатали к стене.

— Ну сколько можно, мне ведь больно, — возмутилась я в капюшон.

Он немного ослабил хватку.

— Вот, так получше, — передернула я плечами.

Незнакомец в капюшоне улыбнулся, мимолетно, но я заметила.

Боги всемогущие, какая улыбка! А его губы такие манящие, такие притягательные.

Да что со мной? Мысленно я пнула себя. Какие губы? О побеге думать надо. Давай, мозг, пора клеточки заставить поработать. Надо думать, как его обезвредить.

И снова судьба посмеялась. Клетки мозга отказались работать, на ум ничего не приходило. А мужик прижимал меня к стене и, по-моему, уже и забыл, зачем меня выслеживал. Он тяжело дышал и немного злился.

А сама? Сама-то не лучше, как кисель поплыла.

Я сжала воздух в комок и пальнула им в трухлявую стену напротив. Посыпалась крошка.

В этот момент я создала воздушную подушку на уровне чуть ниже его коленей. Хорошо хоть, руки мои были опущены и он не видел моих манипуляций. Иначе накрылась бы моя конспирация. Хотя если он не глуп, то обо всем скоро сам догадается. Главное — мне к тому моменту оказаться подальше.

Мужчина отвлекся на звук, чем я и воспользовалась, толкнув его со всей силы.

Он, падая, выпустил мой рукав и некрасиво шлепнулся на землю. Капюшон слетел, нападавший быстро вскочил, оглядываясь по сторонам.

Он был блондином, причем платиновым. Как у него получилось так волосы отбелить? А лицо было в маске. Это еще что? Зорро, блин.

Пока он осматривался, я рванула к выходу из переулка. Не успела! Передо мной в землю ударил разряд, я так и остолбенела. Меня чуть молнией не пришибло!

Медленно повернулась, в шоке уставившись на мага.

— Ты только что чуть меня не убил?! — дрожащими губами зло произнесла я.

Человек в маске улыбался не очень доброй улыбкой, а самое главное — его глаза. Это были те же глаза, что сегодня пытались прощупать меня на рынке. Меня пробила мелкая дрожь, в солнечном сплетении почему-то стало жарко. Злость пересилила страх. Зубы начали стучать, а в руках я почувствовала покалывание. Подняла ладони и не смогла даже пискнуть, в такой ужас пришла. Хотя, казалось бы, куда сильнее, меня молнией чуть не прибило, а нет, еще есть куда.

— Что ты наделал? — в смятении уставилась я на свои руки. Ник предупреждал меня про спонтанный выброс от сильных эмоций, а с моим резервом он был бы разрушительным. Я с сожалением посмотрела на парня в маске, на его приоткрытый в удивлении рот. Жаль, такой генофонд пропадет.

— Я не забуду твоих глаз, — шепнула маске.

Услышал или нет, было неважно.

Я прикрыла глаза, сосредоточилась на своих ощущениях и визуализировала, как вся энергия устремляется в небо.

Ярость моих молний была так велика, что стало светло как днем. Я чувствовала, как они рвутся расползтись в стороны, уничтожая все вокруг, как жалят окружающее пространство,

вырывая куски кирпича из стен домов и кроша черепицу. Видела, как обуглились рядом деревья, трава и кусты.

Но я смогла, я справилась, все молнии вместе с эмоциями покинули меня, устремились в небо и вызвали там изрядную суматоху туч, оставив легкое покалывание на кончиках пальцев и опустошенность внутри.

Мне казалось, прошла вечность, но выброс длился всего четверть минуты.

— Ну, здравствуй, магия молнии, — обрадовалась я ей как подружке и осела на брусчатку.

Мужчина лежал недалеко от меня, видимо, его все же задело. Подползла к нему, грудь незнакомца вздымалась от мерного дыхания, на плече было прожжено огромное пятно, и пахло паленой кожей.

«Блин, ранила все же, — прикусила я губу и возмущенно засопела. — Крови нет, значит, жить будет. Ну а не хрен лезть куда не следует».

На улице послышались голоса. Я быстренько встала, подрагивая от пережитого страха, вышла из переулка. Хорошо, хоть тут повезло меня — никто не заметил.

То, что я не отключилась после выброса, было чудесным везением. Я поспешила к рыночной площади, оттуда торопились стражники и зеваки. На меня никто внимания не обратил, и я прошла к рядам торговцев.

Как и думала, мой Митя уже ушел. Надеюсь, хоть в трактире-то подождет. И направилась быстрее туда.

Ну, хоть вечер мой, улыбалась я старичку, который решил выехать сразу после моего прихода.

Переоделась и, собрав свои конспекты, быстренько погрузилась в телегу, которая уже была пуста и манила прилечь под теплый Митькин тулуп.

Забрав камушки, стражники выпустили нас за ворота без проблем, как и других торговцев за нами. Только теперь я смогла вздохнуть с облегчением. Хотя погода обещала быть не самой благоприятной из-за моего выброса.

«Ничего-ничего, — успокаивала я себя. — Главное — успела удрать. Больше и носа не высуну из трактира. Надеюсь, Ник не узнает о моем набеге на столицу».

Митя погнал лошадей быстрее, облачившись в плащ, а я накинула тулуп, устроилась поудобнее, сверху накрылась плащом, чтобы не промокнуть, и провалилась в сон без сновидений. Видимо, выброс забрал последние силы, поэтому я держалась на честном слове.

15. Сиротой вырос, горя море вынес

— Глупости твоей нет предела! Я думал, мы договорились: без меня ни шагу. Я думал, ты взрослая, а ты как малыш, тебе еще с мамкой под присмотром сидеть, — орал Николас как ненормальный.

А узнал он все от Марии, сообщившей ему о моем выбросе и опустевшем резерве.

— Сам глупый и мелкий, — обиделась я. — Ничего серьезного ведь не произошло. — И я пожала плечами в ответ на его крики.

— Ничего не произошло? Ничего? Ты в своем уме? Тебя увидел посторонний человек. Он знает тебя в лицо. Он знает, что в тебе есть как минимум два типа магии. О боги, за что вы послали мне эту женщину?

— Меня к тебе вовсе не посылали. Я тут случайно оказалась. Я не виновата, что мне дали столько силы. Надо было тогда сразу меня к магам везти, а не нянчиться! — заорала я.

Слезы уже начинали сковывать горло. На наши крики прибежала Мария.

— Вы пугаете постояльцев, — возмутилась она. А потом подошла ко мне и на ухо шепнула: — Щенок воет и сейчас дверь сломает. Чувствует, что тебе опасность грозит, защитник маленький.

От ее шепота не было никакого толку. Ник-то дракон, он все услышал и злобно уставился на нас.

— Что? — крикнула я ему. — Мой щенок. Кого хочу, того и держу. Ты мне друг! И как друг должен поддерживать, а не орать. К тому же в городе тот человек в отключке был после выброса, а я в плаще была, меня никто не увидел. И уехали мы сразу. Возникнут проблемы — решим все по мере их поступления. Хватит меня отчитывать.

Развернувшись к двери, я поспешила в комнату, где дверь и правда была порядком потрепана от коготков моего найденыша. Малыш скулил, подвывал, царапал дверь.

Я взяла волчонка на руки. Бедное его сердечко колотилось с бешеной скоростью.

Дверь с грохотом открылась, едва не слетев с петель, и на пороге возник Николас, все так же злобно сверля меня взглядом и гневно раздувая ноздри.

— Это еще что такое? — ткнул он пальцем в щенка и заорал с новой силой, тараща глаза: — Какого нечистого эта тварь тут делает?

В ответ волчонок оскалился и зарычал на Ника. Ну право, слон и Моська. Так смешно стало. Все мои эмоции перешли в истерический смех со слезами.

Успокоить Ника получилось к обеду. Ну как успокоить, он просто уснул у меня в комнате. Щенок лежал на своей подстилке, не сводя глаз с незваного гостя.

— Маш, давай сегодня испечем разных пирожков, а я завтра съезжу в приют к детишкам, — попросила я женщину, суетившуюся у стола с зеленью.

— Чего ж не испечь? Очень доброе дело. Вот только как он на это отреагирует?

— А мне-то что? Свои психи пусть на родственников своих выплескивает. Тем более мне надо в библиотеку книги отвезти.

— Ты все же Ника предупреди. Еще одного скандала эти стены не выдержат.

— Хорошо. Проснется — предупрежу. — Радостная, я отправилась за мукой. Надо же тесто месить, да побольше.

— Я еду с тобой! — зло выплюнул Ник и вышел на улицу.

— Да ради бога. Раз тебе нечем больше заняться, — пожала я плечами и пошла к печи

доставать вторую порцию пирожков. «Надо бы еще сосулек из сахара им сделать», — подумала, вспоминая детство.

Ник прилетел утром, как и обещал. Пахом запряг повозку. Я выудила из одной комнаты подушку себе для поездки. Надо бы нашить маленьких подушек на стулья в комнаты. Да и в приют, может, пригодятся. Так, вся в думках, я и поехала с Пахомом в телеге, и рядом Ник на лошади.

Сначала завернули в библиотеку, чему тамошняя старушка очень обрадовалась. И разрешила брать все что хочу, раз я оказалась честной девушкой. Я заверила ее, что не раз еще зайду.

Подъехав к особняку, я соскочила с повозки и, подхватив две корзины с пирожками и сладостями, направилась за покосившийся забор.

— Лилия, ты куда? — удивленно окликнул Ник.

— Как куда? К сиротам, Ник, куда и собиралась изначально, — махнула ему головой. Пахом уже семенил за мной.

— Погоди. Тут какая-то ошибка. Этот особняк должны были разобрать еще лет двадцать назад. Тут не могут жить сироты. Им выделяли дом в конце центральной улицы, — нахмурился дракон.

— Ну, видимо, не выделили. И они живут тут.

Я постучала в дверь, не понимая, зачем Ник ломает комедию. Дверь открыла Антонина.

— Лилия, доброго утра. Вы почему не предупредили, что приедете? Мы хоть подготовились бы, — удивленно глядя на гостей, пролепетала женщина.

— Ой, ну что за глупости! К чему готовиться? Я вот пирожков напекла и привезла, детишек порадовать. Со мной Пахом приехал, а за компанию его светлость герцог Николас, младший брат владельца наших земель, — кивнула я в сторону мужчин.

По мере моего представления глаза Антонины округлялись, она легко вздрогнула, потом схватила меня за руку и втащила в дом, захлопнув дверь перед носом Пахома.

— Лилия, это не младший брат, это самозванец. Он что-то от вас требует? Я лично знакома с братьями, и он не один из них, — лихорадочно хватая меня за руки, шептала женщина, поглядывая на дверь.

— Э-э, Тоня, вы не нервничайте. Все хорошо. — Я поставила корзинки и приобняла ее за плечи. — Сейчас разберемся, кто есть кто.

Пахом подтвердил мои слова, сам же Ник пребывал в молчаливом ступоре.

Из игровой комнаты появилась уже знакомая мне рыжая девчушка. Я ей махнула, и она, улыбаясь, махнула в ответ. Видимо, дети проснулись.

— Пройдемте в столовую, скоро дети будут завтракать. Надо будить остальных, — отвлекла нас разговорами Антонина, все еще с опаской посматривая на Ника.

Пахом подхватил корзинки и понес за женщиной, а я притормозила, дернула Ника за руку и потащила за собой.

— Быть такого не может. Я раз в месяц получаю отчеты, в них прекрасно расписано, как живут дети в доме, куда тратятся деньги, — подал голос Ник. — Нам надо поговорить с управляющей. Тут какая-то ошибка. — И он двинулся за ушедшими в столовую Пахомом и Антониной.

Дети несказанно обрадовались угощениям. Ник и Тоня ушли в кабинет, а мы с Пахомом остались играть с детьми. Старшие, как оказалось, раньше ушли на свои подработки, мы отложили им пирожков и сосулек.

Ник несколько часов беседовал с управляющей, пересматривал документы, которые она вела. По учетным книгам проходила помощь от горожан, от храма, и все. Никакой помощи от братьев. Николас и Антонина вышли почти к обеду, продолжая разговор на ходу.

— Куда же тогда уходят средства? Мы с братом лично из своей прибыли выделяем деньги сиротам на проживание.

— Не могу знать, ваша светлость. Нас привезли сюда двенадцать лет назад.

— А как же тот дом, который мы вам выделили? Что с ним?

— Нам сразу отдали этот дом. Другого у нас не было, — развела руками женщина.

— Госпожа Антонина, я обязательно разберусь в этом деле, — пообещал Ник. — Только вы пока не сообщайте об этом никому. А то можем спугнуть самозванцев, что вас лишили дома.

Управляющая утвердительно кивнула.

— Лиля, нам пора домой, у меня появились срочные дела, — твердо произнес дракон и двинулся к выходу.

— Хорошо, идем, — не стала провоцировать я и так разозленного дракона.

Выйдя в холл, мы наткнулись на двух девушек, на вид моих ровесниц в нынешнем теле. «Сестры, наверное. Похожи очень», — подумала я. Они вежливо поклонились, здороваясь, и быстренько ушли в игровую.

— Это наши выпускницы. Они сестрички, — подтвердила мою догадку Тоня. — Родители умерли от чахотки, позаботиться было некому. Привезли к нам. Злата и Рима. У Златы есть небольшой дар земли. Рима идти в храм после выпуска отказалась, она подрабатывает у местной модистки портнихой, хочет собрать сестре денег на учебу в академии. Модистка летом забирает ее к себе, даст комнату и будет платить, но без сестры. Что делать — ума не приложу, — грустно глядя вслед ушедшим девушкам, закончила рассказ Тоня.

Я, конечно, не мать Тереза, но сирот было жалко. А мне нужна пара рук в помощь. Сложив два и два, сказала об этом Тоне. Ник в нетерпении стоял у выхода.

— Это было бы замечательно. Сердце успокоилось бы. Я поговорю с девочками.

— Тонь, давайте так. Я сначала это обсужу с Марией. Мы все взвесим, и завтра я приеду уже поговорить с самими девушками. Когда они все на месте?

— Да-да, точно, Мария, — растерянно кивнула женщина. — Дети приходят обедать, потом снова уходят работать до вечера.

— Хорошо, завтра на обед договоритесь с ними о встрече.

— Да, я предупрежу их.

Я отправилась к телеге. Во дворе столкнулась с Ромкой и Тимом. За ними шла девчушка меньше меня ростом. Худенькая как тростинка и бледная, будто болезненная. Большие зеленые глаза, курносый носик, маленькие пухленькие розовые губки и длинная черная коса. Уже подойдя ближе, я увидела острые ушки, выглядывающие из-под волос. Она их прятала, это заметно. Видимо, полукровка. Вот же эльфы недоделанные, плюнула я на них в сердцах.

— О, госпожа Лилия. Добрый день, — махнул рукой Тим. А Рома только кивнул и пошел в дом. Как всегда, молчалив и угрюм. Девушка залилась румянцем от моего пристального разглядывания и тоже поспешила внутрь.

— Давай их заберем. Маш, представь, что с ними станет на улицах. Если парни разбойничать будут, то девушкам либо в храм, либо в дом утех. Их там уничтожат.

— А чем мы кормить всю ораву будем? У нас долгов, Лиля, выше крыши. Мы и так еле концы с концами сводим. Нет ни мебели, ни постели для них.

— Найдем все со временем. Часть денег откладывать можно на долги, а часть на траты. На тот золотой, что ты мне давала, можно столько закупить. А если к нашим кузнецу или мебельщику обратиться, то, может, в долг сделают, а мы постепенно вернем. Нам намного легче будет и сбор в лесу делать, и тут управляться. Да и тебе не надо будет со стрижкой овец мучиться.

— Ох, Лиля, непосильную ношу ты берешь на себя. Детка, ты ж еще совсем молоденькая. За самой надо досматривать.

— Маш, успокойся. Что вы тут, как курицы-наседки, со мной носитесь? Я взрослая. Я отвечаю за свои поступки сама. А детям пропасть не дам.

— О всевышний! Она уже все решила, а мне говорит, чтобы знала и не сопротивлялась. А вообще, дорогая моя племянница, трактир ты у меня скоро купишь официально, как долг выплатим. Так что делай что хочешь. Чего это я тут запрещаю тебе, занимайся. А мне надо еще нитки разложить. Попробую завтра по дворам пройтись, может, продам что.

— Какие нитки?

— Шерстяные, — достала Мария клубок из корзинки.

— А почему не связать носки из них и не продать носки? Выйдет дороже. Хотя сейчас тепло, но после лета точно все разберут к холодам.

— Не знаю, о чем ты! Я таким делам не обучена. Это бытовики, скорее, умеют. Или те же эльфы, — махнула она рукой и пошла на выход.

— Маш, стой, не уходи. Оставь, пожалуйста, мне два-три клубка, я сделаю из них нитку потолще и свяжу тебе пару носков, ты посмотришь, можно ли их будет пустить в дело.

— Ты же не отцепишься? — вздохнула женщина. Достала два белых и один коричневый клубок, положила на стол и ушла.

Я, пока не стемнело, сбегала к нашему кузнецу, объяснила, какие спицы мне нужны и сколько. Он почесал затылок, показал, какие у него есть заготовки для будущих узоров. Там как раз оказалось несколько длинных тонких прутиков, я взяла два и попросила сделать петельку с одного конца. Еще взяла пять тонких и пять коротких потолще, кузнец немного заострил их по моей просьбе, я отдала четыре медяшки и, радостная, побежала в таверну.

Утром я не могла дожидаться Пахома, чтобы он отвез меня в город. До обеда решила посидеть в библиотеке. Но не высидела. Пришла в приют немного раньше, чем оговаривалось. Помогла с готовкой, поиграла с младшими и пошла в кабинет ждать старших, которые уже пришли на обед.

В дверь постучали, а после приглашения в кабинет вошли пятеро человек. Парней я уже знала лично, а девушек нет, только вчера столкнулась с ними, и все.

— Здравствуйте, госпожа Лилия, — просиял Тим.

— Привет, ребята, — махнула я им рукой на диван. — Проходите, присаживайтесь.

— Дети, хочу вам представить нашу гостью. Это племянница нашей Марии, госпожа Лилия.

— Мы знакомы уже. Зачем пожаловали? — грубо прервал Тоню Рома.

— Роман, прекрати грубить. Человек приехал к вам с предложением. Выгодным для вашего будущего предложением, — строго отчитала управляющая Ромку, и он притих, уставившись в пол.

— Итак, — начала я, — вы скоро уже уйдете в свободное плавание. Кто куда пойдет, как Антонина поведала, решили не все. — Я посмотрела на девчонок. — У Марии, как некоторые могут быть в курсе, есть трактир. Он до некоторых пор находился в упадке. Я привожу его в порядок. Поэтому туда постепенно возвращаются люди. Трактир стоит на дороге между двумя городами, так что расположение удачное для дальнейшего развития. Поскольку поток постояльцев увеличился, нам нужна помощь.

— Можно я скажу? — подняла руку одна из сестер. — Я уже нашла работу, мне тут присутствовать обязательно?

— Рима! — повысила голос Антонина. — Прекрати.

— О, нет-нет, я не против, Тонь, пусть девушка идет. У нее есть план на будущее, не стоит ей мешать. Остальных попрошу дослушать меня, а потом к лету жду вашего решения.

Рима ушла, и я продолжила:

— Я не смогу вам платить, но это поначалу. Потому что предыдущий хозяин трактира оставил очень большой долг. Но после выплаты долга дело пойдет на лад, и мы сможем зарабатывать не только на еду, но и на другие свои нужды. Со своей стороны могу предложить вам сейчас еду и крышу над головой за помощь по хозяйству. Работы много, но зато у вас будет свой дом.

— А когда нам надо дать ответ? — тихонько подала голос темненькая девочка.

— Ева, говори громче, — посоветовала Тоня.

— Я готов пойти прямо сейчас, — вдруг встал Тимур.

Ого, согласились быстрее, чем я рассчитывала.

— Думаю, Ромка тоже согласится, да? — уставился Тим на друга. Тот смущенно кивнул, но голоса не подал, сверля пол взглядом.

— Тогда и я готова пойти, — погромче добавила Ева, нервно теребя передник платья.

Видимо, подрабатывала на кухне в городе. И все уставились на Злату.

— А я что? Я как все. Если потом нам еще и платить будут за работу, так почему бы не помочь. Только где гарантии, что вы нас не обманете?

— О-о, у тебя деловая хватка, Злата. Мне это нравится. Не обману. Можем заключить долгосрочный контракт и обговорить в нем все пункты, которые тебя беспокоят.

— Просто мне не хотелось бы, уходя от дома утех и храма, оказаться чьей-нибудь подстилкой у вас в трактире.

— А-а, вот ты о чем. Нет, с этим у меня строго. Никаких отношений с клиентами на работе. В комнатах никаких посторонних женщин или мужчин быть не должно. Если что-то захотели, делаете за пределами трактира. Предупредили, что уйдете, и все. Это же ваша жизнь, и не мне ею командовать. Но на моей территории, то есть в трактире, должен быть порядок.

— Тогда я согласна. Заключим договор, и я готова ехать с вами, — важно покивала Злата.

— А когда можно переехать? — снова тихонько спросила Ева.

— Ах да, по поводу переезда. Давайте так. Я подготовлю для вас комнаты, и тогда решим насчет переезда. А пока можете до лета оставаться тут. Но если хотите поехать сейчас, то я уезжаю вечером. Правда, с комнатами тогда придется мне помочь.

Все разошлись по своим делам. Одна Ева немного задержалась.

— Я бы хотела поехать с вами сегодня, если это возможно. Мне не обязательна комната. Матраса будет достаточно.

Батюшки, что же с ней в прошлом происходило, что она до сих пор будто напугана?

— Конечно, возможно, — улыбнулась я ей.

Она просияла и, поблагодарив, убежала работать.

Счастью Антонины не было предела.

— Тоня, я не обещаю, что все будет гладко, но обещаю, что постараюсь за ними приглядывать и дать им достойную жизнь в будущем. Если сама доживу до того будущего, — посмеялась я.

Вечером, как и договаривались, Ева поехала с нами. Ребята остались дорабатывать на своих подработках, чтобы помочь Тоне. Злата осталась до лета, чтобы подольше побыть с сестрой.

— Ты можешь хоть один раз прийти из леса или приехать из города одна? — возмутилась Мария, когда я завела с собой Еву.

— Не бойся, милая, она просто бурчит. Пойдем, я покажу комнату, где ты будешь жить, — отмахнулась я от Маши и повела девочку к кухне.

— Ну конечно, можно на меня махать рукой теперь, — продолжила бурчать бабуля.

— Маш, я не пойму, ты не продала свои клубки? Или на огороде зелень сгорела на солнце? Или у нас целая таверна постояльцев, а я не в курсе? Какая вожжа тебе под хвост попала?

— Никакая, — отмахнулась Мария. — Зверье твое накормлено. Оставшиеся нитки я положила тебе в комнату.

— Вот и отлично. А то бурчишь там что-то себе под нос. Я свяжу носочки, только подожди пару дней.

— Да вяжи ты что хочешь, — махнула она рукой и ушла на кухню.

16. Находка за злато — живем богато

— Вот делать мне больше нечего, кроме как среди ночи таскаться по лесу и искать этот лунный цветок, — бурчала я, вышагивая по листве и веткам спустя два дня.

Нашла! Целую поляну! Отлично! Я набрала полную корзину и сумку. Цветок хрупкий и капризный, хорошо, стазис имеется, так намного проще его хранить. Спасибо Нику за его камешки.

Я огляделась, уже пора возвращаться. Далеко же я забралась. И не боится Маша меня отпускать? Вдруг случится что? Ох уж эти маги бессмертные.

Метрах в пятистах в стороне от своего пути я увидела свет. Это что, сторожка чья-то? Или охотники? Любопытство выиграло, и я направилась к свету. «Как бабочка на огонь», — промелькнула мысль, уже когда я почти подошла. К чему бы это?

За деревьями и кустами я отчетливо увидела костер. Остановилась, услышав непристойную ругань и гогот каких-то мужиков, а в довесок к этому донесся женский плач.

Вашу мать, что тут происходит? Я испуганно попятилась за дерево. Это что же, разбойники? Кого-то изловили? Не те ли, которых разыскивают, а я вот так наткнулась, собирая цветы? Мама дорогая. Что же делать? Они же рядом с деревней, неужели там есть их пособники?

Мысли беспорядочно скакали в голове, а тело почему-то решило взлететь на дерево. Я же высоты боюсь. Куда меня понесло?

Дерево оказалось дубом. Не старым, но ствол уже был довольно широк. И вот корзина под деревом, я на дереве. Спряталась за ствол, чтобы не увидели, вдруг там кто глазастый имеется. Тело уже трясла мелкая дрожь, как при резком похолодании.

До дороги минут двадцать бегом. При условии, что не собьюсь с пути. А дальше что? К старосте бежать? А вдруг он и есть пособник? К Марии? Нет, ее подставлять под удар нельзя. До города далеко, даже если захочу — не успею. А вдруг тут еще и маги есть? Да любому есть. Это же магический мир, чтоб его.

Меня уже знатно лихорадило от страха и безысходности. Хотя откуда безысходность? Я-то тоже маг! Ага, тот еще, конечно. Мало ли какие они зверства могут сделать? Током, может, их ударить? Нет, направление молнии я пока не контролирую, поубиваю еще всех. Да уж, опыт в поимке преступников мне сейчас оказался бы как нельзя кстати. Я опечалилась из-за отсутствия такового.

Может, их выловить по одному? А вдруг хватятся одного и кинутся вместе? Так, а вместе — это сколько?

Я выглянула из-за ствола, вокруг полянки по кругу почти везде рос кустарник. «Высоко сижу, далеко гляжу», — вспомнила я нашу сказку, усмехнулась. Напряжение стало отпускать. Разрядила себе обстановку.

Недалеко от меня оказался проход на полянку. На противоположном ее конце располагался нужник, а в середине, у небольшого костерка с котелком, сидели трое заросших мужиков в лохмотьях.

Откуда доносились всхлипы женщины, не было понятно. На всякий случай я перешла на магическое зрение, как учил Ник, и увидела по периметру полянки четыре ловушки, связанные между собой оповещателем.

Одна у нужника, вторая у прохода на поляну и две подальше от двух входов. Видимо,

там и находится девушка. И сколько мне тут еще сидеть? Других ловушек не нашлось, значит, стоянка здесь не надолго. На сколько? Спать они будут? Дозор оставят? А вдруг у них бессонница? Ну почему в такие моменты нет рядом Ника? Или хотя бы камня, чтобы с ним связаться?

Так, все, хорош ныть, Лиля. Не так страшен черт, как его малюют. Я дала себе мысленную пощечину.

Сколько я просидела на дереве, не знаю, но, наверное, задремала, так как женский вскрик вывел меня из сонного состояния.

Один мужчина из этого отребья стоял совсем недалеко от места, где было две охранки.

— Если они не хотят за тебя платить, значит, не так уж ты и дорога им. — Посмеиваясь, он с размаху ударил женщину. Та закричала, но, видимо, рот был заткнут, так как крик вышел приглушенным.

— А раз ты им неважна, то завтра с обеда мы можем прекрасно провести с тобой время, не так ли, красавица? — Он снова пнул женщину башмаком, та сдавленно вскрикнула и затихла.

— Э-эй, Борода, хорош уже издеваться. До завтра времени полно.

— Да-а, завтра, надеюсь, заберут, а если нет, так по кускам пришем, — заржало это хамло бородатое.

Борода? Что-то знакомое. Откуда я знаю эту кличку? А, ладно, не время вспоминать.

— ...спать. А то вставать рано, время позднее. В дозоре ты сегодня, Борода, — донеслось от костра.

— Да ну ее к темным. Кому она нужна? Спать охота, надо отлить да валиться, а то как завтра без сил такую строптивую кошечку брать? — заржало снова это чудовище.

О чем они конкретно говорили, было непонятно. Но что девушка похищена, это сто процентов.

Вскоре бандиты улеглись, потушив костер и подшучивая над бородачом про его ненасытный орган.

И как ее спасти? Две охранки держались на кустах, так как если бы лежали на траве, то подошедший бородач их бы спустил, значит, не боятся, что пленница убежит. Но нужник свой ребята забыли на ночь хорошенько закрыть.

Когда на поляне раздался дружный храп, я тихонько, насколько было возможно, спустилась с дерева.

По лесу бесшумно я пройти не смогу, придется пользоваться магией ветра. Не подведи, дорогая, на благо стараемся. Резерв был наполовину полон, утренняя тренировка с Ником его не опустошила.

Я сосредоточила потоки в стопах и, подхватив корзинку, побежала по сгущенному воздуху вокруг полянки к туалету. Отдышаться не получилось, так как вонища стояла знатная. Все же они тут не первый день. Странно, что их еще никто не нашел. Благодаря магическому зрению я обошла ловушку и поплыла к плененной женщине.

Картина, представшая пред моими очами, ужаснула.

На еловых ветках лежала связанная по рукам и ногам девица. Лицо представляло собой просто сине-красное месиво. Волосы слиплись и сбились в колтуны. Один глаз заплыл настолько, что было непонятно, цел ли он. Платье, местами с выдранными клоками, оголяло тонкие лодыжки, на которых тоже красовались огромные синяки.

Я опустилась около пленницы. Она вздрогнула и по инерции попыталась отползти.

— Тихо ты. Не шевелись, а то вместе погорим, — зашипела я на нее.

Девушка открыла не сильно заплывший глаз. Замерла, не веря, тряхнула головой, зажмурилась, снова уставилась на меня. Потом повернула голову на спящих-храпящих.

Я распутала ей ноги. Вынула кляп изо рта. Идти она не сможет, одна нога сильно опухла. Надеюсь, там не перелом.

— Прости, мне придется тебя отключить. Не хочу, чтобы ты от боли случайно их разбудила, — кивнула на ее охрану.

Глаз девушки округлился, но мне было не до разговоров. Объяснять ей, что я не хочу палиться со своей магией, мне было ни к чему.

Я послала легкий лечебный сон в виски девушки, как научила Маша. Девушка обмякла. Отлично. На себе ее не потащу, у меня корзина и сумка, остается сделать воздушную перину и срочно уплывать отсюда.

Сжала под ней воздух до нужной кондиции для подъема, даже вспотела. Себя-то я поднимаю без труда, а вот других не пробовала еще, вышла своеобразная тренировка.

Потихоньку потащила облако за собой, подняв чуть выше травы. У нужника пришлось задержать дыхание и обойти ловушку, что я благополучно и сделала. Затем, укрепив в ногах потоки, пустилась бегом, таща воздушную перину с принцессой за собой.

Добежала до дороги, и магия дала сбой. Перина стала опускаться, ноги пошли по земле. Как я не заблудилась еще, не знаю. По-моему, тренировки в лесу не прошли даром, ориентиры отлично за два месяца запомнила.

Трактир уже был виден, пришлось закинуть спасенную на плечо и торопиться за ограду. Было нелегко, корзина мешала держать ее обеими руками, а девушка то и дело съезжала со спины. Сумка тоже тянула вниз, натирая шею. Ноги подкашивались, но адреналин делал свое дело.

— Русские своих не бросают, — пыхтела я.

Ввалилась в зал и просто рухнула с девушкой на пол. Корзина осталась у двери вместе с сумкой. Спасенная проснулась, застонала. Батюшки, хорошо, людей нет в зале, все спят.

— Жива! Сейчас, потерпи, я позову лекарку, она немного поможет.

— Пить.

— Сейчас принесу. Лежи, не двигайся, не хочу, чтобы ты повредила себе еще что-то в темноте.

Закрыв входную дверь, я поспешила к графину с водой, налила и залпом сама осушила кружку. Потом налила еще и отнесла девушке. Хотела крикнуть Машу, но вспомнила про постояльцев. Видимо, не втягивать ее не смогу.

Я поднялась и на трясущихся ногах заторопилась, насколько это было возможно, за Марией, но она уже шла мне навстречу. Наверное, услышала грохот, мы же ввалились как слон в посудную лавку.

Девушку отнесли ко мне в комнату. Кости оказались целы, но ушибы были очень сильными. Маша влила девушке отвар, напитанный магией, чтобы снять воспаление внутренних органов. Кровотечение остановили быстро, сообщая срачивая мелкие капилляры и тонкие венки. Благо крупные сосуды не были повреждены.

Рассеченные раны на лице Маша не тронула, с такой опухолью это было очень сложно сделать, оставили до утра. Взвар подействует, и опухоль должна спасть.

Я прикладывала лекарственные примочки на глаз и губы девушки, ей было больно, я видела, как она хмурится и сжимает челюсти при прикосновениях, но надо отдать ей

должное: она не проронила ни звука.

Уже заметно подросший щенок спрятался под кровать, чувствуя, что нам не до него, но периодически поскуливал, давая о себе знать.

К утру девушка затихла, мерно посапывая, а я, накинув щит тишины на дверь, рассказала Маше, что случилось.

— Как это у деревни совсем? — воскликнула она.

— Да вот так. Думаю, здесь есть подельник этих бандитов, поэтому их так долго не могут найти. Надо срочно вызывать Ника.

В чем мы обе были солидарны, так это в намерении никому не говорить о девушке до прилета дракона и вести себя так, как будто ничего не случилось.

Дракон прилетел через пару минут после вызова. Девушка еще спала. Опухоль заметно уменьшилась, и ранки получилось зарастить. Заплывший глаз оказался на месте, что меня несомненно порадовало.

Стоя над ней, осматривая и протирая раны, я вдруг поняла, что ее уже видела. Точно видела. Эта девушка останавливалась у нас с двумя охранниками не так давно. Непонятно, где же бойцы. На вид крепкие ребята были.

— Как она? — спросил вошедший Ник и тут же весь подобрался, нервно втягивая воздух.

Крылья его носа затрепетали, а глаза то и дело меняли зрачок на вертикальный.

— Да как и я, когда меня Маша нашла. — Я не обращала внимания на его изменения. Наверное, он в шоке от вида девушки. Хорошо хоть, он не видел ее вначале. И тут меня будто молнией прошило.

— Ник, Ник, миленький, это же были они, — медленно повернулась я к дракону, который так и стоял столбом у двери. — Те, кого я в лесу встретила при появлении. Там кличка у одного «Борода». Я вспомнила, откуда мне она показалась знакомой. — И я осела на пол.

Ник метнулся ко мне, поднял и усадил на стул. Нервно прошел до кровати больной и, не решившись на что-либо, вернулся ко мне, сжимая кулаки до хруста.

— Надо просмотреть записи, ее я тоже вспомнила. У меня записано, когда и кто заселялся к нам. Она с двумя охранниками приезжала, когда я только навела порядок. Вспомни, я рассказывала о хаме, который шлепнул меня.

— Да, да, помню я, — еле выдавил мужчина сквозь зубы. — Надо привести ее в чувство и записать показания.

— Хорошо. Сейчас позову Машу, она разбудит ее. — Я встала и на трясущихся ногах направилась к двери. Дрожь снова пробрала все тело, когда я вспомнила свое попадание сюда.

— Я уже не сплю, — вдруг услышала я за спиной.

Допрос прошел по стандартной схеме. Единственное, что пошло не по плану, — девушка отказалась оставаться одна с Ником. Ее напрягло поведение законника. Он нервничал и то и дело выпускал зеленые чешуйки на висках.

Весь допрос я сидела как приклеенная и держала ее за руку. Это оказалась та графская дочь, которая пропала. За нее объявили награду в пятьдесят золотых.

После допроса я снова ее усыпила. Сон — лучшее лекарство.

Благо помимо бородача я вспомнила и еще одну деталь из разговора, когда они меня в лесу нашли. «Граф платит золотом за дочурку».

Если бы я не знала, что Ник дракон, то сейчас бы просто ужаснулась его реакции. Ноздри раздувались от злости, чешуйки прорезались на висках и вокруг глаз. Глаза пару раз меняли зрачок на вертикальный.

— Э-эй, расслабься, Ник. — Я подошла к нему со спины и начала массировать плечи. — Все наладится. Осталось только тех бандюг переловить. К сожалению, моих сил на них не хватило бы. Резерв был на нуле.

— Нельзя голословно обвинять кого бы то ни было. Нужно найти доказательства его вины, — рыкнул дракон.

— Но я говорю правду, — возмутилась я. — Это не голословные обвинения. — Я обошла Ника и встала перед его лицом. — Можно проверить на камнях правды. Я уверена, что это правда. Я могу подтвердить свои слова.

— Лилия, ты не понимаешь? Что значит твое слово против слова графа? — снова зло выплюнул он.

— Но мы не можем просто так ничего не делать! — нервно погрызла я ноготь. — А тебе надо перестать злиться и подумать над дальнейшими действиями.

— Я злюсь не из-за этого. Она моя пара. Я почувствовал еще на подлете, не думал, что это она. Но дракона не обмануть. — Он встал и прошелся по комнате. — Тут еще вот что. Мой брат задержится в столице, у него появилось какое-то срочное дело. До лета точно не приедет. Поэтому расследование затянется. И с сиротским домом не все так просто.

— Ну, раз дела, пусть разбирается. Потом все, что у нас накопится, на него скинешь. Ты ему так и передай — мол, закопался, не вытяну сам.

Вдруг из-под кровати вылез щенок и ткнулся мне в ногу холодным носом, поскуливая.

— Ты чего? — спросила я малыша, присаживаясь на корточки.

— Это он дракона чует. Страшно ему, — ответил Ник на мою возню со щенком. — Я отправлю сегодня братишке отчет в столицу и обязательно потребую его приезда. А за графом надо будет установить наблюдение.

— Вы уж разберитесь как-нибудь побыстрее. И девушку надо бы подальше от отца убрать, вдруг со свету изжить захочет.

— Я подумаю об этом. В любом случае надо все обсудить с Мией.

— Вот и хорошо. Но ты знай: если что, мои двери открыты.

— Спасибо тебе. Я рад, что не отдал тебя тогда архимагам.

— Спасибо, что не отдал, — улыбнулась я. — Пригодилась. А теперь пошли на кухню, я тебя покормлю. У меня еще много дел. На сегодня четыре комнаты заказано, семь человек оставили заявки, торговцы едут из столицы.

Мария уже всю хлопотала с мытыми овощами и зеленью. Ева помогала все нарезать. Увидев нас, она немного засмушалась и вышла во двор. Неловко чувствовала себя девушка при таких птицах, а точнее, драконах высокого полета.

Мы потушили мясо со специями и сварили свекольник на кости. Получился наваристый, сытный.

Хорошо, Маша ходила утром к пекарю, та прислала четыре больших круглых хлеба. На всякий случай я испекла пару шарлоток и пирог с вишней. Напекли пирожков, чтобы дать еды в дорогу гостям. Из остатков ягод и яблок я сварила компот. Отнесла поесть щенку.

Ник, взяв свою еду, ушел в комнату к девушке и до вечера не выходил. Оказалось, за это время они уже договорились о помолвке. Я порадовалась за них, хотя, на мой взгляд, это было поспешное решение. Но для спасения девушки лучше поторопиться, чем промедлить.

— Я принесу вам поесть, а то уже вечер. А тебе надо отправить свои показания в столицу, — ткнула я пальцем в Ника. — И пусть там не забудут о награде. Мне она о-очень сейчас пригодилась бы.

— Вот ты какая алчная, оказывается, — прищурился Ник.

— Почему это я алчная? — не поняв его шутки, пошла я в атаку. — Ко мне под опеку выпускники из приюта переходят, мне надо им комнаты приготовить, хотя бы кровати купить и матрасы. Или что, я не достойна награды за спасение графини? А по совместительству твоей будущей жены! — Я подбоченилась. — Ты только представь, что они могли сделать с ней, если бы я не оказалась там в нужное время.

— Все, все, помолчи, — замахал он руками, — достойна ты награды, еще и я подкину немного от себя. А теперь, пожалуйста, иди за ужином. — И он вытолкнул меня за дверь под хихиканье Мии.

Как бы Николас ни просил брата о приезде, как ни старался, тот был весь в делах и даже награждать меня за спасение графини не приехал.

Зато приехал граф отчим, заказчик. С ним приехал казначей при его дворе, с ехидной улыбкой и хитрыми глазенками. Они отдали мне денежки, дождалось, пока пересчитаю и поставлю подпись о получении, забрали дочь графа и отправились готовиться к скорой свадьбе.

Вот так-то вот. Ни фанфар, ни тебе красной дорожки.

Графа до свадьбы дочери оставили в покое, Мию ничего не сказали. А мы с ней очень подружились за эти пару дней. Умная девушка оказалась. Рассказала мне, что, когда я ее на облаке тащила, она очнулась. Проснулась от резкого запаха у туалета, когда проходили. Заверила, что никому не расскажет о моем даре. Раз Ник хранит тайну, значит, и она сохранит. Вместо пятидесяти золотых Ник накинул мне всего двадцать.

— Ну ты и скряга, — посетовала я на двадцать монет в руке.

Ник, рассмеявшись, шепнул мне на ушко:

— Вот бы познакомить тебя скорее с братом. Уверен, ты бы ему понравилась.

На что я быстренько ретировалась к себе в комнату, припрятать кровные денежки под матрас. Да и что уж говорить, удрала от неприятной темы. Не мне, старушке, по молодым мужикам бегать.

17. Помощь человеку не канет в воду

Так как у Ника теперь совсем не будет времени на занятия со мной, он обещал прислать переговорный камень. Чтобы я могла сообщать о прогрессе или просить какие-то книги, если вдруг откроется еще один дар.

На время пришлось забыть о ментальной магии, хотя обладать двумя силами и не знать, в какой момент их прорвет, было опасно.

Пока никак не получалось открыть воду. И огонь не загорался, просто нагревал воздух вокруг и ту же воду в кастрюлях, не более. Дар молнии подчинить оказалось тоже непросто. По цели никак не удавалось попасть, молнии били куда вздумается. А во время моих занятий с ними постоянно набегали тучи, погода портилась, и люди жаловались старосте на потопа в огородах. А поскольку водой я не управляла, то дождь убрать была не в силах.

Оказалось, когда я использую дар молнии, все зависит от моего настроения: чем больше злюсь, тем сильнее раскаты грома, а если расстроена, что было чаще, то дождь льет потоками.

Пахом хотел было вызвать архимага, не зная, что пакости исходят от меня. Благо до нас дошли вести, и мы перестали упражняться. С молнией Ник решил ждать приезда брата. Тот был одним из немногих стихийников с этим даром.

Хм, один из немногих, а немногих — это сколько? Я вспомнила столичного блондина.

Пошла вторая неделя последнего весеннего месяца и пятидесятый день моего пребывания в новом мире. И все идет все очень плодотворно.

У меня уже почти есть свой трактир, чтобы зарабатывать на жизнь, магия и спасенные от нищеты сироты. То ли еще будет, Лиля, то ли еще будет.

На деньги, что мне вручили, я решила набрать мебели в комнаты детям и себе.

Оказалось, в деревне есть и мастер по дереву, и кузнец, и портниха, и мясник, и пекарь. В общем, столько рукодельников, что и в город можно не ехать.

К местному столяру меня отвела Маша. Им оказался мужчина азиатской наружности с желтыми глазами, по имени Шень. Батюшки, везде китайцы наследили. Но оказалось, он не китаец, а полукровка человека и василиска, отсюда и разрез, и цвет глаз. Я еще поудивлялась, что мужчина без хвоста. Оказалось, полукровкам оборот не под силу, только единицам, и те не живут среди людей.

Мастер привел меня в мастерскую, где уже были готовые изделия. Там я купила шесть столов и шесть стульев в комнаты. И полки для книг, если дети решат почитать. Шкафы оказались маленькими, не то, что мне надо, пришлось нарисовать, какие нужно, и вести его в трактир, чтобы снял размеры.

Все купленное Шень привез сам на своей телеге, его сын помог погрузить, только разгружать пришлось у трактира нам самим.

Пока мастер снимал мерки для шкафов, я попросила еще снять и для кроватей. О цене договорились, оплата — частично сейчас, остальное — когда сделает. Смотивировала, так сказать, на быстроту действий.

Кровати померили односпальные. Одна такая у Шеня уже была, и мы ее тоже забрали для Евы. Старую кровать из ее комнаты пришлось разобрать и отволочь в дальнюю гостевую комнату. Поставили ей стол и повесили полку.

Поэксплуатировала мужчину, пока он находился с инструментом у нас.

У девушки разве что слезы не катились от радости.

Итого на мебель вышло восемь золотых и тридцать серебряных монет. Я отдала мастеру пять золотых и серебро, а три золотом оставила на остаток мебели, когда сделает. В результате из семидесяти золотых осталось пятьдесят одной золотой и семьдесят серебром.

Пока расставляли мебель по комнатам, наступило время обеда. Хорошо хоть, Ева подсуетилась и приготовила его. Утром из семи приехавших осталось двое. Но я рассчитывала, что к вечеру приедут еще.

— После обеда сходим к твоей швее? — спросила Машу, а то вдруг у нее дела.

— Почему же не сходить. Сходим. Томочке заработок лишним не будет.

— Ева, замочи фасоль, к вечеру потушим овощное рагу.

— Хорошо. А печь что-то будем? А то мука на исходе.

— На исходе, говоришь? Значит, надо к пекарю зайти, может, купим мешок-другой.

— Она-то продаст, а тащить ты это все как собралась?

— Попрошу сына Пахома или сама по одному притащу. Своя ноша не тянет, знаешь ли. На месте разберемся, — махнула я рукой.

Пообедав, мы взяли большие мешковатые сумки и отправились сначала к портнихе Томочке.

— Вот же всевышний молодец, одаривает людей талантами! — воскликнула я, увидев красоту, что открылась на складе портнихи.

Там нашлись и подушки пуховые, и одеяла стеганые, шерстяные и пуховые, и постельное белье разных цветов и отделки. И скатерти, и занавески. Про одежду промолчу. Пришлось купить себе пару платьев, а то хожу в двух на пересменку.

— Ой, ну что вы! Я училась этому долгих пять лет. Да вот как умер муж, некому стало возить на городской рынок, деток не нажили. Все так и лежит тут, — махнула руками женщина.

— Ну, я немного вас освобожу от залежей, — улыбнулась я ей. — Какие одеяла дешевле, пух или шерсть?

— Шерсть дешевле. Ее много. Пух приходится собирать подолгу, — показала она на плотненькие одеяла, сложенные стопкой в углу.

— Значит, нам шесть шерстяных одеял и шесть пуховых подушек. По размерам на малую кровать. Мы их заказали у Шеня.

— Хорошо, я поняла, на какую кровать. Вот посмотрите такие, они немного больше самой кровати, будет чуть-чуть свисать, — показала женщина одеяло.

— Отлично, то что надо.

Маша уложила отсчитанные одеяла в один из наших мешков. Как она их туда впихнула, ума не приложу.

Подушки уже засунуть не получилось, из шести влезло три. И чтобы не ждать, пока я докуплю еще гору, моя бойкая старушка, подхватив два мешка, поволокла их в трактир. Хорошо хоть, на дороге встретился Пахом и помог ей с одним мешком. Я же осталась выбирать постельное белье.

— Мне надо четыре комплекта темного цвета и шесть комплектов светлых тонов. На те одеяла и подушки, что вы дали.

— Темные мало берут, но несколько у меня точно есть, — пошла она копаться на стеллажах. — Есть зеленые, красные, коричневые и один синий комплект. Да, вот эти на купленные одеяла пойдут, а к ним и на подушки таких цветов тоже есть.

Зеленые оказались с оранжевыми листочками, а коричневые — с математическими фигурами. То что надо для ребят. А нам с девочками я взяла два комплекта голубого постельного белья с розовыми цветами и пару бежевых в полосочку и серых с осенними деревьями. Еще девочкам в комнату я купила тонкие занавески и плотные шторы. Себе занавески, так как шторы еще были хорошие. На кровати взяла дешевые покрывала, сшитые из оставшихся лоскутов.

Купила передники и косынки для работы и себе те два платья. Оставила у Томи два золотых и двенадцать серебряных. Все сложила в оставшийся мешок к подушкам и села ждать Машу, подсчитывая расходы. Сорок девять золотых осталось и пятьдесят восемь серебром. Надо бы еще к пекарю за мукой да к мяснику заскочить.

Вместо Маши пришли Пахом с Евой. Я всучила девушке мешок с покупками, довольна увесистый, но Ева его легко закинула за плечи и направилась в трактир.

— Положи пока у себя в комнате. Мы со старостой пойдем к пекарю, — крикнула я ей в спину.

— Хорошо. Я сейчас приду к вам.

Видимо, где живет пекарь, она знала. А вот я нет, поэтому Пахом провел мне небольшую экскурсию и показал, где стоит мельница. Она располагалась на другом конце деревни, у реки, оттуда сыновья пекаря возили муку.

Сам дом выглядел как остальные, только за воротами оказалась пекарня, где хранились коробка с различной выпечкой, куда я непременно сунула нос. В них лежал камень со стазисом.

— Здравствуйте, уважаемые. Тот хлеб уже упакован на продажу в город, вам могу предложить подождать, к вечеру будет хорошая партия хлеба и лепешек, — окликнула нас пухлая женщина с красными щеками и белым колпаком на голове.

— Здравствуй, Зинаида. Это я Лилию привел, ознакомиться, так сказать, с ценой и продуктом.

— А-а, Пахом, не признала тебя. Это хорошо, знакомьтесь.

— Зиночка, а нет ли у тебя пары мешков муки на продажу?

— Как же нет, есть, знамо дело. Тебе ржаной?

— Лиля, какую муку тебе надо?

— Мне бы пшеничной, но и ржаная подойдет. А какая есть еще?

— А, так это тебе? Слыхала я, ты трактир Маше помогаешь поднять.

— Да, немного по хозяйству помогаю, — не стала я отрицать.

— Это хорошо, ей помощь пригодится. А мука разная есть. Ржаная, пшеничная, гречишная, кукурузная.

— Ух ты, прямо на выбор. Мне тогда два мешка пшеничной, один ржаной и один кукурузной.

— Хорошо, а грузить-то есть куда?

— Грузить некуда, сама донесу.

— Я помогу, — от ворот шла Ева.

— Ну и я мешок донесу, — подхватил Пахом.

— Как знаете. Семьдесят пять медяшек.

— Ух ты. А давайте до серебряного еще пшеничной муки.

— Ровно до серебряного не получится. Мешок пшеничной двадцать медяшек, останется пять.

— Тогда дайте какой-нибудь выпечки на пять медяшек.

В итоге пять мешков с мукой и пять кренделей в сумке — и мы ползем домой.

Потихоньку мы с Евой перенесли мешки с места на место, а Пахом уже унес один в таверну и шел за вторым. Надо бы хоть пива ему налить за помощь.

— Надо еще к мяснику сходить, — попросила я Пахома проводить.

— К мяснику сейчас без толку идти, он весь день на рынке, к ночи только приедет.

— Ну что ж, не судьба. Пахом, ты завтра в город не собираешься?

— Собираюсь, конечно. Яйцо на рынок повезу, да и прикупить кой-чего надо.

— Я с тобой поеду. Раз мясника тут не застали, купим на рынке у него. Мне тоже по делам надо. А яйцо — сколько его у тебя? Я, может, часть заберу.

— Ты вот что, сначала у его светлости спроси, а потом уж ко мне иди. Без его дозволения не повезу, — почесал затылок мужчина.

— Вы что тут, сговорились у меня за спиной? — возмутилась я. — Сейчас, погоди.

Достала камень из кармана юбки и послала немного ментальной магии, представляя Ника.

— Лилия, говори, только быстро, у меня дела.

— Ник, мелкая ты ящерица. Я тебе хвост оторву, если мне еще хоть раз придется спрашивать твоего разрешения на поездки.

— Не понял. Какие поездки? — не обратил он внимания на мои ругательства. — Куда ты опять собралась?

— Мне в город за продуктами надо. А Пахом только с твоего разрешения повезет.

— А-а, вот это правильно. Молодец староста, — засмеялся мне в камень дракон.

— Ах ты поток бурный, я тебе еще припомню это. Попадись ты мне на пути.

— Гроза драконов, ха-ха-ха, — заливался Ник на том конце. — Разрешаю поехать в город. Но только за продуктами.

— Смейся, смейся, на моей улице тоже праздник будет. — Я раздраженно сунула камень в карман, прерывая связь. — Довольны? — уставилась на старосту.

— Да, теперь доволен. Яйцо еще надо?

— Надо, — немного злясь, ответила старику. — Почем отдаешь?

— Десяток по восемь медных тебе отдам.

— А сколько десятков?

— Около двадцати.

— Значит, на серебряный получается двенадцать десятков и еще сдача в четыре медных.

— Ну, раз заберешь двенадцать, забирай. Завтра с утра приеду, как раз и привезу. — И он ушел домой. Я даже забыла пива ему налить за помощь.

— Я поеду с вами завтра. Надо долг внести и налог заплатить, — подала голос Маша.

— А сколько ты налог платишь?

— Золотой и двадцать серебряных. Остальное в счет списания долга.

— И сколько собралось?

— Ты ж книгу ведешь, не знаешь сколько?

— Знаю. Семь золотом и медяшки мелочью, на сдачу. Давай-ка я добавлю еще десяток золотых. Чтобы побыстрее оплатить. Из них и на налог выдели.

— Ради всего сущего, ты ополоумела. Деньги прибереги. Это сейчас нам повезло, а потом неизвестно, что будет, — замахала старушка руками.

— Вот когда наступит твое «потом», тогда о нем и будем думать, а сейчас надо

выплатить долг побыстрее и жить по счетам.

И вот, отсыпав десяток золотых, я отдала их Маше, а остаток припрятала под матрас.

Завтра ехать на рынок, надо взять пяток золотом, чтоб не сильно тратиться. Осталось тридцать девять золотых и пятьдесят семь монет серебром.

Комнаты для ребят были уже готовы, а у меня еще запланировано много интересного.

«Надеюсь, я проживу тут достойную и длинную жизнь», — подумала я, засыпая.

18. Были бы деньги, а товар найдется

В город мы выехали ранним утром. Выдержав все невзгоды поездки на повозке, я хотела расслабиться на рынке. Но не тут-то было. Одну меня отпускать никто не собирался, пришлось помогать Пахому, развернуть палатку, ожидая прихода названной тетушки.

Пройтись по рынку свободно тоже не получилось.

— Сюда не ходи, дорого. Там обвесят, там не доложат, там материал плохой.

В общем, я прослушала краткий обзор махинаций на городском рынке.

— Маш, мы ехали за покупками. И хочешь ты этого или нет, я куплю что задумала, — не выдержав, высказалась я старушке. — О, вот хотя бы сюда зайду, — ткнула пальцем в лавку местной портнихи.

— Туда тебе зачем? Ты у Томушки что-то не купила?

— Нет, все купила, — стоя на пороге, ответила ей. — Я просто посмотрю, может, что-то еще надо, чего у Томушки не было! — И я шагнула внутрь, сбегая от дальнейших поучений.

Ну а что, приценюсь, может, мне невыгодно у Томушки той покупать.

— Добро пожаловать, — из-за прилавка меня встречала Рима, сестра Златы.

Пока она выходила навстречу, лицо ее мрачнело от узнавания.

— А, это вы?! — скривилась девушка.

— Да, это я, — подтвердила я. — Где хозяйка?

Общаться с человеком, не готовым тебя видеть или обслуживать, не было желания.

— Мадам отлучилась, придет после обеда. Вы что-то хотели?

— Да, хотела прицениться к постельным принадлежностям и узнать, сколько будет стоить пошив платья по моему эскизу.

— С этим и я вам помогу, — закатив глаза, ответила Рима.

Постельное белье стоило вполовину меньше того, что я купила, значит, Тома продала с существенной наценкой. А вот сшить платье оказалось дороже, чем у деревенской портнихи.

— Заверни мне, пожалуйста, вот эти две скатерти на стол и пару мужских трико, думаю, ребятам подойдут. А мотки с тканью почему продаете?

Хотя цена была немного выше Тамариной, тут выбор был больше.

Я прошлась вдоль висевших образцов, выбрала рулон коричневого цвета. Пойдет девочкам на юбки. Оплатила покупки.

— Вы меня извините, Лиля, — остановила меня Рима уже у выхода.

— За что?

— За то, что иногда я веду себя слишком резко. Я не хотела вас обидеть ни тогда, в приюте, ни сейчас.

— Ничего. Это просто твой защитный рефлекс. Я все понимаю.

— Нет, на самом деле я думала, что вы сейчас пришли просить в долг. Ведь вы не выглядите человеком с деньгами, — опустив голову, ответила девушка.

— Правда, что ли? Это же замечательно. Не будут навязывать ненужный товар, да и, глядишь, воры пожалеют, не украдут последние гроши, — посмеялась я, чтобы разрядить обстановку. — А на самом деле, не суди людей по внешнему виду. Даже у бедного с виду может оказаться достаточно денег для покупок, а у богача могут быть последние гроши.

— Я благодарна вам за сестру, — все так же смотря в пол, пролепетала она. — И не

только за нее. Надеюсь, у всех ребят жизнь сложится лучше, чем была.

— Не переживай, я постараюсь им помочь. Хотя мне и самой нужна помощь. Но вместе мы сила. Так что, если вдруг нужда заставит, ты знаешь, где нас искать. Наши двери и для тебя открыты. — Я махнула ей на прощанье и вышла на улицу.

Про ткань Мария промолчала, а вещи не увидела, так как сверток был в мешке за плечами.

— Куда теперь пойдём, непоседа?

— Как куда? Теперь пойдём по рынку пройдемся, может, специй каких найдем, да и мясо надо купить.

— А чего их искать? Вон там, за углом, целый ряд специй тех, — показала она направление рукой и взвыла: — У-у-у, пропала девка. Вижу по глазам: пока все не скупишь, не успокоишься.

— Маш, ну Маш, ну Машенька, ну пожалуйста, пойдём. Если ты не пойдёшь, я же сама уйду, и не факт, что снова вернусь одна, — подергала ее за рукав.

— Эй, прекрати мне эти угрозы, — убрав руку, нахмурилась она. — Скидывай все Пахому в телегу да пошли. Хочется домой поскорее уже попасть, дел невпроворот.

— Поняла. — Я радостно поскакала к смеющемуся Пахому у прилавка.

— Что, тетка снова учит?

— Нет. Сказала, домой хочет, поэтому попросила поторопиться. Я вот ткани рулон взяла, хочу потом юбки девочкам пошить. Положу тут?

— Хорошо. Я тоже почти закончил. Яйцо уже продал, осталось немного кур. Так что поторопитесь.

— Отлично, — махнула ему и побежала к Маше, которая уже ждала на входе ряда со специями.

Ряды с приправами оказались как у нас на рынке: крытые прилавки с разными травами, зернами, ягодами. Рай.

Приправ набилась целый мешок. По затратам получилось один золотой и тридцать серебром, а если учесть сорок серебряных за рулон ткани, два серебра и двадцать медных за трико со скатертями, то у меня осталось тридцать девять золотых, четырнадцать серебром и восемьдесят медными монетами. Из них требовалось оплатить яйцо и бочонки с пивом и вином, которые уже лежали в телеге. Это я тут же и сделала, когда приволокла свои специи в повозку и водрузила туда свое брненное тельце.

Маша, бурча, устроилась рядом. Осталось пять серебром, сумма золота и медяшек не изменилась.

— Ну что ж, теперь точно все готово, — радостно потерла я ручонки, забыв, к сожалению, о мясе.

Ева обрадовалась нашему приезду и быстренько кинулась помогать с разборкой покупок. Я спихнула ей специи, отнести на кухню. Сама взяла вещи и рулон и потащилась в трактир.

Машка, охая и причитая, сорвалась домой, проверять скотину. Пахом выгрузил бочки, распрощался и уехал к себе.

— Лиля, я хотела вам сказать, — позвала меня Ева, когда я завалилась на кровать в комнате.

— Что там? Заходи, — позвала девушку.

— Там зорчата есть отказались. С утра ничего не поели.

— И траву не щиплют?

— Да, даже траву. В домик все залезли, фырчат там, но не выходят.

— Ох уж эти пушистые комочки, — тяжело вздохнула я. — Ладно, иду к ним. Приготовь свежую молочную смесь, я пока переоденусь.

Щенок пошел со мной к пушистикам, деловито обошел вокруг вольера и остановился у калитки.

Зорки к нему привыкли, и он их за пищу вроде бы не принимал, так что в вольер заходили мы вместе.

— Где это тут мои пушистые рогатые комочки? — позвала я малышкой, ментально посылая радость от встречи.

Подвинула кормушку для детенышей, присела рядом с домиком и налила в миску молочную смесь.

— Идите сюда, проказники, — поцокала я, и зорки один за другим высунулись из укрытия. — Вы скучали без меня, поэтому не ели, глупыши?

Пушистики уже смело вышли из домика и принялись за еду, довольно пофыркивая, обдавая меня волной недовольства от долгого расставания.

За эти дни зорки прилично подросли, на спинках появилась розовая шерстка, а на головах прорезались рожки.

Вдруг щенок заволновался, бегая у калитки и смотря на трактор, заскулил. Наверное, что-то случилось. Пришлось прервать наши любезности с малышкой и поспешить в трактор.

Уже на подходе к черному входу стало слышно, как кричал мужчина на улице с центрального входа:

— Зови скорее Машу, что ты как вкопанная стоишь? Он кровью истечет. Беги, не стой тут, девка.

По голосу похож на плотника. Я выглянула из-за угла. Да, это оказался он. Рубаха и брюки в крови. Глаза выпучены, сверкают белками. Лицо белое, руки трясутся. А Ева будто остолбенела от ужаса.

— Что случилось, Шень? — вмешалась я, пока девочку инфаркт не хватил.

— Машу зови, там сын ногу разрезал, кровь повсюду. Где она?

— Ее сейчас нет, но, пока ее будут искать, возможно, я чем-то помогу. Сейчас лекарства только захвачу.

Скинув щенка в руки Евы, я кинулась в дом за препаратами. Хорошо хоть, я настояла, чтобы лекарства для экстренных случаев были собраны в корзине в подвале. Пригодилось.

Зрелище открылось не из приятных.

Бледная мать у лежащего на животе белого парня. Того и гляди сама рухнет.

— Он без сознания, — дрожащим голосом сказала она.

Я на ходу перешла на магическое зрение, просканировала внутренности. Все в порядке, крови потерял много, возможна гипоксия, но это поправимо.

Покопалась в корзине, достала успокоительное для матери, свой флакон отец парня и я выпили по дороге. А этот флакон с восстанавливающим отваром для пострадавшего.

— Это следует выпить вам, а это помогите срочно влить вашему сыну.

— Его не перевернуть, — указала женщина на перетянутую ниже колена ногу, рукой придерживая сына за голень.

Мне самой стало нехорошо. Но, отбросив страх, я нашла в корзине кровоостанавливающее и обеззараживающее.

Придерживая двумя пальцами разрезанную икру, мать подняла ладонь. Рана не затягивалась, кровь все еще вытекала.

Я просканировала рану. От сердца отлегло сразу же, когда увидела, что все крупные вены в порядке, а разрез прошел по малой подколенной, из нее и идет основная кровопотеря.

Я плеснула антисептик на руки и на рану. Сначала обработала одну сторону разреза, откуда хлестала кровь, и налила кровоостанавливающий отвар. Вена закупорилась, кровь остановилась. Я соединила края раны. Слегка пододвинула, чтобы вена сошлась воедино. Приложив усилия, послала свою целебную магию в место среза для сращивания. Когда срастила половину, откупорила вену и срастила остаток. «Надеюсь, все получится», — пыхтела я, сдувая пот со лба.

— Можете отпустить, — кивнула матери пострадавшего. — Принесите мне горячую воду и чистые хлопковые тряпки.

Отец рванул в дом, мать отпустила ногу сына и просто осела тут же.

Я продолжала сращивать мелкие венки и ткани, проверяя каждую на дополнительные разрывы, дело шло, хотя и очень медленно. Сил уходило много, но резерв вроде еще не опустел.

«Главное — продержаться до Маши», — как мантру повторяла я.

Шень принес таз с водой, следом из дома выбежала девочка с простыней.

— Нарвите тряпки на длинные широкие полосы, — сказала я отцу парня. — А ты иди сюда. Крови боишься?

— Нет, — ответила она и подошла на место своей матери.

— Намочи одну из тряпок и обмой ногу вокруг раны, мне плохо видно края из-за крови.

Девчушка быстренько схватила один лоскут и, намочив, принялась аккуратно обтирать.

— Не выжимай, больше воды оставь на тряпке, чтобы не беспокоить рану лишней раз.

Девочка тут же исполнила.

— Так, основная часть сосудов сращена, теперь перетянем ногу и перевернем, надо срочно влить лекарства для восстановления, иначе от грязи разовьется воспаление, и все мои труды пойдут прахом.

Я перетянула икру очередным лоскутом. Шень быстро перевернул парня на спину, девчушка придерживала ногу брата. Я же попыталась влить лекарство. Все тщетно, он был без сознания, лекарство не глотал.

Так, вот он, шанс попробовать менталку. Я послала в голову раненого сигнал, что надо задействовать мышцы для глотания.

Прошла вечность, пока он проглотил.

«Боги всемогущие, получилось», — обрадовалась я и чуть не вскочила от восторга.

Однако вовремя опомнилась и влила второй флакон, послав тот же сигнал. Парень снова глотнул.

— Все, можете назад перевернуть, но голову надо держать повыше. Принесите подушку или сядьте и положите ее на колени.

Девчушка, отпустив ногу брата, метнулась в дом, вынесла подушку.

А я уже снова с магзрением феячила над раной. Грязи было немного, видимо, сразу сжали края, но все равно пришлось потрудиться, чтобы от нее избавиться. Только всевышний знает, сколько времени я влила парню целебную магию для сращивания.

«Внутренние ткани срастила, осталось немного по краям, но здесь и само затянется, оставив шрам как напоминание о случившемся», — подумала я.

— Все! Внутри все сращено. Осталось подождать, когда очнется. Сращивать края не буду. Пусть рана дышит и сама зарастает. Просто перевязывайте и промывайте вот этим.

Трясущимися руками я достала из корзинки три флакончика с антисептиком. Сердце бухало так, что в ушах отдавало набатом.

— Тряпки можете оставить, те, окровавленные, выстирайте сначала в холодной воде, так избавитесь от крови, потом можно и дальше использовать для перевязок.

Я все сделала, как учила Маша.

Потихоньку ослабила жгут на бедре, в мучительном ожидании следила, как кровь заполняет сросшиеся капилляры. Застоя нигде не случилось, и тромбов я не обнаружила, что и озвучила счастливому отцу семейства. Мать под шумок ушла в дом, пока мы лечились.

Машу так и не нашли. Куда ж она запропастилась, интересно? Отец поднял сына на руки и понес в дом, я оперлась на лавку, попыталась встать, но, видимо, ноги затекли с руками вместе, так как я промахнулась мимо лавки и стала заваливаться набок. Голова кружилась, в глазах пульсировали звезды, в ушах гудело. Виски сковало болью, я почувствовала удар головой о землю и отключилась.

— Ты же знаешь, я сделаю все, что она попросит. Лишь бы в себя пришла. Она точно жива? — услышала я нервный голос Шеня.

Разговор, видимо, шел обо мне. Волнуется. Надеюсь, с сыном все хорошо?

— Да жива она, хватит скакать тут. Глаза болят. Спит она, восстанавливается, — пробурчала моя старушка.

Бедняга, поседеет она на старости лет, присматривая за мной.

— Так сутки уже спит, разве такое бывает?

— С ее резервом бывает и не такое. Она такую рану залечила, я б точно не помогла. Спасла она сынка тебе, опустошила себя. Молись, чтоб не выгорела. Николас с тебя шкуру спустит.

— Ну и сколько ждать еще? — снова взволнованно заговорил Шень.

— Да нисколько, — прохрипела я. — Пить хочу очень.

— Ох, милка, проснулась, сейчас принесу.

— Слава всевышнему, — подскочил ко мне Шень. — Я так испугался, когда дочь закричала на улице. Тебя увидел и сам чуть рядом не слег. А там и Маша подросла. На дальнем пастбище была, овец пригоняла. Сказала, у тебя резерв опустел, проверила ногу... Как я рад, как же рад. Сегодня же поеду в храм, — взволнованно тараторил мужчина, вываливая кучу ненужной мне информации.

— Шень, успокойтесь, пожалуйста. Я еще не совсем оправилась. Голова гудит. Как ваш сын?

— Да, да, не переживай, я сейчас пойду домой. С ним все хорошо, — махнул мастер рукой. — Вовремя ты его подлечила, он уже встает. А тут вот от жены тебе гостинцы и благодарность огромная. — Он пододвинул мне коробку на столе.

— Милая, вот водичка. Я туда успокоительного немного накапала, — зашла Машка.

— Спасибо.

— Хоть бы денек без приключений! Лиль, разве так можно мои седины волновать? Я же не от старости умру, а от очередной твоей выходки, — поглаживала меня старушка по голове и бурчала, как всегда.

— Зато тебе со мной не скучно, — улыбнулась ей.

— Да с тобой про скуку можно забыть и не вспоминать.

— Шень, я тут краем уха услышала, ты готов все что угодно сделать за то, что я подлечила тебе сына? — обратила я внимание на мастера, пока Маша не продолжила бубнить.

— А? Да, да, конечно, готов. Что скажешь — все сделаю, а он поможет в благодарность, — спохватился мужчина.

— Ты опять что-то удумала, непоседа? Не успела встать, скорей планы строить. Успокойся по-хорошему, а то сонные чары наложу, — погрозила Маша пальцем.

— Теть Маш, ну что ты все бурчишь? Мастер ведь сам предложил. Почему бы не воспользоваться?

— Да, я сам предложил, — согласился Шень.

— Так вот, я тут вспомнила: у нас лестница на второй этаж сгнила, может, сделаете крепенькую?

— Лестницу? Это та, что над погребом?

— Она самая, — улыбнулась я ему.

— Ишь чего удумала, — заголосила с новыми силами Машка. — Ты знаешь, сколько она стоит, такая лестница? Там для ступенек море дерева надо.

— Я сделаю. Денег не надо. Я все сделаю в благодарность за спасение сына, сделаю самую красивую и крепкую, — перебил Шень старушку. — Прямо сейчас и начну. — И вышел из комнаты.

Маша удивленно глянула на меня, потом на ушедшего мастера. Видимо, не ожидала, что так можно было — в обмен на лечение поправить свое заведение. И посеменила за столяром.

А я, наконец-то оставшись в тишине, снова задремала.

19. Где семья дружна, не страшна беда

Лето неумолимо приближалось. Работа над лестницей кипела. Трактир пополнялся постояльцами каждый день. Верно говорят: сарафанное радио работает быстро и эффективно.

Помимо лестницы Шень не забыл и про мебель, которую с сыном строгал по вечерам. И хотя он отказывался от денег за мебель, я настояла, чтобы он их взял. Нехорошо злоупотреблять чужой добротой. Я и так воспользовалась ситуацией и лестницу на халяву получила.

Местные жители потихоньку тоже стали приходить по вечерам, посидеть за кувшином вина или пива. Так я узнавала много новых сплетен из городов и деревни, а также из столицы.

А в столице шли поиски некоего человека. Следствие сбилось со следа, но глава тех сыскарей проверяет все мельчайшие зацепки и в скором времени должен направиться в нашу сторону.

— Уж он-то точно найдет, раз сам взялся за поиски, — утверждали наперебой мужчины.

«Видимо, разыскивают главаря банды, у которой я девчонку своровала. Наконец-то хоть кто-то делом занялся», — порадовалась я.

В комнате для ребят сделали небольшую перегородку, чтобы у них было собственное пространство. Столы и полки были готовы, и после генеральной уборки мы с Евой все расставили по местам, заправили кровати.

Пол тоже пришлось подправить. В одном углу он прогнил, оказалось, в соседней комнате постояльцев прохудился желоб для отвода воды, и жидкость протекала как раз на доски.

Маша привела кузнеца, благо взял он немного, всего шестьдесят медных, зато полностью обновил место для мытья.

Так как Машка себе комнату уже облюбовала и порой приходила не только днем, но и на ночь, комнат осталось три. Мальчишкам придется потесниться. Девушкам надо больше пространства.

Злате требуются занятия по магии, тишина нужна, да и книг понадобится много. Вдруг не сможет поступить с нынешними знаниями. А так поучится хорошо читать, считать, писать и потренируется в магии. А с нужными знаниями можно будет попробовать поступить еще раз.

Ева очень стеснительная, но и ей нужно свое пространство. Дара у нее нет, но уже то, что она полукровка, делает ее особенной. Оказалось, она много читала о травах и даже стала помогать мне с Машей в сборе.

Огородик наш за весну преобразился, потому что мы посеяли морковь, свеклу, репу, лук, чеснок, тыквы и кабачки. Все выпололи и сделали ровные грядки. Даже немного семян кукурузы посадили. Оказалось, вареную здесь не едят, используют только для изготовления муки. Ева успевала за огородом ухаживать, поливать и выпалывать новые сорняки.

За эту неделю мы сделали уйму вещей.

Лестницу на второй этаж почти закончили. Мебель всю привезли, деньги я отдала. Старые перины выбили и оставили прожариться на солнышке. В двух последних комнатах

для постояльцев Шень отремонтировал кровати и столы. Как раз вовремя, так как вечером приехало очень много путников. Мы заселили семь комнат с одной стороны.

Маша вся в мыле скакала по кухне, не зная, за что хвататься. Ева тоже металась и никак этим не помогала.

— Ну что вы мельтешите? Это всего лишь постояльцы. Люди, которых надо покормить. Хватит уже нервничать, делаем все как обычно, только побольше.

— Ага, легко сказать — не нервничать. У нас такого никогда еще не было, а тут еще местные придут, где ж на всех напасешься еды-то?

— А зачем тебе ее напасаться? Надо приготовить такую еду, от которой они быстренько насытятся и просто будут пить. Нам же будет неплохая прибыль.

— Ты не умничай, а помогай давай. Что придумала посытнее сделать? — пыхла Маша над картошкой.

— Да что, что? Давай натушим картошки с мясом. Также штук пять пирогов с мясом, пять с яйцом и зеленью. Ева, закинь вариться десятка четыре или пять яиц и принеси из огорода петрушку, перья лука, укроп, да побольше, это все измельчишь. Яйца сварятся, почистить и тоже измельчить, все перемешать, это будет начинка для пирога.

— Ишь ты, выдумщица какая. Яиц всего осталось шесть десятков, — возмутилась Машка.

— Значит, сходи к Пахому, или по деревне у кого, может, в продаже есть, купи. Ты же деревенских всех знаешь, кто-то да продаст.

— И как вы тут без меня будете?

— Ничего, ты ж ненадолго? Мы пока основное подготовим. Там с обеда осталось немного борща, подадим самым голодным. Куры тоже вроде заканчиваются, надо бы прикупить. Мы тогда не купили мяса, вот и результат.

— Я же купила фарш и свиную рульку. Разве этого было мало?

— Маш, ты ведь и сама видишь, что мало.

— Надо срочно ребят забирать. Если такой ажиотаж продолжится и дальше, у нас не будет хватать рук, — сказала я скорее для себя.

— Не будет такого больше, такое происходит редко, — всыпая в таз муку для теста, ответила старушка.

— Маш, давай я сама тестом займусь, беги, пожалуйста, за яйцом. Если к Пахому, то спроси, может, у него уже есть и куры на продажу, пусть забьет сразу штуки четыре-пять.

— Да иду я, иду. Еву поставь тесто месить, у нее руки крепкие, сильнее наших.

— Хорошо. Беги давай. Деньги из кассы возьми, запиши, сколько взяла.

— Ан нет, дорогая. Пошли-ка ты сама мне дашь гроши, чтоб я не лазила по чужим монетам.

— С каких это пор они чужие? Тут хозяйка пока еще ты. Купчую мне никто еще не давал. Долг-то все еще висит. — Я вытерла руки о передник и отправилась в комнату.

— Это на бумаге трактир мой, а на деле твой уже давно. Ожила ты это место.

— Четырех серебряных хватит? — спросила я из комнаты, достав мешочек из-под пола.

— Конечно, хватит, даже много.

— Маш, много — не мало. Купи яиц десятков двадцать. У Пахома как раз должны были за эти дни уже собраться. Если нет, то по деревне пройдишь. Надо яйцом закупиться и мясом. А по дороге заскочи в пекарню, возьми хлеба.

Маша ушла. На кухне, уже помыв зелень, Ева ее измельчала.

— Яйца закипели, можешь снимать с огня. Вылей воду и налей ледяной из бочки, они легче будут чиститься.

— Я думала, мы сейчас тесто месить будем, — растерянно пролепетала девушка.

— Будем, но не сейчас. Сначала основное приготовим, а пироги позже, как раз когда это съедят, тогда и пироги поспеют. Я пока начищу картошку. Машка вроде уже начала ее чистить.

— А мне потом что делать?

— А ты зелень измельчи, потом остывшие яйца почисти и тоже измельчи, все в одну миску сложи. Возьми поглубже миску, чтобы не высыпалось.

Решаем проблемы по мере поступления.

— Я смотрю, у вас завал сегодня? — В дверях стоял Шень.

— Да-а, есть немного, — улыбнулась ему. — Неожиданный наплыв посетителей, рук не хватает.

— Там дочурка моя пришла, если в помощь надо, она с радостью поможет.

— Зови ее сюда. Будет помогать.

— Сюицы, подойди, дочка.

— Что-то случилось? — встревожилась девочка.

— Нет, милая. Лилии нужна помощь, останься, помоги, а вечером вместе домой пойдем.

— Хорошо, пап, — кивнула девчушка и уставилась на меня.

— Проходи, не стесняйся. Резать мелко зелень умеешь?

— Да, кухне мама с малых лет обучила.

— Тогда, Ева, меняйся с ней местами. Пусть она режет, а ты пройдишь по комнатам, уточни у постояльцев, как они устроились, не нужно ли чего сейчас. И сообщи, во сколько выходить к ужину. Запиши всех, кто будет есть у себя.

— Хорошо, — вытирая помытые уже руки, кивнула девушка и отправилась в зал.

— Лилия, я уже все доделал по лестнице, сейчас осталось закрепить перила, и можно смело подниматься наверх.

— Да вы что? Отлично, — искренне обрадовалась я.

— Ну, тогда я вас оставляю. — И мастер тоже ушел в зал.

— А куда измельченную зелень? — прервала тишину Сюицы.

— Там рядом с яйцом миска стоит, в нее сыпь.

— А зачем так много?

— О, это не много, это на начинку для пирога. А часть потом еще на салат.

— Никогда не ела пирог с начинкой из зелени, — хмыкнула она в ответ.

— А там не только зелень будет. Надо будет еще добавить яйца, которые ты почистишь и тоже измельчишь, — улыбнулась я ей.

— Спасибо вам за брата, — вдруг снова сказала она.

— Пожалуйста. Обращайтесь, если что.

— У меня тоже есть небольшой дар целителя, но я всего лишь могу напитать зелье для укрепления, как и тетя Маша. А вот срачивать что-то не получается. Как вы так научились?

— Меня Маша научила. И то тогда с ногой твоего брата я просто испугалась. Такому она меня не учила, я импровизировала, поэтому не заметила, как опустел резерв, — пожалала я плечами.

— Понятно. Но это было чудесно. Мне было интересно наблюдать, как вы вливаете

магию в рану, поэтому я решила пойти учиться в академию. Отец уже начал копить деньги для поступления. Надеюсь, все получится.

— Милая, у тебя есть дар, а это уже значит, что получилось. Теперь главное — расширить резерв и научиться пользоваться знаниями. Читай много книг, практикуйся. Не останавливайся, если что-то не получается, пробуй снова и снова, пока не получится, а как получилось — закрепи результат, сделав это много раз. Продолжай совершенствоваться, и увидишь — из тебя выйдет отличный лекарь.

— Благодарю за наставление. Я обязательно постараюсь, — расцвела девчушка, принимаясь чистить яйца. — А почему вы не хотите развить свой дар? У вас ведь так все отлично получается.

— Э нет, — выставила я руки перед собой. — Я хоть и выглядела как превосходный маг, но на самом деле безумно боюсь крови. И если бы я не выпила успокоительное перед приходом, думаю, упала бы в обморок, еще не начав его лечить.

Девочка засмеялась, видимо не особо поверив мне.

— Странный целитель, боящийся крови. Любит всевышний пошутить.

— Это да, он тот еще шутник, — улыбнулась я в ответ.

— Лиля, я все узнала: в первых двух комнатах семьи с детками будут есть у себя, остальные пять выйдут в зал. В седьмой комнате мужчина попросил что-нибудь перекусить до ужина, с утра не ел. Отнесу ему борщ, — на ходу доставая поднос и сметану, доложила Ева.

— Да, хорошо. Не забудь рассчитать его сразу. Если будет возмущаться, зови меня, разберусь.

— Хорошо, — накладывая в тарелочку сметану, ответила девушка.

— Хлеба отрежь ему, там немного оставалось. Маша принесет к ужину еще. Народ в зале есть?

— Нет, пока никого, — ставя миску с борщом на поднос, отозвалась Ева. — Я сейчас отнесу, возьму плату и приду помогать.

— Ев, а лошадей в конюшни-то отвели?

— Конечно. Маша сразу всех туда отправляла. В стойлах убрано, овес и вода есть, не переживайте за это.

Девушка ушла, а мы продолжили заниматься кухонными делами.

Вскоре подросла Маша, и дело пошло веселее. Потом хозяйку сменила Ева, а Машу отправили за барную стойку. Ева принялась за тесто.

Хорошо, когда у всех задания и каждый свое выполняет.

В таком суматошном режиме прошло три дня.

Так как в город ехать было некогда, мы договорились с местными о поставках мяса и овощей. Из пекарни — хлеба и муки. Я потратила из своих монет четыре золотых и пятнадцать медных.

Пахом ездил в город, на обратном пути купил нам три бочонка пива и две бочки вина.

Мои гроши уменьшались со скоростью света. Осталось тридцать пять золотом и мелочь. Зато заработали за эти три дня двенадцать золотых. Мы с Машей были несказанно рады, так как местные добавляли нам дохода. Все золотые отложили в мешок для уплаты долга.

«Вот бы еще пара таких деньков», — мечтали мы с ней вечером за чаем на кухне.

Но люди разъехались, и доход, как и настроение, пополз вниз.

А из плюсов — Ева научилась вязать тапочки и носочки, даже придумала несколько

узоров на свой вкус. Эти носочки мы выложили в корзину у барной стойки и продавали по десять медных за пару.

За неделю по вечерам Ева навязала пятнадцать пар. В основном женские тапочки. А я связала носки для мужчин, пар пять. Тапочки разбирались на сувениры как местными, так и приезжими, несмотря на наступающее лето.

Пять медных монет с продажи уходили на погашение долга, а остальные пять мы отдавали Еве как заработок. Энтузиазм у девушки не пропал ни на день. А Мария наконец обрела веру в возрождение трактира и нормальное существование не на гроши.

Шерсть, которую состригли с последней отары, она выделала и напярла ниток. Местная швея даже покрасила немного в красный и синий цвета, носочки с цветными узорами пошли по пятнадцать медных монет. Три медных с продажи мы отдавали швее, остальное добавляли в копилку.

Так и жили мы следующие пару дней, без постояльцев, с редкими посетителями из местных.

Ник, прилетавший с Мией утром, вручил нам приглашения на свадьбу и пообещал прислать швею для пошива платьев.

Маша ушла спать, а мы с Евой сидели за барной стойкой и пили чай со свежими плюшками из пекарни.

— Так-так... — Мы синхронно обернулись к двери на шум. — Смотрю, тут многое поменялось. Видать, мои денежки в оборот пустили?

Плюшка выпала у меня из руки, хорошо хоть, чашка с чаем стояла на столе.

У дверей стоял тот самый заросший бородач, который хотел снасильничать в лесу меня, а потом и Мию.

Сердце бешено заколотилось, когда следом за ним вошли те двое, что были с ним на поляне.

Камень вызова Ника остался в комнате, Еву уже увидели. Что делать? Это ведь не те юнцы из подворотни, а уже зрелые мужики. И если с одним я бы справилась, то с тремя точно нет.

— Добрый вечер, — вдруг пролепетала Ева. — Вы пришли поесть или комнату снять?

— Я? — удивился бородач. — Я пришел к себе домой, дорогуша, — деловито прохаживаясь, ответил он.

Девушка непонимающе уставилась на меня, я так же уставилась на него.

— Простите. Куда пришли? — попыталась привести его в чувство я.

— Ты что, глухая совсем? Домой пришел. Это, — он обвел пальцем кругом, — мой дом. Я покидал его на некоторое время. Но, смотрю, мамка его продала. Да, долг все же для нее был неподъемным. — Бородач усмехнулся.

Я продолжала лихорадочно соображать, кого звать на помощь.

— Ну что, девка, где хозяин-то? Зови, — потребовал бородач, пока его дружки уселись за стол у двери.

Я встала. Была не была, будем решать проблемы по мере поступления. Ева попыталась дернуть меня за рукав.

— Я тут хозяйка. Чего изволите, господа?

Раздался грубый смех.

— Борода, а слухи не ввали, правда девка главная. Да еще и мелкая такая.

— Ага, не ввали, — подтвердил бородач, осмотрев меня. — А скажи-ка мне,

красавица, — наклонился он к бару, дыхнув смрадом изо рта в мою сторону, — не ты ли та спасительница, что увела у меня из-под носа графиньку и награду в пятьдесят золотых?

— Не знаю, о чем вы говорите! — попыталась соврать я, отстраняясь подальше.

— А вот мне тут птичка одна напела, что прекрасно ты все знаешь, — посмеиваясь, снова приблизился космач.

— Не знаю никаких птичек, что вам там поют. Ошиблась ваша птичка, видимо.

— Не зли меня, девка. Я ж знаю, что это ты. Вон лестница справлена недавно. А она не из дешевых.

— Я лекарь, а лестница в благодарность за лечение сделана.

— Ах ты, тварь брехливая, — кинулся в мою сторону космач и, схватив за волосы, дернул на себя, ударив головой о барную стойку.

Ева от испуга села на пол и поползла под стол.

Я больно ударилась не только головой, но и ребрами, поморщилась. Вырваться было бессмысленно, он сильнее.

— Лови девку, Сизый, а то сбежит. Вяжи ее, — кивнул бородач одному из своих, указывая на Еву.

Из кухни послышалась возня и возмущенный вскрик Маши. Неужели там еще кто-то с ними пришел и проник через заднюю дверь? Сколько же их? Меня трясло мелкой дрожью.

— Нашел еще кого? — крикнул главарь, прижимая мою голову к столешнице.

— Да тут старуха только была. Больше никого, — откликнулся еще один мужик, выталкивая в зал связанную Машу в одной ночной сорочке.

— Вот идиоты, даже охранок нет. Как их раньше никто еще не обокрал? — заржал Сизый, который связывал руки остолбеневшей Еве.

— О-о. Да это же не просто старуха, мужики. Это мамка моя. Привет, мам, — дернул этот мужлан меня за волосы в сторону Маши. — Ты зачем продала мой трактир-то? Кто тебе разрешал? — Бородач уже злился.

— Сеня? — удивленно прошептала старушка и без сознания повисла на руках у тащившего ее мужчины.

— Чтоб тебя, — сплюнул он и поволок бабулечку на лавку к двери.

— О, Борода, а ты нашел мою строптивицу. Как погляжу, еще красивее стала, — заржал мужик, отойдя от Марии, и наклонился ко мне: — Ну, привет, красавица.

А я, как рыба, даже сказать ничего не смогла. Передо мной стоял тот молодой охранник, что сопровождал Мию. Мое удивление, видимо, его позабавило, так как он снова шлепнул меня по пятой точке. Я дернулась, но бородач не отпустил, мерзко заржав на мои потуги.

— Явился напасть на незащитных женщин? Это же так по-мужски. А может, все же решил слабительного откусать? — храбрилась я, глядя на охранника.

— О-о, хохмач, видать, она помнит тебя, — снова заржал бородач.

— Да, сегодня я уж постараюсь, чтобы и не забыла никогда. Да, моя радость? — провел бывший охранник пальцами по моей щеке.

— Вряд ли тебе удастся меня чем-то удивить, — ответила я, усмехнувшись.

— А я постараюсь, малышка, я постараюсь, — снова погладил он меня по лицу. И, подхватив Еву, помог ее отнести за стол к одному из разбойников.

Мозг соображал, хоть и плохонько, надо будет узнать про их птичку, кто им там напевает постоянно. Предатель в деревне, это теперь точно понятно.

— Может, отпустите голову, а то разговаривать с вами неудобно. Я как-то больше привыкла собеседнику в глаза смотреть, — особо ни на что не надеюсь, попросила бородача.

— Отпущу, но, если дернешься, разорву на куски твою подавальщицу. Или отдам ее им троим позабавиться, ясно? — прошипел бородач мне в ухо, прижимая голову к столу так, что показалось, череп скоро треснет.

— Да поняла я. Хорош давить.

Бородач отпустил мою голову, но встал у выхода на кухню, тем самым перегородив путь к побегу.

— Итак, — устала я на него, — чего надо?

— А ты наглая, как я погляжу. Тебя родители не учили общению со взрослыми?

— Учили, но рассказывали о других ситуациях. Я ничего о тебе не знаю. И надеюсь, знакомство не продолжится. Так что надо-то?

— Хм, думаю, ты и сама догадалась. Мне нужны денежки, вырученные с награды за графиньку, — посмеиваясь, уставился он на меня.

— У меня их нет, — пожалала я плечами. — Те деньги пошли на уплату долга за трактир. Вот буквально неделю назад ваша матушка ездила оплачивала.

— Ты брешешь. Я знаю, что ты платила за мебель и за остальное из тех денег, — снова взорвался космач.

Кинулся ко мне, но вдруг вздрогнул, зашипел, споткнулся и стал заваливаться на меня. Я, испугавшись, по инерции выставила воздушный щит, и мужчина скатился по нему на пол, не подавая признаков жизни. А из дверного проема выглянул мой щенок.

Я медленно подняла глаза на троих, сидевших за столом. В ужасе устала я на них.

Один держал нож у шеи Евы, двое остальных медленно поднялись и подошли к месту падения космача.

— Борода? — позвал его охранник. — Слышь, Борода. Ты там как?

Они так же с опаской продолжали потихоньку двигаться к барной стойке. Я же выпустила ментальный щуп и направила его к державшему Еву Сизому.

Защита на нем хоть и стояла, но слишком слабая, даже ловушка оказалась пустышкой. Я пробила щит и послала ему посыл уснуть, придушив слегка щупом. Мужчина рухнул у ног Евы, задев стул, который сопровождал падение Сизого грохотом.

Двое надвигавшихся на меня застыли, обернулись на шум. Увидели лежащего подельника.

— Ах ты ж, сучка, — кинулись они к Еве, но воздушный канат заставил их споткнуться и кубарем полететь к дружку в кучу.

— Ева, беги, — крикнула я девушке и кинулась к Маше. Старушка все еще была в отключке.

Мужчины уже поднимались с пола, цепляясь друг за друга. Ева как могла поспешила к выходу, но бывший охранник все же поднялся первым. Он успел зацепить девушку за шиворот и отшвырнуть назад к столам.

В полете она головой припечатала второго встававшего разбойника, тот тоже рухнул на пол и больше не поднялся. Ева, упав на него, тут же откатилась и поползла к бару с другой стороны.

Хохмач кинулся на меня. Я отпрыгнула в сторону, не рассчитала и боком больно ударилась о столешницу. Пока приходила в себя, охраннику хватило доли секунды извернуться и снова напасть. Он схватил стул и кинул в меня. Я пригнулась, и стул врезался

в бутылки за мной.

— Ты что наделал, козлина?! — заорала я на него. — Я их так долго отмывала и расставляла.

— Иди сюда, сучка. Я позабавлюсь с тобой, — кричал этот ненормальный, кидая в меня очередной стул.

Щит выставить я не успела, удар пришелся прямо по локтю правой руки. Я взвыла от боли. Лишь бы не сломал. В этот момент левую сторону лица пронзила жуткая боль.

Но прежде чем потерять сознание, я увидела, как мой маленький щеночек вцепился этому разбойнику в филейную часть тела.

— Лиля, Лиля, ну пожалуйста, очнитесь, — пробивались сквозь звон в моей голове рыдания Евы.

Этот негодник мне кулаком по лицу заехал? Вот мелкий засранец. Надеюсь, волчонок его загрыз.

Открыла глаза. Видимо, в отключке я была недолго, так как Маша до сих пор не пришла в себя. А разбойники все еще валялись. И да, хохмач охранник тоже лежал рядом.

— Что произошло?

— Он вас ударил, а Серый вас спас. Он покусал этого, — кивнула Ева на охранника. — И хочу вам сказать: у него, видимо, появилась та железа, выделения из которой парализуют жертву.

— Да? — удивилась я, глянув на сидевшего около меня щенка, и потрепала Серого по шерстке. — Ты ж мой защитник. Как ты уже подрос.

Осмотрелась и пришла не к очень утешительному выводу. Мебель разбита, придется снова потратиться.

Я поднялась и аккуратно подошла к охраннику. Он лежал без движения, но грудь вздымалась.

— Ах ты козлина, — пнула я его со злости, раз, другой, третий. — Ты хоть представляешь, сколько мне трудов приложить пришлось, чтобы тут все привести в порядок? Я прикончу тебя.

Не знаю, сколько времени прошло, но наконец Маша подала признаки жизни. Мы с Евой кинулись к ней.

— Маша, Машенька, ты как? Где болит?

— Нигде. Все хорошо. Развяжите меня.

Мы выпутали женщину из веревок и связали сначала Сизого и придушенного, усадив у стены. Потом притащили и хохмача, тоже связав по рукам и ногам.

Ева обшарила карманы мужчин.

— Что? — вопросительно глянула она на нас. — Вдруг у них в карманах ножи и они выпутаются?

Мы только пожали плечами и пошли к последнему.

— Ева, сходи в комнату, там на столе лежит зеленый мешочек, в нем камень связи с Ником. Скорее неси.

Маша стояла и беззвучно рыдала, глядя на бородача.

— Мащ, это правда твой сын?

— Да. Но о том, что он сделал, даже думать не хочу. Это не мой Сеня. Это кто-то посторонний.

Мы подхватили мужчину под локти, но тушка оказалась достаточно тяжелой. Мне

пришлось сосредоточиться и воздушной подушкой подпереть его под живот, чтобы перетащить к остальным. Маша либо не заметила, либо не подала виду, что увидела воздушную магию.

Ева принесла камень. Я послала вызов Николасу.

— Лилия, — услышала сонный голос дракона. — Если это не что-то смертельное, то свяжемся утром.

— Ник, срочно. На нас в трактире напали те бандиты, что похитили Мию. У них есть сообщник в деревне. Мы отб...

— Я лечу. Спрячьтесь.

Кратко и по делу. Но бесит, что не дослушал.

Время шло, а Ника все не было. Мы, отдохнув, все же связали бородача. Маша ушла в сторону и тихонько продолжала плакать. Ева, дрожа, сидела за барной стойкой и пила успокаивающий отвар. Я же ходила и раздавала пинки этим паразитам, что разнесли мне мебель.

На улице поднялся ветер от взмахов крыльев.

«Ну наконец-то», — обрадовалась я и кинулась к открывающейся двери.

Дверь распахнулась, почти слетев с петель, и внутрь вихрем, бешено сверкая глазами, влетел мой столичный платиновый блондин.

Следом уже шли Ник и Мия.

— Ты-ы! — заорал голубоглазый, тыча в меня пальцем.

— Ты-ы?! — отзеркалила его я. И попятилась к барной стойке.

— Ну как, помнишь еще мои глаза? — зашипел мужчина, надвигаясь на отступающую меня.

— Да, — пискнула я и кинулась к кухонному выходу.

Но не тут-то было. Блондин снова оказался быстрее. Перехватил меня за талию и рванул на себя, да так, что я повисла на его руках.

— А что тут, собственно, происходит, Феликс? — услышала я голос Ника.

«Наконец-то спасение», — обрадовалась я.

— Да вот, беглянку свою отыскал. Помнишь, я рассказывал про человека, поисками которого занят. Так вот, нашел, — вытянул блондин на руке висящую меня.

— Я не беглянка. Пустите меня наконец. Ник, спаси меня от этого ненормального, — запричитала я.

— Лилия, этот ненормальный — мой старший брат и по совместительству владелец этих земель, — улыбаясь, ответил Ник. — А это, братец, позволь представить: Лилия, та, что спасла мою истинную и поймала этих зверюг, — указал он на связанных мужчин.

Хватка на мне ослабла, и я наконец встала на ноги.

Блондин тоже внимательно осмотрел погром, потом разбойников и, поставив меня на пол, покрутил вокруг, осматривая, видимо, на наличие травм.

— Значит, я правда почувствовал твой страх, — задумчиво произнес он.

— В смысле — почувствовал мой страх? — зависла я.

— Ну, поздравь меня, брат. Я тоже нашел свою истинную, — проигнорировав меня, ответил герцог Нику.

— Чего? — воскликнула я, прежде чем отключиться.

Все же это было слишком для моих нервишек.

Благо щенок цапнул дракона за ногу перед моим обмороком. Надеюсь, яд малыша и на

него подействует.

20. Два сердца, но чувство одно

Феликс

— Приказ из верховной канцелярии, — прервал меня помощник.

— Давай. Что там стряслось? — потянулся я за свитком.

«Немедленно! Тайно собрать хранителей драконьих родов в связи с участвовавшими пропажами молодых особей человеческой расы. Назначить руководителей следственных групп. Создать отряды тайной слежки и расследования, а также группы для обработки информации от населения. Организовать работу поисковых отрядов.

Провести допросы (с ментальным воздействием) пострадавших семей.

Вся информация должна немедленно передаваться архимагам канцелярии.

Запрещено уведомлять семьи и другие расы о тайной операции во избежание паники и внезапной осведомленности врага.

Прибыть на собрание в канцелярию, предъявить послание по прибытии... дата, время».

Я перечитал сообщение еще несколько раз. Как это пропадают? Почему раньше об этом не было донесений? Почему именно люди? Времени на раздумья не было. Придется снова отложить поездку в родовые земли. Потерпи, брат.

В приемной собралось достаточно много драконов. Все возбужденно обсуждали новость.

Долго ждать не пришлось, наконец двери в зал заседаний открыли. У входа стоял парнишка, забиравший приказы и отмечавший в книге прибывших.

Просторный зал не имел излишеств — стены пусты, окон нет, только трибуна и стулья рядами. Зал использовали только для собраний хранителей — так называли глав рода. Трибуна была полна архимагов, а в центре уже ждал верховный дракон.

— Приветствую вас, хранители. Рад видеть всех в добром здравии, — прогрохотало в зале.

Дракон он был старый, но все еще сильный. Никто из глав не мог оспорить его превосходство, да и не нужно это было. Обычные же драконы чтили его как божество.

Вот и сейчас под давлением его силы мой дракон сжался, будто кланяясь, боясь поднять морду. Мышцы между лопаток стало тянуть, будто крылья волочатся по полу, оттягивая их, а в животе стало пусто. Но как только дверь закрылась, все пришло в норму. Видимо, верховный лично проверял прибывших.

Лишней мебели или каких-либо украшений на стенах тут не было, отчего и так громогласный голос верховного звучал еще громче и могущественнее.

— Итак. Из приказа всем все понятно?

— Кто возглавит операцию? — спросил один из старейших глав.

Я же, как молодой хранитель, сидел молча в ожидании задания по своим способностям. Не хватает мне еще за главенство переругаться.

— Главами будут наши пять почтенных драконов...

Дальше я уже не слушал. Кто же все-таки ворует людей? Это ж сколько пропаж случилось, что подняли хранителей и архимагов? Неужели опыты, как в военное время?

— Есть еще вопросы? — перебил мои размышления король.

— Можно мне в тайную слежку, ваше величество? — спросил я сразу, не дожидаясь, пока они все разберутся в своих должностях. Да и сказанное я прослушал.

— О, молодой хранитель рода пресветлого Идана. Да, можно. Твой отец был лучшим в этом деле, — покивал он и попенял мне: — К тому же у вас в землях больше всего пропавших. Кто возьмет молодого дракона под свою опеку? Рикус, не желаешь? — спросил король одного из старых драконов.

— Отчего же не желаю? Почту за честь. Его отца я знал, когда сам был юнцом. Теперь местами поменялись, — побряхтел воздушный дракон.

Как так? У меня больше всего пропавших? Это помолвка меня отвлекла? Брат тоже на нервах, но он не говорил о пропавших. Почему, Николас?

Перед выходом из зала каждый принес клятву о неразглашении, и наконец нас отпустили.

Вечером, сидя у воздушника в особняке, мы обсуждали стратегию. Более зрелые драконы знали свое дело и напутствовали нас, молодых.

— Феликс, я знаю, ты рвешься в бой. Но давай-ка ты слетаешь в свою столицу и проведешь расследование там, — ткнул в карту Рикус. — У тебя много молодежи пропало. Не меньше, чем у эльфов и василисков.

— Не понимаю, как так? Донесений не было. Откуда информация о множестве пропавших? — нервно вышагивал я, а потом выдвинул предположение: — Может, надо оповестить принцессу, вдруг она что-то знает?

— Не следует оповещать. Мы клятву дали, — покачал Рикус головой. — Сначала пропажам не придали должного значения. Думали, просто убегают из дома, женятся втайне. Но нет! Позже пропали девушки из храма белых дев. Новые послушницы, принесли обет, а на следующее утро ни одной на месте не оказалось.

— И скольких украли? — удивился я вестям из храма.

— Пять, — вздохнул дракон из храма. — Это последние известные пропавшие на сегодня. А всего пропало уже более пятисот человек. И все молодые, — покивал он головой. — Так что лети в Грозящий, проверь, все ли там нормально.

— А с моих земель сколько? — все больше нервничал я.

Как же так, Николас? Ты же должен был приглядывать за нашими территориями.

— Более ста человек, Феликс, более ста, — устало ответил старый дракон. — И это только известные пропажи, а сколько неизвестных? Лети, мой мальчик. И смени внешность, чтобы лишней раз не светиться. А я старшего сына отправлю по нашей столице разведать. И помни, — подняв палец, напутствовал Рикус, — любая, даже мельчайшая, деталь может привести нас к разгадке.

— Хорошо, — улыбнулся я знакомым словам. — Как долечу, свяжусь с вами. Вот только у меня невеста в особняке остается. Не знаю, что ей сказать.

— А ничего не говори! Молодая подождет. Просто лети сразу в свои земли, — приказал Рикус.

Улетев из столицы, я направился сразу в Грозящий. Надеюсь, брата там нет. Он же не даст мне покоя расспросами. Хотя и ему стоило бы задать парочку вопросов.

Удача была на моей стороне, в особняке были только садовник, повариха и дворецкий. Хорошо, что Николас в семейном имении. От сердца сразу отлегло.

Утром отправлюсь в местный следственный участок. Посмотрю на списки пропавших. Тогда и решу, где и кого искать.

— Почему мне не доложили? — злился я на следователя.

— Ваша светлость, все доклады отправлялись в ваше имение. Его светлость Николас прилетал. Одну девицу удалось спасти. Вот запись допроса, — протянул он футляр с камнями и расшифровку в отчете.

— Она ровным счетом ничего не сказала! — пробежался я глазами по расшифровке. — Кто напал, не знает, лиц не видела, имен не слышала. Бесполезные показания! — Я отшвырнул отчет от себя и снова обратился к следователю: — С родственниками пропавших провели беседы? Ментальное считывание делали?

— Делали, ваша светлость. Ничего не выявили. Отчеты все тут, — показал он на несколько коробок у стола. — Все проанализированы и рассортированы. — Следователь утер пот со лба пот.

— Мне нужно место, где я смогу со всем этим, — я обвел рукой документы, — ознакомиться.

В выделенном мне кабинете были также навалены стопками бумаги. Шкафов, которые плотно прижимались друг к другу вдоль стен, не хватало. Из-за этого помещение казалось маленьким. Тут было душно, даже при открытом окне.

Что ж, приступим. Я сел за выделенный стол.

Все допросы были схожи, ответы тоже. Не видел, не слышал, ушли и не вернулись. Ментальное сканирование подтверждало сказанное каждым.

Что ж такое! Хотя бы одну ниточку. Хоть одну! Должно же что-то быть, что-то общее, что мы упустили?!

Дракон не отвлекал, мирно посапывая. К полудню духота стала невыносимой, и пришлось пойти пройтись. Надо бы купить маску. А то уже попало несколько знакомых, капюшон плаща не спасает. Нельзя раскрываться.

Что ж, тогда пройдемся до рынка. Куплю там маску и, может, хоть какую-то ниточку найду. А еще надо бы перекусить. Дракон согласно рыкнул и снова задремал.

Углубляться на рынок не пришлось. Лавка с разными украшениями нашлась прямо у входа. «Все для всех» — гласила вывеска. Я спросил у хозяина о маске.

— Вам для каких целей, ваша светлость?

«Узнал? Значит, спустя столько лет я не забыт, — усмехнулся я про себя. — Хотя, может, одежда выдает происхождение?»

— А у вас они еще и для разных целей? — спросил настороженно.

— Заказы разные бывают, но мы не все беремся выполнять, — пожал плечами хозяин.

— Мне просто надо лицо прикрыть, — ответил я ему и уточнил: — А какие заказы бывают?

— Какие? Да всякие. Кому шрам спрятать, кому, как вам, лицо скрыть. А бывают и незаконные запросы о смене личины, — запнулся продавец и тут же заверил: — Но такое мы не делаем!

— А записи о тех запросах есть? Кто просил сменить личину?

— Нет. Зачем они нам? Мы таких выпроваживаем. Нам проблемы не нужны, репутация дороже, — выставив на прилавок коробку с несколькими масками, ответил продавец.

Ну-ну, репутация, говоришь? А откуда она у тебя? С такими безделушками репутацию не заработаешь. Если только...

— А часто к вам заходят молодые девицы за украшениями? — спросил я, рассматривая две приглянувшиеся маски. — Думаю, возьму вот эту. — Я указал на темную кожаную маску, прикрывающую глаза и часть лица. Примерил. Села как влитая.

— Девицы бывают. Но чаще молодые парни в подарок что-нибудь покупают, — нервно ответил хозяин.

А что это мы занервничали? Все же репутацию заработал из-под полы?

— И много покупают? — продолжил я опрос.

— Д-да, — запнулся мужчина. — Бывает и много.

— Вот молодежь. Не терпится им. Лучше б учились как следует, — разрядил я обстановку. Продавец выдохнул и поспешно добавил:

— Да время сейчас такое. Спешат жить.

Что ж, посмотрим, какое время. А ты уже проболтался, узнать бы теперь, о чем конкретно?

Расплатившись за маску, я тут же ее надел и вышел. Побродив по рынку, купил пару пирожков у разносчиков. Нашел место почти в центре рынка, где смогу ментально прощупать хотя бы часть окружающих эманаций. Может, тут наткнусь на что-то полезное?

Устроившись поудобнее в тени одной из лавок, я выпустил с десятков щупов. Просматривая картинки всплывающих при осмотре существ, ничего толкового не обнаружил.

Вдруг один из щупов уловил эманацию остаточного защитного щита моего рода.

Это еще что за новости? Ник точно не пошел бы сюда без щита. Кто-то украл медальон?

Я спрыгнул с крыши и усилил напор по щупу. Носитель щита удалялся. Попробовать залезть в голову? Вдруг это то, что нужно?

Но как только я стал приближаться к носителю, мне в ответ по ментальной связи прилетел удар по затылку. Я даже щуп развеял от удивления.

Быстро придя в себя, запустил магическое зрение, усиливая его драконьим. Глаза засветились, выискивая остаточный след от чужого ментального посыла. Нашел. Вот они, двое. Девушка и мальчишка. Неужели у мальчонки такой сильный дар открылся? Почему тогда не на учебе?

Я выпустил ментальный щуп, осматривая девушку. Именно на ней был остаточный щит. И тут она обернулась. Замерла, когда наши взгляды встретились.

А у меня в груди разлился щенячий восторг от неопишуемого водоворота зелени, плескавшегося там. Все вокруг пропало, я будто прирос к месту, не в силах двинуться. А большие зеленые глаза затягивали в глубокий омут. Манили, обещая бесконечное счастье. Дракон вообще засуетился, пытаюсь взять верх и рвануть за этой красотой.

Прохожий рядом пихнул меня в плечо, и контакт был потерян. Когда же я снова попытался найти эти глаза, уже не смог. Девушка испарилась за какие-то пару секунд. Ни ментального отклика, ни остатков щита, ничего. Все исчезло.

Дракон бесновался, требуя взлететь и осмотреть окрестности с высоты. Но взлететь тут без причинения ущерба не получилось бы, поэтому, еле сдерживая оборот, я пошел в сторону, где потерял ее. Тщетно!

До вечера бродил по окрестностям рынка, пока не наткнулся на мальчишку. Это тот же малец, что был с ней?

— А ну, стой! — крикнул я ему.

Парень остановился. Осмотрел меня, прикидывая, видимо, сколько срежет деньжат.

— Вы что-то хотели? — расплылся он в улыбке.

Ментальный щуп уже обследовал его, не найдя и крупницы магического потенциала. Кто же тогда ударил?

— Ты сегодня, ближе к обеду, был с девушкой. Такая маленькая, с большими зелеными глазами. Куда она делась? — Я чуть не схватил мальчонку за грудки.

— Я много с кем утром был, бегал по поручениям, — ответил парень, не выдавая нужную информацию. Но по его лицу я понял, что он вспомнил ее.

Дал ему серебряную монету. Ради информации мне не стоит скупиться. Парнишка удивленно дернул бровью, но ответил, сдерживая радость от заработка:

— Она пошла в центральную библиотеку. Обрато пойдет той же дорогой до рынка. — Малец указал направление. — Что-то еще нужно?

— Спасибо, можешь идти, — поспешно ответил я, направляясь уже в сторону библиотеки.

Там есть пара пустых домов, можно спрятаться на втором этаже. Как раз понаблюдаю за лавкой и за прохожими. А там и девчонку выловлю.

К вечеру людей на улице стало меньше. А резерв истощился больше чем наполовину. Проверю еще парочку прохожих, и все. О, как раз вон тот подозрительный в плаще прикрыл лицо.

Я выпустил щуп и попытался аккуратно проникнуть в голову. Аккуратно не получилось. Человек прислонился к стене, осматриваясь. Потом, оттолкнув щуп, раскрыл ментальный щит. Это еще что за чудеса? Снова менталист. Второй раз за день. Что-то многовато вас тут развелось. Я разозлился.

Тем временем он поторопился уйти, юркнув в переулок между домами.

— Не уйдешь, негодяй! — рычал я, спрыгнув со второго этажа и ринувшись за ним в переулок.

Побег беглеца не удался. Переулок был перекрыт стеной. Я выпустил ментальные щупы, аккуратно обследуя щит незнакомца.

Ух ты, остатки магии родового амулета. Неужели я напал на след воришки?

От беглеца доносились волны безысходности и страха. Не зря боишься. Надвинув посильнее капюшон, я двинулся вглубь переулка.

— А ты, я смотрю, тоже менталист, — попробовал я вывести наглеца на разговор.

А менталист вдруг взвизгнул, и как-то совсем по-девичьи.

— Не понял, ты женщина? — остановился я, опешив, и потребовал у него снять капюшон.

Невероятно. Ментальная магия у женщины, да еще такая сильная? Быть не может!

Усилив натиск на ее щит, я не мог найти брешь. Как так?

А девица тем временем пошла в наступление.

— Почему без разрешения полез в голову?

— А у преступников разрешения не спрашивают, — усмехнулся я на ее потуги похрабриться. Наблюдая за девушкой, так и не снявшей капюшон, сопоставил факты.

О женщинах-менталистах в нашем подчинении я не слышал, а значит, она шпионка, вот только откуда и что ищет?

— Говори, откуда ты и что тебе надо? — припугнул ее, добавив в речь рычания. Видимо, подействовало, ответ не заставил себя ждать. Хотя твердости ее голоса можно было позавидовать, даже не показала виду, что испугалась.

— Я местная, дар слабый, открылся недавно, не пользуюсь и вставать на учет не хочу, мое право. Это не делает меня преступницей.

Врет нахалка. Со слабым даром она не смогла бы выставить такой мощный щит! Если

она правда наша и не встала на учет, это очень плохо. Ментал такой силы без контроля может не только навредить окружающим, но и себя выжечь.

— Почему я тебе не верю? — поддел ее.

— А почему я вообще должна перед тобой отчитываться? — возмутилась она.

А мне надоело возиться. Раз не хочет говорить по-хорошему, то заговорит через боль!

Воспользовавшись молниеносным шагом, я прижал нахалку к стене и скинул с нее капюшон. От увиденного я чуть было не обратился. Ее запах, ударивший по драконьему обонянию, вскружил голову, сводя с ума, а глаза... Это были те же глаза, что и утром.

Не понимая, что творю, я склонился к пульсирующей венке на ее шее, глубоко вдыхая аромат полевых цветов. Дракон рокотал от удовольствия, послав ментальную картинку, где он лежит вверх лапами на лугу, а девчонка его почесывает. От увиденного у меня вырвался смешок.

Девушка тем временем обозвала меня странным словом и попыталась вырваться. В этот момент мимо переулка кто-то проходил.

— А ну, закрыла рот! — грозно зашипел я ей в губы. Чужое внимание было ни к чему.

«Мое время», — рокотал дракон, желая завладеть девушкой прямо сейчас. Пришлось встряхнуться, сбрасывая наваждение. Не рассчитав, я припечатал девушку о стену. Дракон зарычал на меня и подался вперед, прижимаясь к ней, прося прощения по-драконьи.

На секунду показалось, что она сдалась под нашим натиском, потянулась к нам. Этой секунды хватило, чтобы смять ее губы в жадном поцелуе, вжаться в нее, ощущая бешеное биение сердца. Голова отключилась от того дурмана, что нас окружил. «Нашел мое сокровище», — рокотал дракон. А для меня это стало персональным островом счастья.

Хотелось бы мне так провести вечность. Но губы ударил разряд тока, будоража нервные клетки и приводя нас в сознание. Девушка стала оседать. Я испугался, резко ее поднял и прижал к стене.

— Ну сколько можно, мне ведь больно, — возмутилась она, сверкнув зеленью глаз.

Я снова сделал ей больно? Мысленно дал себе по лбу. Как теперь извиняться? Дракон тем временем, порывивая, подбрасывал картинки всех возможных извинений в постели. Я ослабил давление и улыбнулся.

— Вот, так получше, — повела она плечами.

А мне почему-то уже хотелось унести ее домой. Хотя стоило бы сначала представиться. Я хотел было снять капюшон, как сзади осыпалась кирпичная крошка со стены. Кто это так подкрался, что даже дракон не заметил? Я хотел повернуться, но ногам помешала какая-то преграда. Девушка с силой отпихнула меня, и, потеряв равновесие, я повалился на землю, не успев даже осознать, где враг.

Быстро сгруппировавшись, я вскочил на ноги, осматриваясь вокруг. Никого, кроме нас, не было. Капюшон благополучно слетел во время падения, хорошо хоть, маска осталась.

Пока я осматривался, девушка рванула к выходу.

Не уйдешь! Я ее только нашел, куда ж я теперь ее отпущу? Призвав молнию, я пустил разряд к дороге, чтобы остановить беглянку. Сработало! Она остановилась, медленно развернулась, зло сверля меня глазами.

— Ты только что чуть меня не убил?! — дрожащим голосом произнесла она.

Глупышка, улыбнулся я, никогда не причиню тебе вреда, но припугнуть стоило. Налетевший вдруг ветер вырвал несколько прядей из ее прически, донесся сладкий аромат до моих рецепторов. Свои волосы мне пришлось убрать под плащ, поэтому я не сразу заметил

изменения в ней.

— Что ты наделал? — в смятении уставилась она на свои руки.

Сказать, что я был удивлен, это ничего не сказать. Молния! У нее дар молнии. Но она ведь человек!

— Я не забуду твоих глаз, — шепнула она, подняв свои глаза к небу.

Что происходит? У нее выброс? Она необученный маг? Она умрет! Я хотел рвануть к ней, но свет померк, так как одна из ее молний ударила в меня, пробила защиту и откинула меня в сторону.

Очнулся я в госпитале. Регенерация сделала свое дело, а часть силы, пришедшей от удара, поглотила сущность дракона, который теперь ее переваривал, мирно посапывая. Проведя допрос о случившемся, местный следователь меня отпустил. А я начал метаться по ближайшим трактирам, разыскивая свою пропажу.

Подходящих по описанию девушек было несколько, все они уехали в ту ночь в разных направлениях. Дракон был не помощником, пришлось добираться на лошади, потратив немало времени на их поиски.

Два направления оказались пустой тратой времени. Осталась дорога в наше имение. Теперь-то она точно не сбежит! Перед поездкой я решил все же отдохнуть и снова понаблюдать за столицей. Проходя мимо лавки с мелочами, увидел выходящего из нее молодого эльфа, скрывавшего лицо под маской. Что это тут у нас? Следить пришлось недолго. Он вошел в больницу недалеко от рынка. Войдя следом, я осмотрелся. Навстречу спешил охранник, отлучившийся со своего поста.

— Вы к кому, уважаемый? — строго спросил он.

Я расспросил его об эльфе, который только что вошел. Оказалось, он лекарь, уже давно тут работающий.

Странно, с каких это пор эльфы перебрались в наши города для лекарских дел? Они же тщательно охраняют свои методы лечения, и если работают, то только в высших кругах, но никак не в больницах.

Проверив еще несколько больниц, я убедился, что оказался прав: везде присутствовали эльфы. «Придется задержаться!» — разозлился я. Вскоре Рикус потребовал личный отчет о проделанной работе. Когда я все закончил, девчонки, конечно же, и след простыл. Придется прочесывать все поселения. Хотя у стражников должны быть записи о ее выезде в тот день, вот и воспользуюсь своим, так сказать, положением. Я обрадовался и отправился назад в Грозный.

Девушек выезжало в те сутки немного, а подходящих под мое описание всего трое. Дракон все еще не пришел в себя после поглощенной магии. Снова кони мне в помощь. Несколько дней в дороге вымотали меня. След двух девушек был ложным, не она! Оставалась последняя надежда на Песочню, оттуда приезжала с отцом третья девица.

В деревне мне любезно показали, где живет купец, но заверили, что дочери у него нет. Я расспросил мужчину о девушке, он вспомнил попутчицу из другого села. Она оказалась племянницей хозяйки трактира, а в Грозном они представились семьей, чтобы у девушки не возникло проблем.

Деревушка с трактиром стояла на пути из Песочни, вечерело, ждать сил уже не было. Волнение, охватившее меня некоторое время назад, усилилось и пробудило дракона. Меня обдало страхом, злостью, болью. Дракон занервничал, прибавляя мне эмоций. Я побежал к

полю, бросив коня. Обращился, взлетел. Невидимая нить тянула меня в ту деревню. На подлете я заметил дракона брата.

«Неужели он тоже почувствовал ее? Неужели она и его истинная, о которой он мне твердил? Быть не может!» — разозлился я, обратился назад и с ходу выбил дверь.

И вот она! Наконец нашел! Стоит у барной стойки, раскрасневшаяся, растрепанная, будто от борьбы.

— Ты-ы! — зло зашипел я, сжав челюсти, вспоминая, как долго ее искал.

— Ты-ы?! — удивленно воскликнула девушка и попятилась.

— Ну как, помнишь еще мои глаза? — Так же шипя, я двинулся на нее.

— Да, — пискнула девица и рванула к двери за своей спиной.

Молниеносный шаг снова помог мне нагнать беглянку и перехватить ее у входа. Бедняжка не успела даже опомниться, как повисла на моей руке.

— А что тут, собственно, происходит, Феликс? — обратился ко мне брат, стоявший у двери с другой девушкой.

— Да вот, беглянку свою отыскал, — показал я висевшую на руке малышку.

Оказалось, девушка только выглядит безобидно.

Увела из-под носа разбойников похищенную графиню, оказавшуюся истинной брата, что меня несомненно порадовало. Помогает возродить трактир. Взяла под свое крыло сирот из нашего приюта. В довесок к этому уложила меня на лопатки и обезвредила разбойников, у которых ранее увела графиню.

Правда, когда я сообщил, что она моя истинная, девушка отключилась, наверное от радости. В тот момент откуда-то появился мелкий волчонок и прокусил мне икру, его тут же спрятала подавальщица-полукровка. Благо волчий яд на нас не действует, а то бы и я валялся рядом с той кучкой бандитов.

Несмотря на все протесты моего брата и ее тети, девушку я все же забрал.

Наконец я могу спокойно отказаться от навязанного брака и жить с настоящей половинкой своей души.

Конец первой части

Больше книг на сайте - Knigoed.net